

Джонатан Троппер
Как общаться
с вдовцом

[roman]

СОРРVS

От автора бестселлера
"Дальше живите сами"

Annotation

Джонатан Троппер умеет рассказать о грустном искренне, но не сентиментально, с юмором, но без издевки. Роман «Как общаться с вдовцом» — история молодого человека, который переживает смерть погибшей в авиакатастрофе жены, воспитывает ее сына-подростка, помогает беременной сестре, мирится с женихом другой сестры, пытается привыкнуть к тому, что отец впал в старческий маразм, а еще понимает, что настала пора ему самому выбраться из скорлупы скорби и начать новую жизнь — и эта задача оказывается самой трудной. На этом пути его ждут и ошибки, и сложности, и откровения. Дуг Паркер — двадцатидевятилетний вдовец в тихом Нью-Рэдфорде он своего рода знаменитость, а иногда и объект буйного вожделения. Но у Дуга полно проблем и забот, в том числе и о пятнадцатилетнем пасынке Рассе, угрюмом подростке, который регулярно попадает во всякие неприятности. А когда Дуг снова отправляется в плавание по кишасшему акулами морю свиданий; его жизнь моментально идет кувырком, а обстоятельства выходят из-под контроля.

- [Джонатан Троппер](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
-

Джонатан Троппер

Как общаться с вдовцом

*Алексе Роуз —
той, что коротает
со мной часы до
рассвета С
любовью*

Благодарности

Сочинительство — ремесло одиночек, поэтому я хочу поблагодарить всех, кто так или иначе составлял мне компанию.

Разумеется, Лиззи — за то, что она для меня значит, и за все, что она для меня делает; Спенсера и Эмму, моих любимых сорванцов; родителей — за постоянную поддержку... Саймона Липскара, который работает со мной и помогает мне зарабатывать, и всех добрых людей из литературного агентства *Writers House*... Кэсси Ивашевски, моего ангела-хранителя в городе падших ангелов, и всех сотрудников компании *Brillstein-Grey*... Неугомонного и неудержимого Фила Раскинда и всех его соратников из *Endeavor*... Проницательную и щедрую на похвалы Даниель Перес, Ниту Таублиб, Эрвина Эпплбаума, Патрисию Баллантайн и всех сотрудников издательства *Bantam Dell*... Уэнди, Марка и Тоби... Сару и Джона... Значительная часть этой книги была написана в библиотеке Манхэттенвильского колледжа, поэтому огромное спасибо Джеффу Бенсу за то, что он предоставил мне такое сказочное место, где я мог писать и преподавать... Также хочу поблагодарить Марка Моллера за то, что он нашел время поделиться со мной бесценным опытом... Доктора Хэла Клестцика и доктора Эйба Шрайбера за то, что помогли соблюсти точность во всем, что касается медицинских подробностей... Майю Николич и Мэтта Каселли за то, что книга вышла за границей... Джона Вуда, Женевьеву Пегг, Тимоти Сондерхаскена, Мартину Кёлемайер, Елизавету Мильявада... Давида Адельсберга из *Softspinx* за дизайн моего сайта... Моих друзей и родных из Коды... Спасибо всем клубам книголюбов, приглашавшим меня на встречи, и читателям, которые все эти годы присылали мне письма. Надеюсь, этот роман вам тоже понравится.

При работе над этой книгой ни одно животное не пострадало.

Глава 1

Расс крепко под кайфом. Это видно по белкам его глаз: в неверном желтом свете фонаря кажется, что они подернуты красной пеленой. Это заметно по его черным расширенным зрачкам, полуприкрытым тяжелыми веками, по тому, как небрежно Расс навалился на раздраженного копа, подпирающего мальчишку плечом, словно они собутельники, которые, пошатываясь, выбрались на ночную улицу из очередного кабака. Перевалило за полночь, и когда в дверь позвонили, я, как всегда пьяный вдрызг, дремал на диване, мучительно пытаюсь выбросить из головы воспоминания — выхватить, не глядя, чиркать, как спичками, то одним, то другим и сонно себя поджечь.

— Что случилось? — интересуюсь я.

— Он сцепился с другими ребятами в «Сэвен-Илевен»^[1], — отвечает коп, придерживая Расса за плечо.

Я замечаю ссадины и синяки на лице Расса и красную серповидную царапину на горле. Его черная футболка безнадежно растянута и порвана на шее, из уха вырвали серьгу, и оно кровоточит.

— Ты в порядке? — спрашиваю я Расса.

— Пошел ты к черту, Дуг.

Мы виделись не так давно, и с тех пор у него на лице появилась растительность — клочок коротких жестких волос под нижней губой.

— Так вы ему не отец? — спрашивает коп.

— Не отец.

Я тру кулаками глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Виски пропел мне прощальную колыбельную, и в разлетевшейся на осколки тишине кажется, что все это происходит словно под водой.

— Он сказал, что вы его отец.

— Он, типа, отказался от меня, — с горечью произносит Расс.

— Я его отчим, — поясняю я. — Точнее, был...

— Был... — коп выговаривает это так, словно попробовал тухлой тайской еды, и сверлит меня взглядом. Он высокий и крупный — а иначе ему и не удалось бы удержать плотного и широкоплечего Расса,

который к тому же к своим шестнадцати годам вымахал под два метра. — Выглядите молодо — как его брат.

— Я был женат на его матери, — признаюсь я.

— И где она?

— Ее нет.

— Он имеет в виду, что она умерла, — презрительно поясняет Расс. Поднимает ладонь и опускает самолетиком по наклонной, при этом Расс свистит, а потом шипит сквозь зубы, имитируя взрыв. — Бабах!

— Заткнись, Расс.

— А ты заставь меня, Дуг.

Толстые пальцы полицейского крепче сжимают руку Расса.

— Спокойно, сынок.

— Я вам не сынок, — огрызается Расс, тщетно пытаюсь вырваться из железных рук копа. — Я никому не сынок.

Коп легонько прижимает его к дверному косяку, чтобы Расс не размахивал руками, и поворачивается ко мне.

— А его отец?

— Не знаю, — я оборачиваюсь к Рассу. — Где Джим?

Расс пожимает плечами.

— Уехал во Флориду на несколько дней.

— А Энджи?

— С ним.

— Тебя оставили одного?

— Всего на две ночи. Они завтра возвращаются.

— Энджи? — спрашивает коп.

— Жена его отца.

Полицейский выглядит раздраженным, словно у него от нас уже голова раскалывается. Я хочу все ему объяснить, доказать, что все не так хреново, как кажется, но вспоминаю, что это неправда.

— Так парень здесь не живет?

— Жил раньше, — отвечаю я. — Это дом его матери.

— Послушайте, — устало произносит коп. Он мужчина средних лет, с седеющей гусеницей усов и утомленными глазами. — Что бы он там ни курил, у него я ничего не нашел. Моя смена вот-вот кончится, и мне совсем не хочется тратить еще час, оформлять парня за глупую драку на стоянке. У меня самого трое сыновей. Сейчас-то он

храбрится, крутого из себя корчит, но в патрульной машине плакал и просил отвезти его сюда. Так-то. Я могу забрать парня в участок и записать на него пару-другую правонарушений. Или же вы впустите его в дом и пообещаете мне, что больше это не повторится.

Расс угрюмо тарашится на меня, словно это я во всем виноват.

— Больше это не повторится, — обещаю я.

— Вот и ладно.

Коп отпускает Расса, который резко отдергивает руку, бросается в дом и взбегает по лестнице в свою комнату, посмотрев на меня с нескрываемой ненавистью, пронзившей жирный бок моего пьяного ступора, словно гарпун.

— Спасибо вам, констебль, — благодарю я копа. — Он вообще-то хороший парень. Просто у него выдался трудный год.

— Так-то оно так, — произносит коп и задумчиво трет подбородок. — Но он уже не в первый раз попадается.

— За что?

Коп пожимает плечами.

— Да как обычно. В основном за драку. Ну, мелкое хулиганство. Да и с травкой он явно знаком не понаслышке. Бедолага пошел по дурной дорожке. Я не знаю всю вашу подноготную, но кто-то должен повлиять на него, поговорить с ним и, может быть, отвести к психологу.

— Я скажу его отцу, — обещаю я.

— В следующий раз на парня будет заведено дело.

— Понимаю. Еще раз спасибо.

Напоследок офицер скептически смотрит на меня, и я вижу себя его глазами — растрепанного, неопрятного, небритого, полупьяного, опухшего. Его скептицизм можно понять.

— Примите мои соболезнования. Гибель вашей жены — это большое горе, — говорит он.

— Да, — отвечаю я, закрывая за ним дверь. — Это большое горе для всех нас.

Наверху Расс забрался под одеяло в темноте комнаты, где когда-то жил. Здесь все осталось таким же, как при нем: ни в этой, ни в других комнатах за год, что прошел со смерти Хейли, я ничего не трогал. Дом похож на стоп-кадр из прошлой жизни, сделанный за секунду до того,

как все пошло прахом. Я стою в коридоре, в спину мне бьет свет, моя тень падает на складки и изгибы одеяла Расса, а я пытаюсь придумать, что сказать этому странному, сердитому парню, к которому вроде как должен испытывать родственные чувства.

— Я слышу, как ты дышишь, — говорит Расс, не отрывая лица от подушки.

— Извини, — отвечаю я и вхожу в комнату. — Так из-за чего ты подрался?

— Ни из-за чего. Эти уроды просто начали залупаться.

— Они из твоей школы?

— Нет, парни были взрослые.

— Думаю, под кайфом драться трудновато.

— Ага.

Он переворачивается на спину, поднимает голову и ухмыляется.

— Ты что, всерьез полагаешь, что обязан прочитать мне лекцию о вреде наркотиков, капитан Джек^[2]?

Я вздыхаю.

— Вот и я так не думаю, — произносит Расс, перекатывается обратно на подушку и ложится лицом на руки. — Послушай, у меня была чертовски долгая и трудная ночь, поэтому, если ты не против...

— Я тоже ее потерял, Расс, — говорю я.

До меня доносится странный звук — непонятно, то ли Расс насмешливо фыркнул, то ли глухо всхлипнул.

— Закрой дверь с той стороны, — шепчет он.

Ты не знаешь, когда тебе суждено умереть, но, быть может, какая-то часть тебя на клеточном уровне осознает, что пошел обратный отсчет, и строит планы, потому что в последнюю свою ночь Хейли облачилась в кроваво-красное обтягивающее платье с глубоким декольте, чем несказанно меня удивила. Она как будто знала, что должно случиться, понимала, что это наша с ней последняя ночь, и была полна решимости не превратиться в блеклое воспоминание.

Я не мог оторвать от нее глаз, взгляд дольше обычного задерживался на знакомых изгибах и очертаниях ее тела, все еще стройного и сильного, несмотря на рождение ребенка и почти сорок прожитых лет. Я разглядывал мягкие ямочки над обнаженными ключицами, ее шелковистую белую кожу и хотел Хейли так, как редко

хочешь женщину, с которой спишь вот уже три года. Я поймал себя на том, что обдумываю, как нам лучше улизнуть из-за стола и побыстрому перепихнуться в туалете. Представил себе, как мы с Хейли хихикаем над собственной смелостью в перерыве между жадными поцелуями в тесной кабинке. Я прижимаю Хейли к стене, задрав до талии подол ее красного платья; она обвивает меня стройными голыми ногами, и я вхожу в нее. Вот что бывает, когда долго живешь один и смотришь фильмы по лучшим кабельным каналам.

От этих фантазий я ощутил некоторое неудобство в скрытой под столом части тела, но, даже несмотря на это, знал, что ничего не получится. Во-первых, нам обоим никак не удалось бы незаметно улизнуть. Во-вторых, мне было двадцать восемь, Хейли — почти сорок, и хотя мне нравилось думать, что в нашей сексуальной жизни все хорошо — ну, почти наверняка, — перепих в общественных туалетах все-таки уже вышел из нашего репертуара. Впрочем, он никогда в него и не входил, потому как я боюсь подцепить какую-нибудь гадость и вряд ли смогу кончить, зная, что вокруг кишмя кишат бактерии.

По дороге домой моя рука скользила по гладкой кремовой коже обнаженного бедра Хейли, забираясь все выше и выше, и когда мы заехали в гараж, Хейли уже всюю орудовала у меня в трусах. В темноте я задрал ей платье, наклонил ее на капот, еще горячий и слегка вибрирующий, и вскоре мы тоже распалились и задрожали. Мы снова выглядели подростками — разве что теперь все умели, да и машина была наша.

Должно быть, мы светились, словно за нами тянулся шлейф волшебной пыльцы: когда мы спустя некоторое время вошли в дом, Расс остановил видеоигру, насмешливо посмотрел на нас, покачал головой и посоветовал снять комнату.

— Незачем, — ответила Хейли, схватила меня за руку и потащила по ступенькам вверх. — Комната у нас есть.

— Какая пошлость! — скривился Расс. Объявив нам свой приговор, он вернулся к игре и продолжил равнодушно истреблять недобитков на экране. А мы с Хейли пошли вверх, чтобы нарушить заповеди Господни и законы штата Нью-Йорк, и с новыми силами принялись за дело. В страстном исступлении мы целовали, лизали,

пили и пожирали друг друга. Словно это был наш последний день на земле.

Мы были женаты менее двух лет. Я переехал из Нью-Йорка к Хейли и Рассу. В этом особнячке, выстроенном в колониальном стиле, Хейли жила со своим первым мужем, Джимом, пока не обнаружила, что он ей изменяет, и не вышвырнула его. Я никак не мог привыкнуть к перемене — к тому, что я теперь не развеселый городской холостяк, но чей-то муж, обыватель из пригорода, отчим угрюмого подростка, самого младшего члена софтбольной команды «Храм Израилев», привыкнуть к званым обедам, барбекю во дворе и школьным спектаклям. Я так и не успел освоиться, когда Хейли полетела в Калифорнию на встречу с клиентом и где-то над Колорадо пилот ухитрился промазать мимо неба. Иногда та наша новая жизнь, которая только-только начиналась, кажется призрачной мечтой, и мне снова и снова приходится убеждать себя, что все это было на самом деле. *«У меня была жена, — повторяю я себе. — Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня».*

Но не будем об этом, потому что если я заговорю, то начну об этом думать, а за последний год я передумал все множество раз. Какой-то частью мозга я продолжаю размышлять о случившемся и о ней — целый научно-исследовательский отдел, который только и занимается поиском новых методов скорби, печали и жалости к себе. И уж поверьте, эти ребята не даром хлеб едят. Ну и пусть.

Глава 2

Практически каждый день на нашей лужайке резвятся кролики. Бурые зверьки с серыми пятнышками на спине и похожими на клочки ваты пучками белой шерсти на заднице. Или, точнее, почти каждое утро у *меня* на лужайке резвятся кролики. Потому что теперь нет *нас*, вот уже год как нет. Иногда я забываю об этом, что странно — ведь обычно я ни о чем другом не могу думать. Это мой дом. Моя лужайка. Мои, черт подери, кролики.

Наверное, кролики на лужайке — это прекрасно. Отличная реклама и неопровержимое доказательство того, что вы выбрались из городского смога на разреженный деревенский воздух захолустного Вестчестера. Неважно, что одних наших минивэнов и внедорожников хватит, чтобы растопить полярные льды. Что с того, что мы оборудуем свои величественные особняки, построенные восемьдесят лет назад, километрами оптоволоконного кабеля, которого хватило бы, чтобы задуть целую планету. Наплевать, что «Хоум Депо», «Уол-Марты», «Стоп & Шопы» и многочисленные торговые центры растут как грибы на каждом лугу. Но у нас на лужайках, черт подери, резвятся кролики, как в диснеевском мультфильме, поэтому дело закрыто. Мы живем в гармонии с природой.

Нью-Рэдфорд в точности таков, каким и должен быть пригород, где обитает верхушка среднего класса. Здесь все так же, как описано во множестве романов и показано во множестве фильмов. Исторические кирпичные особняки 1930-х годов, построенные в колониальном и позднеготическом стиле, — пристанища быстро растущих семейств и распадающихся браков; немецкие автомобили класса «люкс», припаркованные на дорожках у дома, словно на рекламном объявлении в журнале; на стоянках со скупающим выражением на лицах кучкуются дети в одежде тусклых цветов от «Аберкромби & Фитч»; по утрам пассажиры набиваются, словно скот, в вагоны пригородных поездов «Метро-Норт» до Манхэттена; пейзаж испещрен минивэнами; в глазах рябит от кризиса среднего возраста. По утрам в каждом квартале появляются толпы иммигрантов на скрипучих пикапах с деревянными стенками, которые скрывают от посторонних взглядов лежбища владельцев. Иммигранты стригут

лужайки, выращивают цветы, ухаживают за высокими живыми изгородями.

Несомненно, именно эти роскошные газоны повинны в том, что популяция кроликов растет. Время от времени я замечаю, как очередной зверек появляется из-за изгороди и стремглав пронесется по лужайке. Обычно же кролики сидят посреди двора, неподвижные, словно статуи; их маленькие ноздри едва заметно подрагивают, как будто зверьки подключены к проходящей под лужайкой сети слабого тока. Самое время запустить в них чем-нибудь.

Багз, Тампер, Роджер, Питер, Вельветовый Кролик. Я назвал их в честь кроликов мультиков и сказок и изо всех сил пытаюсь разmozжить им головы: они напоминают мне о том, что я нахожусь на необитаемом острове жизни, вести которую никогда не планировал. Я злюсь на Хейли, потом огорчаюсь, что разозлился на нее, потом злюсь на свою грусть, и в конце концов моя жалость к себе, не в силах упустить такой случай, включается, словно газотурбинный двигатель, и так до бесконечности — безнадежный цикл стирки, в котором полощется мое грязное белье, не становясь чище. Так что я бросаю в кроликов чем ни попадя. В основном камешками — на крыльце у меня хранится целый запас, похожий на надгробие на могиле ковбоя в пустыне, — хотя в крайнем случае я швыряю в них тем, что найдется под рукой, будь то банка пива или какой-нибудь садовый инструмент. Как-то я запустил в них бутылкой из-под «Бушмилса»: она воткнулась горлышком в траву и простояла так несколько дней, словно саженец дерева виски.

Да ладно вам. Я пока что ни разу не попал ни в одну из этих мелких тварей. И им это прекрасно известно: когда мои снаряды падают на лужайку в метре перед ними или позади них, кролики даже не шелохнутся. Они ухом не ведут — только пялятся на меня, дразнят меня, смеются надо мной, и в их кроличьих глазах-бусинках читается неодобрение. *И это все, на что ты способен? Ну, чувак, моя бабушка бросает сильнее.*

Кролик-«энерджайзер» из рекламы батареек, Кролик из «Плейбоя», Пасхальный Кролик, Харви, Кролик по кличке «Глупые-Фокусы-с-Кроликом-для-Детей», Белый-Кролик-с-Карманными-Часами из «Алисы в Стране Чудес». Я сижу на крыльце с камнем в руке и целюсь в кролика, который скачет по подъездной дорожке, и тут звонит мобильник. Это мама. Она хочет уточнить, приду ли я на

семейный ужин в честь грядущей свадьбы моей младшей сестры Дебби.

— Ты придешь на ужин, — заявляет мама.

Ничто в мире не заставит меня прийти на этот чертов ужин.

— Не знаю, — отвечаю я.

Кролик нерешительно прыгает ко мне. Харви. Я прицеливаюсь и швыряю в него камень, который пролетает выше, чем нужно, и мимо цели, Харви даже не удостоивает его взглядом.

— А что тут знать? Разве ты чем-то занят?

— Мне не очень хочется праздновать.

Дебби выходит замуж за Майка Сендлмена, моего бывшего друга. Ей посчастливилось встретить его у меня дома, когда я сидел шиву^[3], хотя и не собирался этого делать. Я никогда не был религиозен. Бен Смилченски, который учился со мной в школе иврита «Бет-Тора», приносил на уроки комиксы про Бэтмена; мы прятали их между страницами своих азбук «Алеф-Бет», и во многом для меня это стало началом конца. Нелепо было бы ударяться в религию именно сейчас, когда Господь наконец-то раскрыл карты и доказал, что на самом деле Его не существует. Я знаю это. Я был там, я стоял рядом с Рассом на кладбище и смотрел, словно с высоты нескольких тысяч метров, как гроб Хейли на двух ремнях опускают в могилу. И даже сверху я слышал, как он поскрипывает, задевая каменистые стенки свежей могилы, слышал глухой стук кремнистых комьев земли о сухое дуплистое дерево, когда стали закапывать гроб. Она была под землей. Моя Хейли лежала под землей, в зияющей ране могилы на кладбище «Эмуна»^[4], расположенном за водохранилищем, почти в километре от бульвара Спрейн-Брук, куда мы частенько приезжали осенью полюбоваться разноцветными листьями. Хейли в шутку называла листву «блествой», и это словечко вошло в наш семейный словарь. А теперь она лежала под землей, и я знал, что всегда буду мысленно называть листву «блествой», и осенью мне всегда будет больно, и, возможно, мне стоит переехать на запад, куда-нибудь, где времена года сменяются не так резко.

Так что не говорите со мной о Боге.

Но Клэр, моя сестра-близнец, настаивала, что шива необходима для Расса, и что я могу не верить в Бога, но я верю в возмездие, и что с загробным миром шутки плохи, даже если после смерти ничего и нет.

Поэтому мы сидели шиву. Как я и думал, вышло прескверно: торчишь целый день с Рассом, задница потеет от пластикового сиденья низких стульев, которые нам одолжило Еврейское похоронное общество, киваешь и морщишься от бесконечной процессии ротозеев, проходящих через нашу гостиную; восседающие на шатких стульях друзья, соседи и родственники неуклюже пытаются завязать разговор, а потом идут в столовую, чтобы стянуть что-нибудь со стола. Да, был накрыт стол: бейглы, копченая лососина, салаты, вареная семга, киш, клейкие венгерские ватрушки — все от друзей Хейли из «Храма Израилева». Скорбь, как и все остальное, можно обслуживать.

А еще там была моя младшая сестра Дебби, для которой шива все равно что вечеринка в баре в Сохо. Она разоделась в пух и прах: на ней была короткая юбка, а лифчик так подпирал ее среднего размера груди, что они торчали над горизонтом V-образного выреза ее свитера, словно два восходящих солнца. Сиськи младшей сестры не самое интересное зрелище даже в лучшие времена, но было особенно мерзко глядеть на то, как она растопырила их во все стороны, словно выставила напоказ в моем пристанище скорби оружие в полной боеготовности. И так получилось, что они с моим приятелем Майком занялись сексом в кабинете, поэтому вы уж простите, что я не схожу с ума от радости за них. Если бы Хейли не умерла, они бы никогда не встретились. Их счастливое совместное будущее, свадьба, дети — все это следствие гибели Хейли, и хотя умом я понимаю, что Дебби и Майк не причастны к ее смерти, но все-таки они пожинают плоды. А на чужом несчастье счастья не построишь.

— Это не праздник, — говорит мать. — Это просто вечер в кругу семьи.

— Ага, — отвечаю я, не отрывая взгляда от Харви. — Этого мне тоже не очень хочется.

— Жестоко так говорить со своей матерью.

— Вот поэтому я сначала и сказал про праздник.

— Ха, — произносит мать. Она из тех людей, которые, вместо того чтобы смеяться, говорят «ха», словно персонажи комикса.

— Если ты в состоянии хитрить, значит, в силах прийти на ужин.

Такова логика моей матушки.

— Не думаю.

Она вздыхает, и по тому, как она это делает, я представляю себе висящее над ее головой плохо пропечатавшееся слово «вздых» в пузырьке, как в комиксах.

— Дуг, — произносит она. — Ты не можешь скорбеть вечно.

— Кто знает. Может, у меня и получится.

— Ох, Дуг. Прошел уже год. Тебе не кажется, что пора бы перестать?

— Ты права, мам. Прошел всего лишь год.

— Но ты совсем не выходишь из дома.

— Мне здесь нравится.

Людам вроде моей матери не объяснишь, что такое жалость к себе. Это либо есть, либо нет. У всех по-разному. Мать, например, пьет таблетки, такие маленькие желтенькие пилюльки, она перекладывает их в облезлый пузырек из-под эдвила^[5] и всегда носит его с собой в сумке. Я не знаю, что это за таблетки, а мать ни за что не признается, потому что для нее лечение сродни инцесту — семейная тайна за семью печатями, которую нужно хранить любой ценой, чтобы не узнали соседи. Клэр прозвала эти пилюли «вилами», потому что слог «эд» от частого употребления давным-давно стерся с этикетки. Бывало, мы с Клэр таскали «вилы» из маминой сумочки и запивали их вином, чтобы словить кайф. Если мать когда и замечала, что таблетки кончились, она никогда ничего не говорила. Отец сам выписывал рецепты (тогда он еще мог это делать), и у матери был неограниченный запас пилюль.

— С тобой невозможно разговаривать, когда ты так себя ведешь, — заявляет мать.

— И все-таки ты разговариваешь.

— Ты меня поймал. Что ж, суди меня.

— Согласен на запрет в судебном порядке.

— Ха-ха. На земле нет власти выше материнской любви.

— Как там папа?

— Слава богу, на редкость хорошо.

— Ну и прекрасно.

— Как поживает Расселл?

— У него все нормально. Я его не видел несколько дней.

Ни разу с тех пор, как копы привели его ко мне под кайфом, в крови и злого как черт.

- Бедный мальчик. Если хочешь, возьми его с собой.
- Взять его с собой куда?
- На ужин. О чем мы, по-твоему, говорим?
- Я думал, мы забыли об этом.
- Это тебе давно пора кое о чем забыть.
- Ага. Вот так возьму и прямо сейчас обо всем позабуду. Пока,

мам.

- Если ты не придешь, Дебби очень огорчится.
- Ну, я думаю, Дебби это как-нибудь переживет.
- У матери хватает ума не трогать эту тему.
- Просто обещай мне, что подумаешь.
- Это было бы ложью.
- И с каких это пор ты разучился врать своей матери?

Я вздыхаю.

- Я подумаю.

— Это все, о чем я прошу, — врет она в ответ. Мать еще что-то говорит, но я ее уже не слышу: я только что запустил своим мобильным в Харни, который наконец-то выскочил из-под огромного тенистого ясеня. Я промахиваюсь, и вместо кролика попадаю в дерево; от удара телефон рассыпается на мелкие кусочки, и обломки разлетаются по лужайке. Кролик смотрит на меня так, словно я последняя сволочь. А мать, наверное, до сих пор говорит, хотя ее никто не слышит.

Глава 3

Мать была против моей женитьбы на Хейли. А еще, когда мне было пять лет, она говорила, что через сиденье унитаза в общественном туалете можно заразиться неизлечимой венерической болезнью, что от выхлопа проезжающих мимо автобусов у меня почернеют легкие, если я не буду задерживать дыхание, что котлеты для гамбургеров делают из крысиного мяса. Поэтому к двадцати шести годам (именно столько мне было, когда я объявил матери, что женюсь на Хейли) я не очень-то доверял ее советам.

— Безусловно, ты не можешь на ней жениться, — заявила мать за ужином. Ее тонкие брови выгнулись под тяжестью убеждения.

Я приехал с Манхэттена в Форест-Хайтс, чтобы повидаться с семьей и сообщить им радостную новость: их самый традиционно бестолковый ребенок собирается жениться. И им это не понравилось.

— Это катастрофа, — мрачно заявила мать и так крепко сжала бокал, что я испугался, как бы он не разлетелся на куски и не поранил ее ухоженные нежные ручки.

— Ты ее совсем не знаешь.

— Я знаю достаточно. Она старая.

Когда-то мать была довольно популярной театральной актрисой: за роль Аделаиды в спектакле «Парни и куколки» ее даже номинировали на «Тони»^[6], и несмотря на то, что последняя афиша в ее альбоме была старше меня, мать, как и большинство отставных трагических актрис, по сути, никогда не прекращала играть. Она всегда четко артикулировала, вживалась в образ, стараясь убедить галерку, взгляд ее широко раскрытых глаз был выразителен, а губы навечно застыли в гримасе, готовые немедленно передать любую эмоцию.

— Ей всего тридцать семь.

— Тридцатисемилетняя разведенка. То, о чем любая мать мечтает для своего сына!

По мнению моей матери, в длинном списке испорченных людей разведенки стоят лишь немногим выше педофилов.

— Муж ей изменял налево и направо, — ответил я, досадуя на собственный извиняющийся тон.

— И почему, как ты думаешь?

— О господи, мама. Я не знаю. Потому что он хер моржовый?

— Дуг! — машинально произнес отец, демонстративно указав на стол, на случай, если я не заметил. — Мы едим.

Большого внимания от него никто и не ждал, однако мне кажется, главный уролог крупнейшей нью-йоркской больницы мог бы спокойнее отреагировать на слово «хер», произнесенное за столом.

— Извини, пап. Я не хотел тебя будить.

— Как ты разговариваешь с отцом?

— Как ты разговариваешь со мной?

— Ну и как?

— Словно я ребенок. Ради всего святого, мне уже двадцать шесть лет.

— Нечего было ругаться.

— Мне казалось, момент того требовал.

Мать одним глотком допила мерло и рассеянно протянула бокал отцу, чтобы тот налил ей еще вина.

— Стэн, — произнесла она, — скажи ему что-нибудь.

Отец отложил вилку и задумчиво пережевывал лондонское жаркое — каждый кусочек по тридцать раз, прежде чем проглотить. Когда я был маленьким, я считал, чтобы убить время, сколько раз отец жует каждый кусок, сам с собой заключая молчаливые пари, что сегодня он прожует всего лишь двадцать девять раз. Я ни разу не выиграл, и это столь же прекрасная иллюстрация моего везения, как и все остальное. Даже в споре с самим собой я всегда ухитрялся проигрывать.

— Ты вряд ли способен принять здоровое решение, Дуглас, — заявил отец.

Ладно. Вот что я понял. Можно всю жизнь со всеми ладить, быть любящим сыном, неплохо учиться, не принимать сильнодействующих наркотиков, не обрюхатить ничью дочку, быть во всех отношениях отличным парнем и жить в гармонии со всеми тварями Господними. Но стоит тебе в пятнадцать лет разбить угнанный «мерседес» перед полицейским участком — и тебе постоянно будут об этом напоминать. Мать была в шоке. Она с ужасом думала о том, что скажут соседи, хотя в этом случае у нее были на то основания — если честно, это была

машина соседа. Но ведь для того и существует страховка, правда? Если вы ни разу не подали иск, значит, им удалось обвести вас вокруг пальца.

— А ты вряд ли способен поддержать кого бы то ни было в трудный момент, — ответил я отцу.

— Я с этим не согласен, Дуг.

Стэнли Паркер не разозлился. Он «не согласился». Доктор Паркер получил образование в одном из университетов Лиги Плюща^[7], в свои шестьдесят пять он выглядел подтянутым и бодрым: густые седые волосы, очки в золотой оправе, профессионально-сдержанный вид, несмотря на обманчиво добрую улыбку, открывающую вычищенные «ментадентом» зубы. Я не помню, чтобы отец хоть раз меня обнял. Однако на выпускном в универе он сердечно пожал мне руку, и в доказательство этого у меня даже осталась фотография.

— Послушайте, — сказал я, жалея, что не прислушался к интуиции, которая подсказывала мне, что лучше остаться дома и сообщить обо всем по телефону. Однако та же самая интуиция когда-то убедила меня в том, что если я угоню «мерседес» соседа и поеду кататься, то это поможет мне переспать с одной девицей. Тогда интуиция подвела, да и за эти годы она не стала лучше, поэтому, если честно, я привык ее игнорировать. — Я люблю Хейли, и у нас с ней все серьезно. Она красива, умна, она прекрасная мать. Я и мечтать не мог о том, что когда-нибудь встречу такую женщину.

Мать задохнулась от изумления и ужаса, вино выплеснулось через край ее бокала, оставив на скатерти красное пятно. Ей-богу, когда я прихожу к ним в гости, ей лучше пить шардоне.

— У нее есть ребенок? — прохрипела мать, схватившись за сердце. Она закрыла глаза и с трудом переводила дух, как будто ее ударили ножом.

Я улыбнулся.

— Поздравляю, бабуля.

— Господи Иисусе! — простонала мать.

— Да, — ответил я и поднялся, чтобы уйти. — Я предчувствовал, что ты это скажешь.

Выходя из дома, я успел услышать, как мать пилит отца, словно все это его вина.

— Стэнли, — орала она, — это же катастрофа! Сама того не зная, мать доказала одну из своих излюбленных аксиом: даже если часы не ходят, они дважды в день показывают правильное время.

Глава 4

Как общаться с вдовцом

Дуг Паркер

Со смертью Хейли я что-то утратил. Я не знаю, как это назвать, но это что-то мешает сказать правду, когда тебя спрашивают, как дела, словно некий жизненно важный клапан удерживает глубокие, истинные чувства под замком. Я не знаю точно, когда именно его потерял или как его вернуть, но теперь во всем, что касается такта, вежливости и благоразумия, я — мина замедленного действия, которая того и гляди взорвется.

В смысле общения я стал своего рода обузой.

На днях стоял в рецептурном отделе, собирался запастись снотворным. Тут меня заметила подруга Хейли. Она подошла и взяла меня за руку.

— Дуг, — обратилась ко мне она. Бриллианты на ее кольце царапали мне кожу, словно зубы мелкого зверька. — Я собиралась тебе звонить. Ну, как ты?

Я знаю сценарий, я выучил текст. Я должен был сказать, что у меня все в порядке, или хорошо, или более-менее, или как нельзя лучше, и клянусь, я открыл рот, чтобы произнести что-нибудь в этом духе, но вместо этого показал ей оранжевый пузырек с таблетками и сказал:

— Я пью эти чертовы таблетки и все равно не могу заснуть. Принимаю еще, и мне снятся кошмары, а проснуться я уже не могу — мешают проклятые таблетки, а когда все-таки просыпаюсь,

чувствую себя совсем усталым, и мне не очень-то хочется просыпаться, потому что, проснувшись, я думаю о Хейли, и мне снова хочется заснуть. А ты как?

Подруга Хейли нервно огляделась, обдумывая, как бы половчее улизнуть, и мне стало ее жаль. Но себя мне жаль еще больше. Поэтому я кивнул, помахал ей рукой, словно она на другой стороне улицы, а не рядом — так близко, что видно темные поры на коже у нее под глазами, — и вышел из аптеки.

И сейчас такое случается постоянно.

Моя сестра Клэр утверждает, что я намеренно так поступаю, что я таким образом держу людей на расстоянии. В чем-то она, может, и права, но клянусь, что не специально так делаю. Это вырывается из меня без предупреждения, неожиданно, словно сильный чих.

Несколько недель назад ко мне постучался чувак — то ли из «Свидетелей Иеговы», то ли из «Евреев за Иисуса», то ли просто фанатик на транквилизаторах, торгующий Богом вразнос, в брошюрах. Он улыбался, словно карикатура на самого себя.

— Вы уже впустили Бога в свою жизнь? — спросил он.

— Пусть катится ко всем чертям.

Чувак блаженно улыбнулся, как будто я похвалил его дерьмовый костюм, купленный в «Джей-Си-Пенни»^[8].

— Когда-то я думал и чувствовал точно так же, брат мой.

— Ты мне не брат, — прошипел я. — И никогда ты так себя не чувствовал. Если бы ты чувствовал себя так, до сих пор из этого не выбрался бы, потому что такое не проходит. И тогда ты точно не

стучал бы в чужие двери с придурочной ухмылкой на роже!

— Эй! — воскликнул он встревоженно. — Отпусти меня!

И я сообразил, что схватил его за галстук и притянул к себе так, что мы очутились нос к носу, и я могу разглядеть капельку собственной слюны, которая брызнула чуваку на подбородок. Я увидел, что парню едва-едва перевалило за двадцать и он насмерть перепугался. Я отпустил его и сказал, чтобы он убирался. Чувак слетел со ступенек, словно собака, получившая пинка. Мне стало его жаль, но тут он заорал: «Ублюдок долбаный!» и показал мне средний палец. Должно быть, это выглядело смешно, но мне давно уже не бывает смешно. По крайней мере, теперь у чувака будет собственная история борьбы, которой он сможет поделиться с другими представителями Господними за кофе с пончиком в их священном офисе.

А на следующий день я пошел в «Хоум Депо» купить лампочек и увидел там парочку примерно моего возраста: они выбирали краску. Девушка была красива и изящна, парень — лысоват и коренаст, оба одеты в хаки. Было видно, что они по уши влюблены друг в друга. Они болтали о комнате, которую собирались красить, обсуждали цвет ковра, диван и породу дерева, из которого был сделан шкаф, где у них стоял телевизор. Девушка захватила с собой шнурок для шторы, чтобы подобрать цвет; Хейли сделала бы точно так же. Я глазел на парочку: они показывали друг другу образцы краски, прикладывали их к шнурку для шторы, и я представил, как эти двое, обнявшись, сидят у себя в комнате, оформленной в серо-коричневых тонах, на пепельно-сером диване и смотрят телевизор. Я думал о том, что завтра они могут потерять друг друга, что один из них или оба они могут умереть

раньше, чем высохнет краска на стене. Девушка странно посмотрела на меня, и я осознал, что произнес это вслух. Ее супруг шагнул ко мне, словно собирался затеять драку, хотя, кажется, я уже первый начал. Но тут он сунул руку в карман и протянул мне скомканный носовой платок. Я понял, что плачу.

Прошел уже год, и, похоже, мои родные и друзья считают, что срок скорби истек, как будто нужно лишь, чтобы сменились четыре времени года, и после этого можно наливать новое вино в старые мехи, и ты готов снова начать жить. Пора возвращаться к жизни, твердят они. И вот моя мать регулярно звонит и пытается свести меня с очередной девицей, с которой она или кто-то из ее подруг познакомилась в очередной поездке. Но, честное слово, как же надо любить падаль, чтобы пойти на свидание с угрюмым двадцатидевятилетним вдовцом, у которого нет ни нормальной работы, ни мало-мальской цели в жизни? Я представляю себе странных костлявых теток в бесформенных простецких платьях, огромных очках и с целым выводком кошек, с которыми они разговаривают, как с детьми. Или же это унылые, нервно оживленные толстухи с заниженной самооценкой, которые, обливаясь потом, шарят по дну бочки свидания в непрерывных поисках оргазма, не зависящего от прибора, на пальчиковых батарейках. Или разведенки — траченные жизнью подозрительные мужененавистницы, которые ищут очередную плевательницу для желчи либо, не помня себя от страха и одиночества, готовы вцепиться в первого, кто захочет разделить с ними ложе и выплаты по закладной. А еще фетишистки-вампириши, сосущие кровь скорби, которые жаждут слизать с моего лица слезы и впитать своим распухшим сердцем мою

безграничную грусть; эти могли уложить меня в койку раньше, чем я рассчитывал, поэтому я стал ревниво относиться к своей скорби — я не очень-то готов ею делиться.

Так что даже если бы я был готов — а я не готов, — мне все же пришлось бы столкнуться с вечной как мир проблемой: я не собирался вступать ни в один клуб, который мог бы принять меня в свои ряды.

Глава 5

Небо просто издевается надо мной. Сегодня один из тех навязчиво-чудесных весенних дней, которые словно из кожи вон лезут, чтобы быть еще прекраснее — настолько, что хочется дать им по морде. Небо ярче, чем имеет право быть: оно оскорбительно, невыносимо голубое — такое, что остаться дома значит совершить преступление против человечности. Как будто мне есть куда пойти. Соседи, как один, стригут газоны и подравнивают изгороди, отовсюду доносится механическое шипение крутящихся дождевателей. Чудесный день. Хейли мертва, а мне нечего делать и некуда идти.

Я подбираю с лужайки пластмассовые ошметки мобильного, и тут на обочине тормозит темный раздолбанный «ниссан» с тонированными стеклами. Сквозь приоткрытую дверцу машины несется энергичный нестройный хип-хоп; из «ниссана» в густом облаке застоявшегося сигаретного дыма вылезает Расс. Он высокий и мускулистый, как отец, на нем мешковатые шорты, вьетнамки и линялая футболка с рисунком из «Боевой звезды Галактики»^[9].

В руке у него айпод. На прощание Расс с приятелями хлопают друг друга по рукам, перекрывая музыку, парни кричат ему вслед веселые непристойности. Из открытого окна задней двери вылетает полупустой стаканчик из-под колы, жидкость льется на тротуар, как кровь на месте преступления. Расс улыбается и бьет по крыше машины; «ниссан» трогается с места и лихо заворачивает за угол — так, что шины визжат. Я прислушиваюсь, не раздастся ли глухой удар, но нет. Расс явно попал в дурную компанию: катящиеся по наклонной прикурки с подернутыми пеленой глазами и пирсингом в бровях, с длинными всклокоченными волосами и фальшивыми документами, парни, которые ночь напролет бесцельно гоняют на машинах, ищут на свою голову приключений, тусуются на пустынных стоянках, надираются дешевым пивом, играют мрачный панк-рок и перебивают кости говнюкам из собственной школы. Я знаю, что должен что-то с этим делать, особенно в свете инцидента с полицией, который произошел несколько дней назад, но скорбь и жалость к себе истощили мои силы, а делать несколько дел сразу у меня не получалось никогда.

— Привет, — говорит Расс, направляясь по лужайке ко мне. Он вытаскивает из ушей наушники и вешает их на шею. Длинные нечесанные волосы — того же медового оттенка, что и у Хейли — падают на большие темные глаза Расса, словно вуаль. С того случая с полицейским прошла почти неделя, и от порезов на лице и шее у него остались лишь бледно-розовые шрамики.

— Привет, — отвечаю я.

— Прости за ту ночь, — продолжает Расс. — Я был слегка под кайфом.

— Я не думал, что наутро ты уйдешь.

— В девять ты еще спал, — произносит он, пожимая плечами. — Это твой сотовый?

— Был.

— Хороший удар. В смысле, если ты целился в дерево.

— Я целился в кролика, а попал в дерево.

Расс глубокомысленно кивает.

— Бывает.

Я встаю и иду к крыльцу, на ходу засовывая в карман останки сотового.

— Ты разве не должен сейчас быть в школе?

— И что? Ты теперь как мой отец?

— Я просто спросил.

Он смотрит на меня и качает головой.

— Я бы с радостью тебе ответил, честно. Но ты лишился права задавать подобные вопросы, когда выгнал меня к Джиму и Энджи.

— Мне жаль, что так вышло, Расс. Но ведь Джим твой отец. Я ничего не мог поделать.

— Да что ты говоришь! — фыркает Расс. — Он меня ненавидит. Он был бы счастлив, если бы ты меня забрал.

— Ты знаешь, что это не так.

— Ты знаешь, что это так.

Мне с самого начала было ясно, что Расс относится ко мне лучше, чем к отцу. Я понимал: в первую очередь это потому, что я не попался со спущенными штанами во время секса со старой подругой и не бросил Расса ради новой семьи, как сделал Джим. Расс, может, и не был в буйном восторге (если не сказать хуже), когда я переехал к ним

три года назад, но я, по крайней мере, был меньшим из двух зол. А мои родители думали, что я никогда ничего не добьюсь.

При любых, даже самых лучших, обстоятельствах озлобленный подросток с трудом идет на контакт. А как еще относиться к человеку, который спит с твоей матерью? Поверьте мне, это совсем другой уровень сложности. Когда я только переехал к ним, я знал: мне придется порядком попотеть, чтобы поладить с Рассом, дабы Хейли не чувствовала себя неловко. Если бы у меня ничего не получилось, вышло бы так, словно она бросила своего ребенка. Новый друг лучше старых двух. Поэтому я прикинулся добрым дядей: отвозил Рассу в школу и на встречи с друзьями, время от времени по выходным ходил с ним в кино, проверял его контрольные работы, а в последнее время учил его водить на своем стареньком «саабе». Ребенком я был ленив, да и сейчас тот еще лентяй; вся прелесть ситуации была в том, что я не собирался заменить Рассу отца, и от этого благоразумного решения мы все оказались в выигрыше. Как только мы выяснили, что нам не нужен друг от друга ничего, кроме взаимно комфортного совместного обитания без каких-либо условий, мы прекрасно поладили.

Но чего он от меня ждал после гибели Хейли — заявления об опеке? Я знаю, Джим не сахар, но и я тоже. Ради всего святого, мне двадцать девять лет, я мрачен, ленив и зол, я слишком много пью и надеюсь, что рано или поздно у меня хватит духу продать дом и свалить из этого городишки ко всем чертям, а если мне придется заботиться о Рассе, я этого сделать не смогу. Так ему будет лучше, поверьте. Парень получит несколько миллионов долларов от авиакомпании, поэтому ему нужно просто остаться с Джимом до того, как ему стукнет восемнадцать: тогда он уже не будет нуждаться в опеке.

— Ты бы только слышал, что творится в этом «борделе Джимбо»! — хмыкает Расс. — Я, конечно, знал, что он озабоченный козел, но, чувак, я живу, словно в порнофильме. Они как уложат этого мелкого уродца, моего брата, спать, тут же начинают трахаться и делают это часами. Моя комната прямо под их спальней; у меня такое ощущение, что они не останавливаются никогда. А пока они трахаются, Энджи кричит всю эту чушь — типа, «сильнее, еще сильнее», а я сижу и смотрю, как трясется потолок, и думаю о том, что,

если он трахнет ее еще сильнее, пол провалится и они оба рухнут ко мне на кровать. Поверь, с меня и без этого хватит потрясений.

Расс проводит рукой по всклокоченным волосам, отбрасывает их с лица, и я замечаю у него на шее яркое пятно.

— Что это у тебя? Татуировка? — спрашиваю я, изо всех сил стараясь не выдать своей тревоги.

— Да, — отвечает Расс и отворачивается.

— Когда ты ее сделал?

— На той неделе.

— Покажи.

Он поднимает волосы, и я вижу на его шее похожую на головастика синюю загогулину, со всех сторон охваченную оранжевым пламенем, как в комиксах. Я знаю, что не стоит из-за этого расстраиваться, знаю, что сейчас татуировки — нечто вроде украшения, аксессуара, как кольца на большой палец или браслеты. Актрисы — лауреаты «Оскара» выкалывают на спине вязью цитаты из буддийских текстов. У любой девицы в джинсах с заниженной талией на заднице есть татуировка — бабочка. Но все-таки у меня сжимает горло при мысли о чем-то столь постоянном на теле этого грустного и злого шестнадцатилетнего ребенка. А еще при мысли о том, что Хейли было бы очень больно это видеть. Когда Расс впервые сбрил щетину, больше похожую на пушок персика, Хейли была практически безутешна. Но сделанного не воротишь, и мне не остается ничего, кроме как ободрить парня.

— Красиво, — говорю я нерешительно.

— Угадай, что это? — спрашивает Расс.

— Горящая сперма?

— Да пошел ты.

— Тогда метеор.

— Это комета, — произносит Расс.

— А какая разница?

— Откуда мне, черт подери, знать?

— Ладно. Пусть будет комета.

Расс бережно потирает татуировку.

— Это комета Хейли.

Мои глаза мгновенно наполняются слезами, сдержать их я не успеваю.

— Я знаю, что по-настоящему пишется иначе^[10], — продолжает Расс смущенно, — но, понимаешь, мне просто понравился образ. Комета Хейли. Она всегда расстраивалась из-за того, что я пишу с ошибками, так что это своего рода компромисс.

Мне одновременно хочется заплакать, обнять Расса, пойти и тоже сделать себе татуировку. Но сейчас у меня ни на что из этого не хватит сил, поэтому я просто отворачиваюсь и говорю:

— Круто, Расс. Ей бы понравилось.

— Она бы вопила, рыдала и потом год меня бы пилила.

— Возможно. Но в глубине души ей бы это понравилось.

— Нет, — настаивает Расс, качая головой. — Не понравилось бы.

На мгновение я задумываюсь, потом медленно киваю.

— Наверное, ты прав. Но я все-таки считаю, что это прекрасная дань ее памяти.

— Я сделал это, потому что знал, что ей бы это не понравилось.

Я пытаюсь принять глубокомысленный вид — как парень, который действительно знает, о чем говорит.

— Ну, даже если сейчас ты этого не понимаешь, это все-таки дань памяти Хейли.

— Дуг.

— Что?

— Какой же ты дурак.

Я вздыхаю.

— Ты думаешь, я сам не знаю?

Расс насмешливо фыркает, сворачивает невесть откуда взявшийся неровный косяк, а потом ищет в карманах зажигалку.

— Ты не мог бы не делать этого при мне? — говорю я.

— Почему это?

— Потому что я твой отчим, и это безответственно.

— Интересно, — произносит Расс. — Ты сохраняешь это право, несмотря на то что не отстоял его? Я имею в виду, мама умерла, и с точки зрения закона мы здесь вроде как на нейтральной территории. Будь ты моим официальным опекуном...

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Закуривай. Только не читай мне нотаций.

Расс закуривает и затягивается так глубоко, что я слышу потрескивание тлеющей бумаги. Мы мирно сидим рядышком, словно

на открытке «Холл-марк», — я и мой обдолбанный пасынок.

— Знаешь, — спустя несколько минут говорит Расс задумчиво, — если вдуматься, Джим — мой отец лишь потому, что когда-то трахнул мою мать.

— Точно. Понимаешь, я изо всех сил стараюсь об этом не думать.

— Я про то, что с этой точки зрения ты имеешь такие же права. На самом деле даже большие, так как у него моральный облик подкачал.

— Да уж, — отвечаю я. — Зато я образец добродетели. Именно поэтому ты сейчас дуешь прямо у меня на глазах.

Он пожимает плечами.

— Значит, ты продвинутый.

— Я мудака.

— Никто и не спорит, — многозначительно произносит Расс, показывая на себя. Я знаю, что он всего лишь поддразнивает меня, но все равно чувствую себя уязвленным. Что тут скажешь? Я обидчив.

Он протягивает мне косяк, но я качаю головой.

— Пас.

— Не дури, — настаивает Расс. — Я спер его у тебя из заглашника.

— Расс, — мягко произношу я, поворачиваюсь и смотрю на него. — Если ты меня так сильно ненавидишь, почему так часто сюда приходишь? И почему той ночью ты попросил копа привезти тебя сюда?

Он поднимает глаза, чтобы поймать мой взгляд, но я отворачиваюсь. С тех пор как Хейли умерла, я не могу смотреть людям в глаза — ни знакомым, ни незнакомцам. Не знаю почему, но это так. Расс качает головой и, насупившись, пытается сдержать слезы.

— Это был мой дом, парень, — отвечает он. — А ты заявился сюда и... — его голос срывается, и Расс продолжает: — Черт. — Он отворачивается.

— Расс, — зову я.

— Забудь, — говорит он. — Я просто зашел извиниться за ту ночь. Больше это не повторится.

— Я не собираюсь ничего забывать. — Я протягиваю к нему руку, но он резко отворачивается, встает с крыльца и с омерзением отшвыривает косяк. — Что с тобой творится, Расс?

— Ничего. Не жизнь, а мечта, черт подери. Мне пора идти.

— Лучше бы ты остался.

— Ага, — соглашается Расс, спускаясь по ступенькам. — Когда мы в последний раз получали то, что для нас лучше?

Он идет по дорожке, на ходу надевая наушники, чтобы заглушить звуки мира яростным саундтреком своей жизни, и все, что я могу сделать, — то, что я и так делаю: сижу и провожаю его взглядом.

Я не верю в рай, в Бога и в загробную жизнь. Не верю, что Хейли отошла в лучший мир, что она стала ангелом и смотрит на меня с небес. Я верю, что ее душа погибла в тот же миг, что и тело, — когда самолет врезался в гору на скорости 500 километров в час и разбился в лепешку, словно пустая жестянка из-под газировки. Но когда я, развалившись и закрыв глаза, сижу на крыльце, и вдыхаю последний дымок косяка, брошенного Рассом, я чувствую Хейли так явно, что на мгновение у меня перехватывает дыхание и встают дыбом волоски на шее. *Привет, детка*, мысленно говорю я ей. *Это ведь ты, или только пустота — там, ты раньше была?*

Но проходит мгновение, и я снова становлюсь прежним. Сижу на крыльце на качелях и тихонько ловлю кайф в самый разгар этого идиотски-прекрасного дня. Я смотрю, как удаляется мой грустный и злой пасынок; его фигурка становится все меньше и меньше. Он идет по улице и думает о комете Хейли, которая пылает на его коже; наверное, ему было очень больно, когда ее кололи. Я смотрю ему вслед, пока он не скрывается из виду, а потом поднимаю глаза и не моргая гляжу в голубое небо — такое же нелепое, как я.

Глава 6

Примерно в полдень приходит Лейни Поттер и приносит мне мясной рулет. После катастрофы друзья Хейли стали по очереди меня навещать; я давным-давно убедил всех, что больше не надо ко мне приходить, но Лейни, которой достались вторники, не сдавалась. Войдя в дом, Лейни ставит рулет в холодильник, обнимает меня и целует в щеку. Она тесно прижимается ко мне всем телом — совсем не так, как замужняя женщина должна обнимать холостяка; разговаривая, она часто дотрагивается до меня, спрашивает, все ли у меня в порядке. Она была бы счастлива, если б я развеялся прямо при ней — тогда она смогла бы меня обнять и успокоить. У Лейни ярко-рыжие волосы, аппетитная фигура и губы, как у порнозвезды — пухлые, словно покусанные пчелами. Ее муж, Дейв, лет на пятнадцать старше меня, он юрист. Лейни тридцать четыре, из наших общих знакомых к моему поколению принадлежит только она одна. Лейни всегда со мной флиртовала — невинно, в шутку, словно это наша общая игра, но последнее время она увеличила обороты. Ничего такого, чему нельзя было бы при необходимости найти невинное объяснение, однако в ее объятьях читался недвусмысленный призыв.

— Выглядишь ты не очень, — говорит Лейни, отстраняясь, но не отпуская меня и словно невзначай прижимаясь ко мне бедрами.

— Я рассматривал фотографии и плакал.

Я не это хотел сказать, но так уж получилось. Я в довольно-таки странном состоянии: не могу смотреть никому в глаза дольше пары секунд, но стоит задать мне простой вопрос — и я изолью вам душу. Когда Лейни позвонила в дверь, я валялся в гостиной на полу, разглядывал наши с Хейли фотографии, которые лежали в коробке из-под обуви — мы так и не собрались вставить их в альбом, — и ждал, пока в окне погаснут последние лучи солнца, освещавшие галактику, чтобы с полным правом открыть бутылочку «Джека Дэниелса».

— Бедный Дуг, — произносит Лейни и снова обнимает меня. Я чувствую, как ее твердые соски, словно два обкатанных морем гладких камешка, прижимаются к моей груди, я слышу запах кожи в ложбинке на ее шее — этот ни с чем не сравнимый аромат, характерный для рыжих, и ловлю себя на том, что мне хочется лизнуть ее шею и

посмотреть, что будет. День был поганый, просто никудышный, и мне вдруг улыбается мысль о том, чтобы раздеть соблазнительную Лейни Поттер, которая явно только того и ждет, и затеряться в изгибах и ямочках ее нежной плоти. Я понимаю, что в постели она не будет вести себя активно, не будет кричать от страсти, не будет дикой и необузданной — да и когда я в последний раз вот так занимался сексом? Я не спал ни с кем целый год, и, быть может, секс с Лейни Поттер поможет мне воспрянуть духом.

Я ощущаю, как твердеет мой член, прижатый к бедрам Лейни, я чувствую, что ее сердце бьется сильнее, я слышу, как она учащенно дышит мне в ухо, но я знаю, что секс с ней стал бы ошибкой. Она начала бы приходить каждую неделю — быть может, несколько раз в неделю; я не успел бы оглянуться, как мы закрутили бы запутанный роман и она стала бы жаловаться мне на Дейва, рассказывать, что хочет его бросить, и мне пришлось бы ее избегать, а это непросто, потому что я никогда не выхожу из дома — и все из-за того, что в минуту слабости я принял свое безграничное одиночество за обыкновенную похоть.

— Извини, — говорю я, освобождаясь из ее объятий. — Я сегодня неважно себя чувствую.

— Я могу тебе чем-то помочь? — спрашивает Лейни. На ее лице горит легкий румянец, она взволнованно оглядывает кухню.

— Думаю, я просто поем и лягу спать.

— Мне больно при мысли о том, что ты здесь один и тебе плохо, — продолжает она. — Хочешь, я останусь ненадолго?

Она что-то говорит, я ей отвечаю, но одновременно с этим идет другой разговор: беседуют наши глаза (хотя, встретившись взглядом, мы тут же отворачиваемся), ведут диалог наши нервно-оживленные руки, перекликаются пульсации в чреслах — я не успеваю уследить за всеми этими разговорами. Ощущение такое, будто одновременно слушаешь радио, смотришь телевизор, пылесосишь и болтаешь по телефону.

— Нет, все в порядке, — уверяю я, провожая Лейни до двери. — Правда. Мне просто нужно поспать.

— Я могу подоткнуть тебе одеяло, — предлагает Лейни, и я спиной чувствую ее взгляд.

— Все хорошо. Спасибо.

У порога она снова обнимает меня, и на этот раз я целую ее в щеку, до смешного гордый тем, что не поддался искушению. Я никогда не спал с замужней женщиной — скорее потому, что как-то не было случая, чем из принципа, — но что-то подсказывает мне: сейчас не самый лучший момент, чтобы начинать. Дейв Поттер, муж Лейни — юрист, он занимается частной практикой вместе с Майком Сендлменом, человеком, который через несколько недель женится на моей сестре Дебби. Улавливаете связь? Жена трагически погибает и жизнь превращается в дрянной сериал.

И все же... У Лейни до смешного сексуальные губы, похожие на две длинные, сужающиеся к уголкам подушки, лоснящиеся и блестящие, и раз я не собираюсь с ней спать, я не вижу ничего дурного в том, чтобы задеть их краешком рта, целуя Лейни в щеку.

— Спасибо тебе за все, Лейни.

— Если тебе что-нибудь понадобится, Дуг, я всегда готова помочь, — отвечает она, многозначительно глядя мне в глаза. — Ты ведь это знаешь, правда?

— Да.

Ее улыбка — открытое признание в том, что между нами что-то происходит, и это нужно просто принять. Глядя на то, как она садится в машину, я чувствую легкий укол сожаления; я все еще помню нежную припухлость ее губ на моих губах. Я не знаю, почему она предлагает мне себя: потому ли, что несчастлива в браке, потому ли, что одинока, или ей все надоело, или оттого что Дейв так же скучен и вял в постели, как за ее пределами, — как бы то ни было, я думаю, разумнее оставить все как есть. Потому что в конце концов мне придется расстаться с Лейни, и она будет чувствовать, что ею воспользовались, а мне будет плохо. И хотя я не знаю наверняка, как все обернется, я абсолютно уверен, что на этом вторники с Лейни Поттер закончатся. Обдумав все окончательно, я прихожу к выводу, что по ее мясному рулету буду скучать больше, чем по чему-либо еще.

И все-таки, когда она ушла, я испытал разочарование и злость. Мне хочется кого-нибудь обнимать, целовать, лизать, сосать, слышать, как подо мной кто-то извивается и дрожит. Я хочу почувствовать терпкую сладость женских губ, хочу лежать голым и потным между вздымающихся волной, горячих и влажных бедер Лейни Поттер.

— Я хочу трахаться, — жалуясь я Клэр по телефону. Мы болтаем каждый день.

— И из-за этого ты испытываешь чувство вины.

— Думаю, да.

— Не стоит.

— Ладно. Я рад, что мы поговорили об этом.

— Я серьезно, Дуг. Это же абсолютно естественно. Все трахаются.

— Не рановато ли?

— Жениться — может быть. Ходить на свидания — вероятно. Но секс? Это же чистой воды физиология. Все равно что просрать.

— Мне такое сравнение никогда не приходило в голову.

— Однако это то же самое. В тебе накапливается что-то, что просится наружу.

— Мне кажется, это неправильно.

— Преодолей себя, братишка. Если некая озабоченная домохозяйка спит и видит, как бы заняться с тобой сексом — и не обязательно по телефону, — так, черт подери, достань свой аппарат и займись делом! Большую часть жизни ты мечтал, чтобы у тебя было, кому, э-э-э, позвонить в случае чего. Так теперь твоя мечта сбылась.

— Это добром не кончится.

— Ничего еще даже не началось, а ты уже переживаешь о том, как что кончится, — сердится Клэр. — Относись к этому так. Первые несколько раз, когда ты занимаешься сексом, все хреново. Ты как заново рожденный девственник — со всем этим грузом эмоций. Тебе будет трудно держать ритм, или же ты кончишь слишком быстро, или вообще не кончишь, а потом впадешь в депрессию. Поэтому лучше разберись с этим дерьмом сейчас, чтобы не обоссаться, когда встретишь кого-нибудь подходящего.

— Спасибо за поддержку. Ты меня очень подбодрила.

Клэр смеется.

— Чем могу.

Я вздыхаю.

— Она замужем.

Клэр вздыхает, передразнивая меня, и произносит, пародируя мой покорный тон:

— Ты живешь в Нью-Рэдфорде, братишка. Там другие не водятся.

Клэр — моя сестра-близнец, мой внутренний голос, нравится мне это или нет. Она была первой, кому я позвонил, когда погибла Хейли. Ну, не совсем так. Сначала я вроде как позвонил матери. Была глубокая ночь, мне только что позвонили из авиакомпании и сообщили о катастрофе. Я не помнил, как набрал номер родителей.

— Алло, — сказала мать хриплым со сна и густым, как сироп, голосом. — Алло? — Я слышал темноту в ее спальне — гнетущую тишину, которую я только что нарушил. — Кто это?

Я не мог говорить. Заговорить значило впустить разъяренную толпу действительности, которая сейчас сердито бурлила у ворот моего посольства.

— Алло! — повторила мать еще раз, потом сказала: — Скотина, — и повесила трубку.

Хейли умерла, а моя мать назвала меня скотиной. Это мелочи, но они навсегда врезаются в память.

Где-то, в поле или в лесу, еще дымились обломки самолета, повсюду лежали вперемешку части тел, остатки багажа и обугленные, искореженные куски фюзеляжа. И где-то посреди этой бойни была моя Хейли, та самая женщина, которую я поцеловал на прощанье всего несколько часов назад — тот же каскад густых светлых волос, те же длинные ноги, которыми она обвивала меня, те же большие умные глаза, курносый нос и тонкие чувственные губы, которыми я никогда не мог насытиться... Все это было там, в каком-то неизвестном, случайном месте — безжизненное, как горящие покореженные обломки вокруг нее. В это было невозможно поверить. Я знал, что это правда, но я этого понять не мог.

Казалось, это понимает парень в зеркале, с бледным и перекошенным лицом: в его глазах тлела искра ужаса, не успевшая разгореться и исказить лицо. Но я ничего не чувствовал. Я бросил испытующий взгляд на парня в зеркале. Улыбнулся ему. Он ответил мне кривой ухмылкой душевнобольного. Я изобразил на лице гримасу ужаса и грусти, словно актер, готовящийся к занятию по системе Станиславского — когда несколько чокнутых доходяг сидят в кружок и хлопают нарочитой игре друг друга, а какая-нибудь неудачница, похожая на Глорию Свенсон^[11], в клубах дыма своей сигары высказывает бессмысленные критические замечания. Хейли умерла, а

я дурачился перед зеркалом. Я всегда чувствовал, что не достоин ее любви, и если мне нужно было доказательство этого, то оно сейчас смотрело мне прямо в лицо.

— Хейли умерла, — произнес я вслух. Мой голос заполнил комнату, словно громкий пердеж на званом обеде. Нормальные люди на такой звонок отреагировали бы бурно, правда? Они бы в отчаянии кричали «нет!» и, рыдая, падали на пол или в слепой ярости молотили по стене кулаками — так, что в конце концов было бы непонятно, трещит стена или их разбитые кулаки. А я лишь стоял у кровати, потирая шею и недоумевая, что же мне делать. Думаю, я был в ступоре, и это хоть немного утешает, потому что Хейли не заслужила жалкую отговорку вместо нормальной человеческой реакции на ее кончину.

Первым порывом было позвонить кому-нибудь. Я инстинктивно набрал номер мобильного Хейли, не понимая, на что надеюсь. Тут же включился автоответчик. *Привет, это Хейли. Пожалуйста, оставьте сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу. Спасибо, до свидания.* Она записала это сообщение как-то вечером на кухне, и фоном было слышно, как мы с Рассом смеемся над какой-то телепередачей. За последние несколько лет я столько раз слышал это сообщение, что уже давно по-настоящему перестал его воспринимать. Но сейчас я вслушивался в ее спокойный, уверенный голос, в рассеянную интонацию, с которой Хейли торопливо проговаривала эти слова, в наш еле слышный смех на заднем плане. Она не могла умереть. Она была здесь, в телефонной трубке, и ее голос звучал в точности как всегда. У мертвых не бывает автоответчика. Телефон запищал, и я осознал, что сейчас он записывает мое сообщение. «Привет, детка», — произнес я глупо, но больше не смог выдавить из себя ни слова и повесил трубку.

И тут в мою голову закралась ужасная эгоистичная мысль, потом еще одна, и вот уже они хлынули потоком, одна за другой — так бывает, когда придержишь дверь перед какой-нибудь пожилой дамой, а за ней идут еще пятнадцать человек, и ты стоишь и держишь дверь, хотя собирался пропустить всего лишь одну-единственную старую леди.

Как я с этим справлюсь?

Где я буду жить?

Полюбят ли меня еще кто-нибудь?

Я представил себе обнаженную Хейли, которая выходит из ванной, призывно улыбается мне и идет к постели. Улыбнется ли мне когда-нибудь вот так какая-нибудь обнаженная женщина? И даже тогда, в эту страшную минуту, я знал, что будут и другие голые женщины, и мне стало стыдно за то, что я это знаю. Но посмотрит ли на меня хоть одна из них так, как смотрела Хейли?

А еще — и это было хуже всего, не для слабонервных — я испытал явное чувство облегчения, осознав, что она никогда меня не разлюбит: теперь она будет любить меня вечно. Я почувствовал себя большим негодяем, чем когда бы то ни было, и это не просто слова.

Хейли умерла. Я попытался постичь это. Она не вернется. Я ее больше никогда не увижу. Все это ничего не значило. Это были лишь слова — не более чем непроверенные гипотезы. Что мне теперь делать? *Хейли умерла. Хейли умерла. Хейли умерла.* Мне казалось важным постичь эту мысль во всей ее полноте: тогда я смогу действовать и сделаю все, что нужно.

А что нужно? Об этом я ни черта не знал, но я прекрасно помнил о Рассе, который спал в своей комнате в конце коридора. Он сейчас спит, но проснется он в кошмарном сне и никогда уже не будет спать спокойно. Расс никогда не будет дышать, улыбаться, есть, плакать, думать, кашлять, гулять, моргать, испражняться и смеяться так, как раньше, и он еще даже не подозревает о том — и это казалось особенно жестоким и несправедливым. Я уже тогда понимал, что видеть его горе мне будет труднее, чем переживать самому. Мне захотелось уйти, пока он не проснулся, сбежать, чтобы никогда не увидеть его глаз, полных ужаса и скорби от осознания того, что жизнь изменилась.

Что же мне делать?

Двигаться. Позвонить кому-нибудь. Кто-то должен знать, что нужно делать.

Я снова снял трубку.

— Алло, — пробормотал Стивен, муж Клэр.

— Могу я поговорить с Клэр?

— Дуг? — спросил он сонно. — Господи! Ты знаешь, который час?

— Без семнадцати минут два. Мне нужно поговорить с Клэр.

— Она спит, — произнес он твердо.

Стивен всегда меня недолюбливал. Я горячо умолял Клэр не выходить за него замуж и подробно объяснил ей причины, по которым он ей не подходит, а Стивен обиделся — отчасти, по общему мнению, потому, что мне хватило ума произнести обличительную речь во время тоста на их свадьбе. В свою защиту я могу сказать, что я был молод и там был бесплатный бар.

— Время не ждет.

— Все в порядке?

Хейли умерла.

— Мне просто нужна Клэр.

В трубке послышался короткий приглушенный шорох, и к телефону подошла Клэр, ее голос звучал смущенно и хрипло.

— Дуг, какого хрена?

О ее манере выражаться всегда ходили легенды, и даже теперь, выйдя замуж за одного из самых богатых наследников в Коннектикуте, Клэр сохранила ее, словно драгоценный талисман детства.

— Самолет Хейли разбился. Она умерла, — наконец я произнес это, и мне показалось, будто что-то холодное и твердое встало на свое место.

— Что?

— Хейли умерла. Ее самолет разбился.

— О господи. Ты уверен?

— Да. Звонили из авиакомпании.

— Они точно знают, что она была на борту?

— Да.

— О черт, — произнесла Клэр и заплакала.

Мне хотелось сказать ей, чтобы она не плакала, но я до сих пор не проронил ни слезинки и решил, что кто-то же должен это сделать, поэтому Клэр плакала за меня, а я слушал, как она всхлипывает.

— Я еду, — выговорила Клэр.

— Все в порядке. Не надо.

— Заткнись, черт подери. Я буду через час.

— Ладно.

— Позвонить маме и папе?

— Нет.

— Дурацкий вопрос. Прости, — было слышно, что Клэр с трудом переводит дух: она кружила по комнате, одеваясь, и кричала на Стивена, чтобы тот заткнулся. — Где Расс?

— Спит, — ответил я. — Клэр...

— Да.

— Я не знаю, что делать.

— Просто дыши. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

— Мне в голову лезет какая-то чушь.

— У тебя шок. Ладно, я уже в машине. Мгновение спустя раздался громкий треск.

— Твою мать!

— Что это было?

— Я багажником снесла дверь в гараже.

— Господи. Ты в порядке?

— В полном, — ответила она. — Чертова дверь упала. Я просто проеду по ней.

— Езжай осторожно.

— Да хрен с ним. Послушай...

Клэр забыла, что говорит со мной по домашнему телефону, а не по мобильному; как только она отъехала от гаража и оказалась вне зоны действия сети, связь прервалась.

Глава 7

Четверг. День. Нескончаемое объятие Лейни. Обычно Лейни приходит по вторникам, но она утверждает, что была поблизости.

— Ты живешь поблизости, — замечаю я глупо.

— Точно, — соглашается она, краснея. Два часа пополудни, и я уже пропустил для разогрева несколько глотков «Джека Дэниелса». На Лейни обтягивающая блузка без рукавов, а ложбинка на ее груди — словно теплая манящая улыбка, поэтому я оставляю придирки. Лейни жарко дышит мне в ухо, ее пальцы паутиной оплетают мой затылок, зарываются в волосы, мое лицо прижато к ее плечу, усыпанному светлыми веснушками. Что-то творится с нашими ногами — они занимают какую-то хитрую позицию и переплетаются, хотя мы стоим, так что я через джинсы чувствую, как горячо у нее между ног, и я уверен, что она чувствует, как у меня в штанах зарождается движение.

Это неправильно, думаю я.

Бога нет, думаю я.

Хейли, думаю я.

А потом — Хейли нет.

И в этот момент я отодвигаюсь и целую Лейни прямо в пухлые, ягодно-красные губы, захватываю в горсть ее рыжие волосы на шее. Ее губы ждут меня, они уже приоткрыты, язык проворно обвивается вокруг моего, проникает в мой рот. Поцелуй длится вечность. Фактически это несколько поцелуев, слившихся в один, словно связанные вместе коробки овсяных хлопьев в супермаркете, — непрерывная схватка языков, смешение губ. Ведь если мы остановимся, будет время одуматься, но из раздумий ничего хорошего не выйдет. Из того, что я трахну Лейни, тоже вряд ли получится что-то хорошее, и я это знаю, но кого это когда останавливало? Во вторник мы были на волосок от опасности. Сегодня Лейни нарядилась, чтобы бить наверняка: глубокое декольте, короткая обтягивающая юбка, длинные ноги натерты маслом для загара «Коппертон» до легкого блеска. Другого выхода просто нет. Я сдался без боя.

Наши руки яростно рассекают воздух, словно мы танцовщики из Гонконга: ладони сжимают, гладят, ласкают, шарят под одеждой. Ее пальцы порхают по моей спине, залезают ко мне под футболку,

впиваются в кожу, мои пальцы скользнули ей под юбку и стиснули ее обнаженный зад. Разве сейчас перестали носить нижнее белье? Я, например, ношу. И если честно, это может стать проблемой. Но Лейни одной рукой расстегивает пряжку моего ремня и крепко обхватывает меня пальцами, штаны и трусы сползают мне на колени. Она пытается взобраться на меня прямо там, прислонив меня спиной к холодильнику, к нашим ногам сыплются магниты в форме фруктов и старые календари. Но когда и кому это удавалось? Лейни на каблуках одного роста со мной, и нам просто не удастся найти правильную позицию. Я замечаю, что ее взгляд падает на кухонный стол, но за ним я обычно ем. Правда в том, что, хоть я и люблю секс так же сильно, как любой другой парень, который год не трахался, но я знаю, что на полу можно получить синяк, на ковре — натереть колени (вопреки тому, что мы видим в кино), поэтому ничто не сравнится со старой доброй кроватью. О нашей с Хейли спальне и речи быть не может, поэтому я веду Лейни в гостевую спальню в подвале. Здесь она выскальзывается из одежды и растягивается на одеяле всем своим длинным тренированным телом. Она призывно смотрит на меня, приоткрыв рот — как птенец в гнезде, ждущий, когда мать принесет ему в клюве червя. «Скорей», — произносит она хриплым от возбуждения голосом, когда я на секунду запутываюсь в футболке. Это единственное слово, которое было сказано за все время, что мы занимались сексом.

Более чем странно целовать чьи-то губы — чужие, не Хейли, проводить по изгибам незнакомой груди сначала пальцами, потом языком, слышать, как кто-то другой дышит, стонет, принаравливаясь к ритму чьих-то мерно двигающихся бедер. Я не знаю, что ей нравится, мне незачем смотреть ей в глаза — наверно, поэтому я избегаю ее взгляда. Лейни сладострастна — в хорошем смысле слова, а не в том, которое иногда употребляется как эвфемизм. Но она крупнее Хейли, есть что-то пугающее в ее арбузных грудях, широких мощных плечах и пышных бедрах. Спустя некоторое время она перекачивается и садится на меня верхом; когда Лейни наклоняется, меня на мгновение охватывает клаустрофобия. Но внутреннее устройство в отличие от внешнего от модели к модели не меняется, и как только я вхожу в нее, все встает на свое место. Пока мы занимаемся сексом, она тесно прижимается открытым ртом к моим губам. Язык Лейни яростно мечется у меня во рту, и ее стоны перекликаются с ритмом движения

наших тел. Она сильно прикусывает мою нижнюю губу, и я чувствую вкус собственной крови, но Лейни тут же слизывает ее.

Честное слово, я изо всех сил пытаюсь не думать о Хейли, я стараюсь раствориться в настойчивых безудержных движениях Лейни, в том, насколько она неутомима и естественна в своей страсти, но даже когда она громко стонет, я понимаю, что парю над нами, бесстрастно наблюдая всю сцену сверху, и поверьте: в том, чтобы увидеть себя со стороны во время секса, приятного мало. Неважно, красив ты или нет, — все равно чувствуешь себя идиотом, узрев глупое выражение своего лица, полуприкрытые глаза и решительно сжатые челюсти, когда в спешке натягиваешь какую-нибудь телку с таким видом, словно от этого зависят судьбы мира. Женщины во время секса закрывают глаза — не для того, чтобы представить себе Брэда Питта, но потому, что им не хочется видеть вашу глупую рожу. А Брэд Питт всего лишь приятное к этому дополнение.

Когда мне было шестнадцать, Клэр решила, что моя девственность меня тяготит, и уговорила свою подружку Нору Бартон со мной переспать. Нора была тощая, плоскогрудая, но она решила мне отдаться — пусть даже на слабо и для смеху, и поэтому для меня она была самой лучшей. Мы занялись сексом в моей спальне, Нора осталась у нас на ночь — якобы позаниматься с Клэр. Я помню, что все шесть или семь минут, пока мы трахались, я думал: *«Так вот он какой, секс. Я занимаюсь сексом»*, снова и снова, пытаюсь хоть на секунду перестать думать и раствориться в новых ощущениях. А потом все кончилось, и Нора на цыпочках вернулась в спальню Клэр, чтобы перед сном вдоволь посмеяться надо мной и перемыть мне косточки, а я полчаса спустя сидел на своей кровати, с грустью ощущая, как мой член снова напрягается, и недоумевал, почему же я ничего не почувствовал.

Хейли умерла, а я занимаюсь сексом. Быть может, странность ситуации заключалась в этом: вот я в подвале трахаю жену соседа... а может, это Хейли... Я представляю себе ее обнаженное тело, и у меня на глазах внезапно выступают слезы. Но это снова Нора Бартон, и я могу поклясться, что ничего не чувствую, словно мне в пах сделали укол новокаина, — хотя я и слышу свои собственные стоны, которые становятся все громче и чаще.

А потом мы лежим рядом, и Лейни двумя пальцами водит по моей скользкой от пота спине, нежно целует мое лицо, и я чувствую легкий вкус пота на ее шее.

— Дуг, — шепчет она нерешительно, прерывая затянувшееся молчание.

— Лейни, — отвечаю я, чувствуя, как воздух наливается тяжестью.

— Нет, ничего, — отвечает она, помолчав, и это замечательно, потому что, если честно, говорить не о чем. От того, что она сказала только это и больше ничего, я испытываю к Лейни прилив теплого чувства благодарности и целую ее. И потому, что я поцеловал ее, она тоже целует меня, захватывая своими до невероятности пухлыми губами мои тонкие губы, ее зубы сжимаются, язык осторожно пробирается в мой рот. А я орудую пальцами меж ее влажных бедер; она переворачивается на живот и ложится на меня, проводит языком по моим соскам, и вот уже мы снова ласкаем друг друга. В этой позе Лейни удобнее, и теперь она направляет мои губы, куда ей хочется. Ее стоны становятся громче, а бедра раскачиваются ненасытно и дерзко. И поэтому мне удастся раствориться в ней, в ее плоти, запахе, вкусе. Я испытываю настоящий оргазм. Потому что, потому что, потому что. Потому что Хейли умерла, и я в подвале занимаюсь сексом с замужней женщиной. Потому что теперь мне уже все равно. Потому что я одинок, пьян и хочу трахаться. Потому что, потому что, потому что.

Потому что я все равно затрахался.

Лейни уходит, на прощанье наградив меня долгим поцелуем и многозначительным взглядом, который обещает, что она скоро вернется.

— Сегодня все было просто чудесно, — шепчет она мне на ухо. — Как бы мне хотелось вернуться попозже, заниматься любовью ночь напролет, а утром проснуться в твоих объятиях.

Но она не может. Потому что мне нужно время, чтобы принять это, все обдумать, испытать муки совести, а еще потому, что меня трясет, когда вместо «заниматься сексом» или «трахаться» говорят «заниматься любовью». Хейли никогда не говорила «заниматься любовью». Это же просто глупо.

А сейчас Лейни пора ехать домой, готовить ужин для мужа и детей, а я уползу обратно в разворошенную кровать и заплачу в одиночестве, зарывшись головой в пахнущую сексом подушку, на которой осталось несколько темно-рыжих волос. Я всхлипываю громче, мое тело содрогается от рыданий, они пронзают меня, словно раскаленные клинки. Я никогда не изменял Хейли, даже никогда об этом не думал: значит, если я только что занимался сексом с кем-то еще, то Хейли и правда больше нет. Я и раньше знал, что ее уже нет, но теперь это знает и мое тело, и ощущение такое, как будто я узнал обо всем еще раз. Мне жаль Лейни — не потому, что мы поступили нехорошо, но потому что я знаю: мы снова займемся сексом, и это еще один шаг к жизни без Хейли, еще один шаг прочь от нее. Как каждые день и ночь. Как и накрывший меня, словно наковальня — героя мультфильма, обессиленный посткоитальный сон без сновидений, который вытесняет из моего сознания все связанные мысли.

Глава 8

Послушайте. Я никогда ни о чем таком не думал.

Ради всего святого, мне двадцать девять лет. И мой рассказ должен быть одной из тех комедий, в которых романтический бездельник-горожанин находит настоящую любовь и взрослеет, а не этой хаотичной, абсурдной и жестокой трагедией. Чуть более трех лет назад я жил в небольшой студии в Вест-Виллидж, шлялся с друзьями по барам, напивался, трахался, что-то где-то писал, и меня то и дело выгоняли с разных бесперспективных работ. Я и представить себе не мог, что овдовею, буду жить один в долбаном Нью-Рэдфорде, в доме, который не покупал, и оплакивать покойную жену, которой, по хорошему, не стоило выходить за меня замуж.

Вам знакомы такие, как я: в любой толпе найдется хитрожопый пофигист, из которого никогда не выйдет ничего путного. Я воображал себя кем-то вроде Роба Лоу в «Огнях святого Эльма»^[12] — за исключением саксофона, — но с возрастом понял, что Робу Лоу удача улыбнулась просто потому, что он был очень похож на Роба Лоу. А я слишком походил на Дуга Паркера, и, насколько я знаю, вряд ли Деми Мур не спала ночей, силясь придумать, как бы очутиться со мной в одной ванне.

Я был ребенком, о котором учителя всегда говорили: «Он способный мальчик, жаль, что не старается», ребенком, который никогда не лез за словом в карман и одним метким замечанием мог нарушить дисциплину в классе, — тем, чьи шутки всегда заходили слишком далеко. Мои родители так часто слышали об этом на родительских собраниях, что в конце концов вообще перестали на них ходить, решив не думать о грустном и сосредоточиться на выдающихся достижениях моих сестер. Клэр была редкостной блядью, но ей хватило мозгов поступить в Йельский университет, там она гуляла направо и налево, вылезая из койки только для того, чтобы сесть за учебники, и получила ученую степень по клинической психологии. Потом она удивила нас всех, выйдя замуж за бесконечно занудного Стивена Айвза, наследника состояния «Органических удобрений для газонов Айвза», и очертя голову бросилась осваивать

ремесло до неприличия богатой домохозяйки. Можно было буквально услышать, как щелкнул выключатель, когда она отключила мозги и бросила карьеру, но, коль скоро мои предки были довольны, что она вышла за навозного наследника, все было прощено и забыто.

Дебби, которая на три года младше нас, казалось, с молодых ногтей понимала, что все свои надежды и мечты родители связывают только с ней, и не разочаровала стариков. Она была круглой отличницей — из тех, кто хнычет и подает на апелляцию, если им на экзамене не ставят высшей оценки, и учителя в конце концов сдавались — только бы она заткнулась. Дебби с отличием окончила Гарвардскую школу права, сейчас она один из компаньонов в фирме на Манхэттене, название которой вызывает одобрителльные кивки у тех, кто в этом понимает. У нее просторный офис с видом на Гудзон, личный секретарь и визитки на плотной бумаге с тиснеными серебром буквами. Где-то на пути ко всему этому Дебби потеряла чувство юмора — вероятно, потому, что по этому предмету нет контрольных, — теперь она редко смеется, а улыбки ее мимолетны и слегка похожи на гримасы обиды, и это очень жаль, потому что она была прелестной девочкой и улыбка ей очень шла. Она до сих пор красавица, но сейчас вокруг ее красоты словно натянуто ограждение из колючей проволоки.

Для университетов Лиги Плюща я не годился и со скрипом окончил Университет Нью-Йорка, получив степень бакалавра по английскому языку. Моих знаний не хватало абсолютно ни на что из того, что помогло бы мне заработать на жизнь. Насколько мне известно, на собеседованиях не принято писать эссе, а коли так, то не стоило и пытаться на них ходить. Так что пока мои друзья как один разорялись на костюмы в тонкую полоску от «Бриони» и устраивались на работу в инвестиционные банки и хедж-фонды, я сменил несколько PR-агентств, где писал лишние логики пресс-релизы и откуда меня выпирали за различные нарушения корпоративной культуры. Работая в одном агентстве, я решил последовательно, предмет за предметом, воссоздать свою рабочую кабинку у себя дома. Каждый день я утаскивал несколько канцелярских принадлежностей — от бумажек для записей и ручек до степлеров — и прятал их за пределами офиса, как Тим Роббинс — грязь из тоннеля в «Побега из Шоушенка». Для более крупных предметов типа телефона и факса я принес спортивную сумку. Засыпался я на стенках кабинки — незаметно спереть их было

невозможно, поэтому я подождал, пока закончится рабочий день, и сделал вид, что мне поручили отвезти стенки кабинки вниз на лифте. На охранника в холле это не произвело никакого впечатления, и на следующий день мне пришлось держать в конференц-зале ответ перед начальником отдела кадров и моим боссом Стефани, которая ошеломленно смотрела запись моего преступления с камер наблюдения.

— Не могу поверить, что это ты, — сказала Стефани, отводя взгляд от экрана.

— Камера прибавляет пять кило, — не растерялся я.

— Дуг, — проговорила она печально, и я видел, что она более чем когда бы то ни было раскаивается в том, что несколько недель назад переспала со мной после ужина с клиентами. В постели она была в туфлях на каблуках и приказала мне отшлепать ее, а потом поковбойски скакала на мне верхом. Утром до завтрака Стефани пережила все пять стадий тоски и заставила меня поклясться, что я никогда никому не скажу. А потом, раз уж все равно ничего не изменить, мы еще раз занялись сексом — чтобы скрепить наш пакт.

— Ты знаешь, что мне придется тебя уволить, — продолжила Стефани.

Я испытал что-то вроде облегчения, потому что мой план спереть ксерокс грозил обернуться ночным кошмаром с точки зрения логистики.

Мне пришлось все вернуть, но сначала я сфотографировал кабинку, которую в таких муках воссоздал у себя в гостиной. Потом я написал об этом короткую смешную статейку и продал ее в «М Мэгэзин» — так я начал писать в журналы. У меня появился агент — энергичный хвастливый коротышка по имени Кайл Эванс. Он продавал мою писанину и в конце концов раздобыл мне работенку в «М», где я вел довольно популярную колонку «Как общаться с кинозвездой» — небрежная и смешная болтовня обо всем, что хоть отдаленно пахло Голливудом. Пластические операции, болезни молодых актрис, вызванные неправильным питанием, актуальные тенденции нового урожая летних фильмов и программа телепередач на осень, краткие биографии подающих надежды режиссеров и актеров — ну, вы поняли. Как-то меня послали в Лос-Анджелес, чтобы написать о какой-то знаменитости, но, как я ни мечтал, мне так и не

удалось переспать с кинозвездой, хотя, думается мне, пару раз дело было на мази.

Такое беззаботное существование меня полностью устраивало: я сам планировал день, зависал с приятелями, влюблялся, разлюблял и в целом ждал, когда же начнется жизнь. Конечно, иногда мне бывало одиноко, как бывает одиноко солнечным воскресным днем, но пока я не встретил Хейли, я просто не представлял, чего мне не хватает.

Рок. Судьба. Господь Бог.

Брежня все это.

Людам хочется, чтобы их жизнь имела какой-то смысл, хочется сидеть, развалившись в креслах, словно космические детективы, которые ведут расследование по делу о том, что с ними происходило до сих пор, определять переломные моменты, повлиявшие на формирование личности, и задним числом окутывать их аурой мистики. Как будто небесные силы — это команда писателей в многосерийном телесериале чьей-то жизни, и они обязаны выдумывать запутанные сюжетные линии, которые должны разрешиться к концу сезона. Никому не хочется верить, что все абсолютно случайно, а наша жизнь — не что иное, как сложная последовательность происшествий, маленький ядерный гриб, и все мы живем под радиоактивным дождем.

Насколько я могу предположить, таковы были случайности, из которых складывалась моя жизнь. Если бы Хейли не вышла за Джима, он никогда бы не изменил ей со своей бывшей девушкой Энджи. Если бы Джим не забыл о том, что в детской в подвальном этаже установлена камера наблюдения за ребенком, он никогда бы не попался во время секса. А так как камеру установил сам Джим, большинство психотерапевтов усмотрит в этом неопровержимое доказательство того, что он хотел, чтобы его поймали, но они так скажут только потому, что в психологии нет общепринятого термина для мудаков. Если бы Хейли не развелась с Джимом, несколько лет спустя она не спряталась бы в ничейном, по ее мнению, кабинете, чтобы пролить несколько скупых слез матери-одиночки. В кабинет и правда практически никто не заглядывал. Это был мой кабинет. И если бы я не решил именно в этот день появиться на работе, я бы никогда не обнаружил ее там. Если бы я встретил ее в любое другое время и при

других обстоятельствах, она никогда бы в меня не влюбилась. Такие женщины не влюбляются в таких, как я. Зная свои недостатки, я никогда бы не собрался с духом пригласить ее на свидание. Но к этому моменту случайности набрали скорость, как ураган, проносящийся по центральной территории страны, и нас, словно пару пасущихся коров, просто закрутило в вихре.

В то утро я вошел в свой тесный кабинет в «М Мэгэзин», а за моим столом сидела и плакала Хейли. «О», — сказал я то, что обычно говорят, обнаружив у себя за столом прекрасную незнакомку в слезах.

Она подняла на меня полные слез глаза, высморкалась в скомканный платок и спросила:

— Не могли бы вы вернуться через несколько минут?

Хейли была заместителем директора отдела рекламы, я — редактором и ведущим рубрики, а это значит, что наши пути редко пересекались. Но я знал, кто она, и даже успел слегка и ненадолго ею увлечься. Все-таки она была красавица, старше меня, и занимала в компании руководящую должность. Но сейчас она рыдала за моим столом, а ничто так не действует на внутреннего белого рыцаря, как вид плачущей женщины. Поэтому я вышел из кабинета и закрыл дверь, чтобы дать ей побыть одной и не пустить потенциальных соперников — других белых рыцарей; я не был готов к поединку. Я немного прошелся, а на обратном пути купил два кофе. Я не пью кофе, но, как сказала мне однажды старая подруга, иногда нужно притвориться на благо человечества. Когда я вернулся, Хейли красилась. «Вот», — произнес я, поставил перед ней чашку кофе и прислонился к стене.

Она улыбнулась мне сквозь последние слезы, она была расстроена, встревожена и казалась не такой уж неуязвимой — а это все, что нужно с красавицей: легкая трещинка в ее броне, которая дает мужество подкатить с ухаживаниями. В противном случае слоняешься вокруг, словно пожиратель падали, и смотришь, как к ней приближаются другие хищники.

— Спасибо, — проговорила она признательно и сделала глубокий глоток. — Кто вы?

— Я Дуг, — ответил я. — Это мой кабинет.

— Хейли.

Мы через стол пожали друг другу руки. Ее ладонь была маленькой и мягкой, на обкусанных ногтях не было лака.

— Простите меня за вторжение. Мне сегодня утром что-то не везет.

Я махнул рукой.

— Жаль, я не знал, что вы придете. Я бы купил пончиков. И носовых платков.

Она ухмыльнулась.

— Вообще-то это на меня не похоже.

— Вы не виноваты. Я всегда так действую на женщин.

Ухмылка превратилась в полноценную улыбку. У нее была потрясающая улыбка — теплая, невероятно трогательная, увидев ее, я ощутил приятное покалывание в паху. Женщины вроде Хейли никогда мне так не улыбались. Они обычно одаривали меня вежливой мимолетной улыбкой, похожей на аварийный сигнал, который как бы говорил: «Едем дальше, здесь не на что смотреть». Но Хейли сказала:

— Я не хочу возвращаться к себе в кабинет.

— Так оставайтесь здесь, — предложил я.

— Но я не хочу мешать вам работать.

— Знай вы меня получше, вы бы поняли, насколько это смешно.

Она задумчиво посмотрела на меня. У нее были длинные светлые волосы медового оттенка, кожа, словно светящаяся изнутри, и темно-карие миндалевидные глаза. Разговаривая, Хейли широко раскрывала глаза и красиво прищуривалась, когда улыбалась.

— У меня сегодня день рождения, — сообщила она.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Дни рождения — это нелегко.

— И не говорите.

— Сколько вам лет?

— Тридцать шесть. Я в разводе. И еще я мать двенадцатилетнего трудного подростка.

— Вам столько лет, на сколько вы себя чувствуете.

— Тогда мне полтинник.

— Для полтинника вы выглядите потрясающе. Она улыбнулась.

— Все оказалось не так, как я думала, понимаете?

— В тридцать шесть лет?

— В жизни.

— А, в жизни, — произнес я так, как это мог произнести кто-то мудрее меня. — Не будем об этом.

Она ухмыльнулась.

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять. Но чувствую я себя на двенадцать.

Она фыркнула от смеха, но мне это все равно понравилось, и я не прерывал ее, а потом она начала рассказывать мне о разводе, о своем проблемном сыне и неудачах с мужчинами. Ей было тридцать шесть лет, она развелась с мужем и в одиночку воспитывала ребенка. Мне было двадцать пять, и я все еще ждал, что в моей жизни что-то произойдет. Мы жили в параллельных мирах, но внезапно очутились вместе на нейтральной территории моего кабинета. Дело не в том, что она была слишком взрослой для меня: она была слишком красивой, слишком печальной, слишком мудрой и, в общем, слишком искушенной для такого, как я. Но что-то произошло, какой-то сбой во вселенской гармонии, и мы смогли приподнять завесу, разделявшую наши миры, мы болтали и смеялись, Хейли была мила, остроумна, ранима и чертовски прекрасна — за такую красоту не жалко и голову сложить.

— Послушайте, — произнес я спустя некоторое время. — Мы можем просидеть так весь день, но ведь сегодня день вашего рождения, а в моей семье день рождения значит одно, и только одно.

— И что же? — поинтересовалась она.

— «Большое Приключение»^[13].

— Как? Парк с аттракционами?

— Вот видите, вы тоже об этом слышали.

— Но мы на работе.

— Не знаю, как вас, а меня никто не хватится.

— Мы не можем вот так просто уйти с работы и отправиться в парк.

— В обычной ситуации я бы с вами согласился. Или сделал бы вид, что согласился, чтобы выглядеть ответственным. Но сегодня же ваш день рождения. У меня связаны руки.

— В половине одиннадцатого у меня совещание по бюджету.

— Прогуляйте его. Я никогда не видел никого, кому нужно было бы прокатиться на «Нитро» сильнее, чем вам.

Хейли почти минуту смотрела на меня — в смысле буквально разглядывала, словно изучала карту.

— Я вас старше на одиннадцать лет.

— Ну, если бы мне было тринадцать, это было бы странно.

Она посерьезнела.

— Но почему?

— Потому что, чем больше мы общаемся, тем больше вы мне нравитесь. Потому что вы так красивы, то становится больно, если на вас долго смотреть. Я уверен, вас часто приглашают на свидания мужчины постарше и посимпатичнее меня, но они приглашают вас, потому что вы прекрасно выглядите, и это здорово, в смысле надо же как-то начинать, но видите ли, именно поэтому я в обычной ситуации не пригласил бы вас на свидание, а раз я сделал это, то лишь потому, что мы все это прошли. — Я глубоко вздохнул. — И потому, что я думаю, что и правда вам понравлюсь, если вы дадите мне шанс.

Она покраснела и не улыбнулась (на что я так надеялся), но и не отвернулась. Она не отвернулась.

— Вы всегда так откровенны?

Я кивнул.

— Почти никогда.

— Это тоже откровенно.

— Я знаю. В этом хитрость.

— Ничего личного, Дуг. Просто мне не везло с мужчинами.

— Потому что вы не знаете секрет.

— Какой секрет?

— Нас надо воспитывать смолоду.

И на этот раз ее лицо, как солнечный луч, озарила улыбка — словно косой луч солнца, который пронзает облака и заставляет задуматься о Боге. Так что мы поехали на ее машине в «Большое Приключение», катались на «Нитро», «Великом американском визголете», «Бэтменских горках» и «Космическом корабле», я купил ей пирожок и бенгальский огонь, спел «С днем рожденья» на чертовом колесе, а на самом верху она меня поцеловала. Иногда это все, что нужно: ни прозрений, ни откровений — только пирожок на чертовом колесе и один-единственный волшебный, сумасшедший день, которого не должно было быть, но который был. Думаю, это была судьба. Рок.

Но я подумал об этом только потому, что влюбился, а лучшего объяснения не нашел. Я еще не знал, что бывает и просто случай.

Глава 9

Клэр заявила разодетая в пух и прах: на ней солнечные очки от «Гуччи» и джинсы за триста долларов. Лейни ушла всего несколько часов назад, и я только-только очнулся от короткого посткоитального забытья. Я сижу на крыльце и ем хлопья «Кэп-н-Кранч» прямо из коробки, пока не начинает ломить зубы. Каким бы ни был секс — хорошим или неудачным, супружеским или на стороне, проснувшись, я всегда хочу жрать. Клэр стремительно проезжает по подъездной дорожке, так что кролики в панике бросаются врассыпную, и очень резко тормозит; я слышу визг тормозов, но ей как-то удается не сломать шею. Клэр водит машину так же, как живет — одинаково азартно, нетерпеливо и неумело.

— Дуг, какого хрена! — кричит она, поднимаясь на крыльцо с таким видом, будто дом принадлежит ей. Я не принимаю этого на свой счет. Клэр всегда такая. Она командовала, даже когда мы были у мамы в животе. Клэр на две минуты старше меня; она живое доказательство того, что наша ДНК ярче воплотилась в женской половине семьи: густая грива темных волос, блестящих, как в рекламе шампуня, безупречная смуглая кожа, глаза цвета вечернего неба и многозначительная кривая ухмылка, которая, если нужно, без труда превращается в ослепительную широкую улыбку. Мать хотела, чтобы Клэр снималась в кино, и поэтому, разумеется, Клэр вряд ли когда этого захочется. У меня такие же волосы, кожа и глаза, но все это выглядит так, будто было подобрано случайно, как попало, словно резиновые детали лица Мистера Картофельная Голова^[14], которые никогда толком не складываются в единое целое. Клэр говорит, что у нее есть ум и красота, а у меня — запчасти на случай, если что-то выйдет из строя.

— Я целый день пытаюсь тебе дозвониться! — орет она. — Какого хрена ты не подходишь к телефону?

— Я запустил им в дерево.

Она взглянула на меня.

— Я ее знаю?

— Это была мама.

Клэр кивает.

— В следующий раз просто скажи ей, что тебе еще кто-то звонит, и повесь трубку. У меня это срабатывает.

— Постараюсь запомнить.

— Я звонила и на городской.

— Ну да. Я никогда к нему не подхожу.

— Не свисти, Дуг, — она смотрит на меня суровым взглядом. — Ты не имеешь права запираяться от меня — после того, что произошло.

— Ради всего святого, ты когда-нибудь забудешь об этом?

— Ты пытался покончить с собой.

— Я просто заснул в ванной.

— У тебя был передоз.

— Обычное снотворное. Я просто немного переборщил.

— Типа того, что полпузырька — слишком много.

— Забудь об этом, Клэр. Ты хуже мамы. Вы выдумали, что я пытался покончить с собой. Вовсе нет. Поверь мне. Я-то знаю.

— Может, ты и знаешь, но ты не видел, как копы выламывают входную дверь и вытаскивают тебя из ванны. Тебе было не до этого — у тебя остановилось сердце.

— Хватит, Клэр.

— Черт подери, ты был синий!

— Несчастный случай.

Она отворачивается и растроенно качает головой. Если честно, я даже не помню тот вечер. В моей голове боролись выпивка и снотворное, и проснулся я в больнице, испытывая беспричинное чувство радости: я был даже не в силах вспомнить, какой сейчас месяц.

— Остановимся на том, что каждый остается при своем, — произносит Клэр, завершая наш спор. Сменить тон ей так же легко, как снять шляпу.

— Я куплю новый телефон, — заявляю я. Это самая большая уступка, на которую я готов пойти.

— Я тебя опередила, братишка, — Клэр лезет в сумку и бросает мне разноцветную коробку. — В нем есть камера, он показывает кино и чего только не делает — наверно, даже забирает вещи из химчистки. И я не отстану, пока ты его не включишь.

— Спасибо.

— И не швыряйся им. Он стоит почти пять сотен.

— Договорились.

Сделав дело, Клэр наклоняется и целует меня в щеку.

— Что новенького в приюте скорби?

— Да все по-старому.

— Твоя последняя статья заставила меня плакать.

— Прости.

— Нет. Здорово написано. Мама прилепила ее на холодильник.

Наша мать держалась того строгого принципа, что на стальную дверь нашего холодильника «Сабзеро» вывешиваются только работы на «пять с плюсом». Когда мы учились в школе, работы Клэр и Дебби всегда висели на двери холодильника; мои же контрольные, кроме первых диктантов, написанных на «отлично», там никогда не появлялись.

Думаю, тебе можно поставить пятерку за грусть и одиночество.

— В этом я отличник.

Клэр нежно улыбается и хватает меня за волосы, чтобы посмотреть мне в глаза. В уголках ее глаз я замечаю мелкие морщинки, раньше их не было. Тех, кого любишь, видишь такими, какими ты их запомнил, но изредка смотришь на них отстраненно, и в эти считанные секунды, пока мозг изо всех сил пытается приспособиться к новой действительности, что-то в тебе сворачивает с дороги и, вереща, кубарем катится с обрыва.

— Мы стареем, — замечаю я.

— Пошел ты на хрен. Только не я! — Глаза Клэр превращаются в щелочки. — Эй, — произносит она. — Ты выглядишь так, будто недавно трахался.

— Что?

— Наша близнецовая телепатия подсказывает мне, что ты таки натянул крошку с мясным рулетом.

— Между нами нет никакой телепатии близнецов.

— Ну конечно, есть, просто она незаметна, как... прозрачный лак для ногтей.

Я ухмыляюсь.

— Как... центральная система кондиционирования.

— Как... пузырьки белого вина.

— Как... австралийский акцент Мэла Гибсона в «Смертельном оружии».

Клэр смеется и наклоняется ко мне, так что мы оказываемся лицом к лицу, она пристально смотрит мне в глаза, пока я не отворачиваюсь. Она единственная, кому я могу сейчас смотреть в глаза, но все равно за все двадцать девять лет мне ни разу не удалось ее пересмотреть.

— Ни хрена себе, ты и правда ее трахнул! — радостно кричит Клэр. — Неудивительно, что я не могла тебе дозвониться. Ты натягивал озабоченную домохозяйку!

— Хватит, а? — прошу я, оглядываясь по сторонам. Но Клэр веселится вовсю:

— Дуги, ты бабник!

Я откидываюсь на спинку качелей и отрицательно мотаю головой.

— И на чем я прокололся?

— Элементарно, братишка, — поясняет она, садясь рядом со мной. — У тебя на ухе губная помада, футболка надета наизнанку, волосы всклокочены — классический случай!

— Да ладно, — говорю я с сомнением. — Я всегда так выгляжу.

— Ну хорошо. Тогда вспомни о телепатии близнецов.

Она берет несколько хлопьев «Кэп-н-Кранч» из моей коробки и засовывает в рот.

— Ты и красотка с мясным рулетом, — говорит Клэр и смеется. — Вот умора!

— Обхохочешься.

Ее смех затихает. Клэр кладет мне голову на плечо, а это значит, что ей нужно мне что-то сказать. Она всегда так поступает, когда у нее проблемы, и за эти годы ее голова продавila у меня на плече ямку — как вода, которая сотню лет капает на камень. Я каждый раз представляю, что вот так мы с ней, должно быть, лежали в утробе; в трудные моменты мы снова, как два эмбриона, сворачиваемся калачиком.

— Молодец, — мягко произносит Клэр, поглаживая мою ладонь большим и указательным пальцами. — Я думаю, это прогресс.

— Это адюльтер.

— Ты не женат.

— Но она замужем.

— У тебя что, своих проблем мало, что ты еще и о ней беспокоишься?

Клэр лизнула палец и вытерла что-то с моей щеки — должно быть, помаду Лейни.

— Это и моя проблема.

— А вот и нет. Твоя проблема в том, что после смерти Хейли ты перестал жить. Пробуждение полового влечения — первый добрый знак за долгое время. Это не проблема, а повод для праздника — вот что это такое. Мне не терпится рассказать об этом маме.

Я смеюсь, но потом быстро спрашиваю:

— Ты ведь шутишь, правда?

С Клэр если и можно быть в чем-то уверенным, то лишь в том, что с ней ни в чем нельзя быть уверенным.

— Посмотрим на твое поведение, — отвечает она, пожимая плечами. — И как это было?

— Не знаю. Кажется, я до сих пор в шоке.

— Дуги, Дуги, Дуги. Когда же ты научишься отключать верхнюю головку, чтобы она не мешала нижней? — она вздыхает. — Иногда мне жаль, что я не мальчик.

— Иногда мне кажется, что так оно и есть.

— Подходящая мысль, чтобы сменить тему.

— И о чем ты хочешь поговорить?

— Я беременна.

От этой новости мои глаза округляются.

— Здорово, Клэр. Поздравляю.

Она кивает, не убирая головы с моего плеча.

— Спасибо.

Она молчит, но я чувствую, что мускулы под ее кожей напрягаются, словно пружины, а дыхание становится частым и прерывистым. Мы сидим так несколько минут, глядя на двор. В тени изгороди серый кролик объедает траву. Так далеко я не докину.

— Есть еще кое-что, — предполагаю я.

— Угу.

На минуту я задумываюсь.

— Стивен.

Она поднимает на меня глаза и улыбается, хотя в уголке ее глаза набухает одинокая слезинка и стекает по переносице.

— А ты говорил, что мы не телепаты.

Она встает, тем самым прекращая разговор, и направляется к входной двери.

— У тебя есть что поесть? Я умираю от голода.

Я поднимаюсь и иду за ней. И тут краем глаза я замечаю, что серый кролик подобрался к крыльцу на расстояние броска. «Привет, Багс», — шепчу я и протягиваю руку к кучке камней, одним глазом следя за кроликом. Камень летит слишком высоко, пролетает примерно в полуметре над головой Багса и, подскочив, беззвучно падает на лужайку перед кроликом. Тот поднимает глаза, и его тупой, спокойный взгляд приводит меня в ярость. Я делаю вид, что с топотом спускаюсь по ступенькам. Это заставляет его сдвинуться с места, он улепетывает на край лужайки, останавливается у изгороди и глядит на меня с состраданием. У меня кончились камни, поэтому я бегу к нему, размахивая руками и издавая леденящие душу вопли. Кролик убегает в кусты. Когда я возвращаюсь, Клэр стоит в дверях и странно на меня смотрит.

— Мне нравится держать их в напряжении, — поясню я смущенно, поднимаясь по ступенькам.

— Братишка, — заявляет Клэр, обнимая меня за плечи, когда мы заходим в дом. — Тебе и правда надо чаще выбираться из дому.

— Так что произошло?

— Долгая история.

— Ты говорила, что не торопишься.

— Я не могу рассказывать на пустой желудок.

Я иду за ней на кухню.

— Ты ему наставила рога?

— Мило. Прелюбодеи предпочитают общество себе подобных, так, что ли?

— Значит, он тебе изменил?

— Если бы.

— Так что случилось?

— Почему магниты валяются на полу? — спрашивает Клэр, подходя к холодильнику. — О, черт. Я не хочу этого знать.

— Клэр, ради бога! Просто расскажи мне, что случилось.

Она открывает холодильник и нагибается, с шумом переставляет банки, поднимает крышки пластиковых судков и нюхает их

содержимое.

— Боже мой, — говорит Клэр, и ее голос эхом отражается от стенок почти пустого холодильника. — Ты вообще хоть что-нибудь ешь?

— Я заказываю еду на дом.

Она захлопывает дверь холодильника.

— Я не могу ждать. Поехали куда-нибудь, поедим.

— Сначала расскажи мне, что произошло.

Она смотрит на меня и, как будто внезапно ослабев, слегка прислоняется к холодильнику.

— Ничего не произошло. Никогда ничего не происходит. И не произойдет. И это, — договаривает Клэр, сползая на пол и обхватывая руками голову, — все, что произошло.

Я сажусь на пол около нее.

— Ты не думала о том, чтобы обратиться за консультацией к специалисту?

Она смерила меня взглядом.

— Я не хочу, чтобы какой-нибудь стерилизованный фрейдист-извращенец в галстук-бабочке рассказывал мне, что не стоило выходить за Стива. Ты и так все эти годы твердишь об этом. Помнится, ты довольно красноречиво изложил свои доводы еще на свадьбе.

— Я был пьян.

— Ты ревновал.

— Ну, разве что чуть-чуть.

— Но ты был прав. И я это понимала. Даже когда шла к алтарю. Помню, как я размышляла: что же будет с видеозаписью, со свадебными фотографиями, когда все кончится? Нормально, да? Удивительно не то, что я от него уйду, а то, сколько я с ним прожила. Я всегда собиралась от него уйти, просто все не могла собраться.

— Почему?

Она хмурится и, сдаваясь, поднимает руки.

— Когда живешь богато, с комфортом, начинаешь придумывать все эти формулы и строить графики, пытаешься доказать самой себе, что ты даже не догадываешься, насколько счастливо тебе живется, — она пожимает плечами. — Я заснула на посту.

— Так почему же именно теперь?

— Ну, после смерти Хейли я взглянула на все другими глазами. Я про то, что ты был в жутком состоянии — как и сейчас, кстати, — а я думала, как ты сидишь тут один, убитый горем, и не хочешь ни с кем общаться, это ведь все просто ужасно, но я, вместо того чтобы жалеть тебя, завидовала тебе. Ты был несчастен и одинок, а я, черт подери, тебе завидовала. Ведь в скорби есть своя прелесть, правда? Ты скорбишь, но спустя некоторое время из траурного кокона появляется прекрасная бабочка. И мне пришлось спросить себя: если я завидую своему несчастному овдовевшему брату, то что это значит?

— Что у тебя серьезные проблемы?

— Что я еще несчастнее, чем он, просто сама этого не понимаю.

— А теперь понимаешь?

— Теперь понимаю.

— Послушай, Клэр, я понимаю, что со стороны это выглядит шикарно: потерять в авиакатастрофе жену и каждую ночь напиваться в стельку, чтобы заснуть. Но между нами, это вовсе не смешно.

Она толкает меня в бок.

— Ты понял, о чем я.

— Не уверен. Давай о том, как ты забеременела. Она тихонько смеется и откидывается назад, прислоняясь затылком к холодильнику.

— Штука в том, что мы уже почти не занимаемся сексом. То, что такая блядь, как я, так и не изменила мужу, не иначе как чудо. Был всего один-единственный, просто аномальный, вечер, когда у нас обоих не было поздних встреч, важных звонков, а по телевизору не показывали ничего интересного. Нам обоим было скучно, и мы занялись сексом. Тогда-то все и произошло — или я не знаю, что и думать. Ничего особенного, поверь. В смысле, я об этом забыла сразу же, как только все кончилось. Но потом, несколько недель спустя, у меня была задержка, я купила тест на беременность, и представь себе мое удивление...

— Ты уверена, что тест не наврал?

— Я проверила пять раз.

— Ладно.

— Итак, я сидела в ванной, отмывала руки от мочи, и тут меня осенило: я стану матерью — и больше уже не стану никем. Миссис Стивен Айвз, еще одна богатая скучающая домохозяйка, унылое

клише. Я не хочу стать Лейни Поттер, не хочу трахаться с другими мужиками, чтобы на несколько часов снова почувствовать, что живу.

— Спасибо.

— Не обижайся.

— Я и не думал.

— Я решила, что, может быть, ты разрешишь мне пожить здесь какое-то время.

— Конечно. Комната для гостей в твоём распоряжении.

Холодильник за нашими спинами слегка вибрирует, а мы сидим на полу кухни и тихонько разговариваем. За окном, словно шторы, опускаются сумерки. Я слышу, как в палисаднике по соседству играют дети, кричат и смеются, занятые своими важными детскими делами; они юны и наивны, их не была жизнь, и они думают, что так будет всегда. Когда мы были маленькими, Клэр всякий раз, как я грустил, надевала белый халат повара и готовила смешное мороженое, которое мы потом через силу доедали. Банановый сплит с шоколадным сиропом, «Джелло» с жевательными мишками-гамми, пломбир с горячим сиропом из сливочной помадки, плавающий в шипучке, приправленной мускатным маслом, рожок на четыре порции с зефиром между шариками мороженого. Было очень смешно наблюдать, как Клэр мечется по кухне, наобум смешивая ингредиенты и комментируя весь процесс голосом Джулии Чайлд [\[15\]](#).

— Помнишь смешное мороженое? — спрашиваю я.

Клэр кладет мне голову на плечо, утыкается лицом мне в шею и тихо плачет.

Глава 10

Как общаться с вдовцом

Дуг Паркер

Теперь я практически не выхожу из дома — из-за обнаружившейся у меня растущей склонности к откровенным, спонтанным вспышкам неприкрытого, неподдельного страдания (эмоциональный синдром Туретта^[16]), а еще потому, что я терпеть не могу, когда меня жалеет кто-то, кроме меня самого.

Единственный недостаток такого образа жизни в том, что мой дом — это минное поле, и я не могу предугадать, когда наступлю на скрытое до поры воспоминание о Хейли и мне оторвет ноги. Даже спустя все это время она до сих пор здесь. На ее тумбочке все еще лежит последняя книга, которую она читала, — какое-то дамское чтиво в розовой, как губная помада, обложке: роман об умничающих житрожопых толстухах и мужиках, которые им изменяют. Я беру книгу в руки и вижу, что на последней прочитанной странице Хейли нарисовала пучеглазого смешного человечка с длинными, подкрученными вверх усами и зловещими густыми бровями. Я улыбаюсь и чувствую, что по щекам у меня текут слезы.

У меня была жена. Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня.

В ванной на ручке двери до сих пор висит ее красный лифчик. Она явно намеревалась бросить

его в корзину с грязным бельем, но так и не собралась. Этому она научилась у меня — дать обычной работе по дому настояться, не делать ничего, пока не придет время.

Я слоняюсь по нашей спальне, словно привидение, изо всех сил стараясь не потревожить случайные доказательства ее существования — книгу, лифчик, расческу с клочками светлых волос, духи и косметику, разбросанные у раковины, след от запотевшего стакана с водой, который она поставила на туалетный столик, шелковую блузку, висящую на стуле рядом с ее половиной кровати (она в последний момент решила не брать эту блузку с собой), потертого мягкого слоника по кличке Базука, которого Хейли с раннего детства засовывала между подушкой и изголовьем кровати. Когда она умерла, я какое-то время даже не менял постельное белье, потому что оно пахло ею. Потом оно перестало пахнуть ею, а спустя еще несколько недель нестерпимо завоняло. И это прекрасная метафора для скорби, как и тысячи других, которые приходят мне в голову каждый день. Если отчаянно хвататься за каждое воспоминание, то они изнашиваются и протухают, как белье на моей постели.

Но менять белье было все-таки больно — словно это был еще один способ оттеснить Хейли в прошлое, еще один шаг к неизбежному расставанию. Я не мог заставить себя прибраться в доме, потому что каждая мелочь, которую я убирал или чистил, — еще один след Хейли, который я сотру бесповоротно. Мне хочется расставить столбики и натянуть красные бархатные веревки, как в исторических особняках, чтобы туристы не растащили прошлое по винтику, потому что мы все такие — нам только дай.

Когда мы в седьмом классе ездили в Филадельфию, я на спор тихонько слинял по не огороженным веревками лестницам в доме Бенджамина Франклина. Я решил, что займу прочное место в истории, если помочусь в туалете старого Бена. Меня поймали и мгновенно выперли из особняка, так что остаток дня я был обречен просидеть в автобусе. Хотя водитель был что надо. Он купил мне гамбургеров в «Макдоналдсе» и дал полистать обширную коллекцию «Плейбоев», которую держал в коробке под сиденьем. С тех пор колокол свободы навеки связан в моем сознании со сложенными бантиком губами и конусообразными, раскрашенными из пульверизатора грудями апрельской «девушки месяца». Ее звали Жанель, она увлекалась скалолазанием и водными видами спорта, ей нравились мужчины, не боящиеся трудностей. В общем, я это к тому, что некоторые вещи нужно огораживать веревкой.

Но как бы ни был плох наш дом, я редко его покидаю. Потому что боль — моя последняя связь с Хейли. Я кутаюсь в свою боль, словно в одеяло — как мазохист, как девочка-подросток, бритвой вырезающая неровные строчки на внутренней поверхности бедра: я причиняю себе боль просто потому, что хочу хоть что-то чувствовать. Я не готов к тому, чтобы время исцелило мою рану, но понимаю, что бессилён его остановить. И понимание этого заставляет меня все упорнее цепляться за боль, хвататься за эту трагедию, пока она не утратила свежести. Так что время от времени я, как собака, расчесываю болячки, отчаянно пытаюсь выжать хоть несколько капель крови из открытых ран, но все равно знаю, что в один прекрасный день скovyрну болячку, а под ней не окажется крови — только новая нежно-розовая кожа. Когда это наконец случится, когда время

неизбежно возьмет свое, я пойму, что Хейли ушла навсегда.

И я знаю, что когда-нибудь встречу кого-то еще. Она будет умной, красивой и по-своему несчастной, мы пойдем и полюбим друг друга, и будем испытывать чувство вины за свое счастье, и я стану немножко портить наши отношения, когда все будет уж слишком хорошо. Она будет терпелива со мной, а когда я стану совсем невыносим, мы будем бурно ссориться, чтобы отвести душу, а потом, наверно, в слезах предъявим друг другу ультиматум и заключим перемирие. Я все еще буду чувствовать себя виноватым, но постепенно это пройдет, и со временем образ Хейли будет расплываться, уходить все дальше в прошлое, пока она не станет всего лишь сноской в истории моей жизни. Однажды я, постаревший, расскажу своим детям, что когда-то был женат, еще до того, как встретил их маму, но та женщина умерла. Для них Хейли будет уже не человеком, а мелкой неосязаемой отметкой в биографии, печальным происшествием, которое случилось с их отцом на пути к счастливому будущему. И, что даже хуже, быть может, я сам буду так к этому относиться.

И не надо мне рассказывать, что так оно и будет, что это неизбежно. Я не обманываю себя. Но если это и правда, сегодня я не готов взглянуть ей в глаза. Иногда единственная правда, которую люди могут вынести, — та, с которой они проснулись утром. А сегодня утром я, как всегда, проснулся с болью. Поэтому, пожалуйста, не лезьте в это.

Глава 11

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Как общаться с вдовцом

Ты звезда! Ребята из «М» говорят, что твоя последняя колонка побила рекорд по письмам читателей — рекорд, который она же и установила месяц назад. Я переслал тебе еще один мешок писем, которые ты не станешь читать. Журнал пересылает запросы от лент новостей и ток-шоу, жаждущих взять у тебя интервью. Я веду переговоры о продаже материала в наши и зарубежные СМИ. Звонили с Эн-би-си, о тебе хотят рассказать в одной из рубрик программы «Сегодня». Если все будет по-моему, то у тебя будет брать интервью Мэтт Лауэр. Он серьезный ведущий, а не просто диктор. А еще забрасывали крючок люди Опры^[17](!!!). А еще, и это важно, я говорил с людьми из издательств; несколько крупных издательских домов очень интересуются. Дело пахнет мемуарами! Тебе нужно лишь написать заявку. Мы так этого ждали! Нам надо поговорить. Я звонил тебе несколько раз и оставил примерно тридцать сообщений на автоответчике. Что происходит? Электронная почта — это варварство.

К

от кого: Doug.Parker@mmag.com

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Спасибо, не надо

Извини, что так получилось с телефоном, Кайл. Технические проблемы. Мне неохота общаться с

Мэттом Лауэром и Опррой. Я рад, что колонка пользуется успехом, но я тебе уже говорил, что мне не хочется стать мальчиком с плаката для юных вдовцов.

Д

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Не будь идиотом!!!

Сколько раз ты плакался мне, что приходится писать одну и ту же бессмысленную задроченную галиматью о самовлюбленных и пустых кинозвездах. В старших классах она была неуклюжей и неловкой. Он хочет только сниматься в кино и не ведется на всю эту чепуху со славой. Никому до этого нет дела! И вот наконец ты пишешь о чем-то стоящем, и твоя писанина взбудоражила всю страну. Ты напал на золотую жилу и просто обязан вычерпать ее до конца. Берни из «М» обмолвился, что журнал купит эксклюзивные производные издательские права на отрывки из книги. Они тебе заплатят за рекламу твоей же книги! Черт подери, Дуг, это же верный шанс сорвать большой куш! Это лучшее, что было в твоей жизни!

К

от кого: Doug.Parker@mmag.com

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Отвали, Кайл

Я знаю, ты гордишься тем, что ты моральный урод, но неужто ты и правда думаешь, что смерть моей жены — это лучшее, что было в моей жизни?

Даже такое самовлюбленное чудовище, как ты, не может быть настолько бессердечным и тупым.

Д

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Успокойся, черт подери!

Во-первых, мы в Америке, и я могу быть настолько бессердечным и тупым, насколько мне это заблагорассудится. Во-вторых, я имел в виду не смерть Хейли, а то, что ты об этом пишешь. Когда ты начал писать колонку Вдовца, в «М» эта перемена никого особенно не обрадовала, но мне ценой невероятных усилий удалось уговорить Берни оставить все как есть — в основном потому, что я знал: чем скорее ты справишься от горя, тем быстрее вернешься к белиберде о старлетках. Оказалось, колонка Вдовца пошла у тебя лучше, и теперь твоя писанина находит отклик у читателя. Это где-то 300 тысяч готовых потенциальных покупателей твоей книги, и поэтому ты — заветная мечта любого издателя. Теперь все знают, кто ты такой. А если ты продолжаешь цепляться за заблуждение, будто как-то наживаешься на гибели Хейли, — на здоровье, но давай назовем вещи своими именами: это Боязнь Успеха. И ты, друг мой, заболел этим задолго до того, как потерял жену.

К

P. S. За психологическую консультацию денег не беру.

от кого: Doug.Parker@mmag.com

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com **дата:**
13.09.2006, среда

тема: Может, и так, но...

Прав ты или нет — вопрос спорный. Для тех, кто ведет счет, я всего лишь преодолел годовую отметку. Кстати, как долго можно по закону писать о таких вещах?

В какой-то момент надо двигаться дальше, по крайней мере внешне, правда? А это значит, что хватит горевать. А в моем случае это значит, что хватит об этом писать. Так что зовите кинозвезд...

Д

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Забавно, что ты об этом заговорил...

Вообще-то это здорово, потому что я думал, мы немного разовьем тему и ты начнешь писать о возвращении к нормальной жизни, понимаешь? Я имею в виду, это отличный, берущий за душу материал. Все, что тебе снова придется пережить спустя столько лет. Первое свидание, первый секс, первая девушка... Словно заново родился. Ты напишешь об этом так же остроумно и трогательно, а я обеспечу тебе выгодный контракт на две книги с крупным издательством. Давай, Дуг, ты же знаешь, это будет шикарно!

К

от кого: Doug.Parker@mmag.com

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Ты жалкая пародия на человека

Извини, Кайл. В следующем месяце я напишу последнюю колонку Вдовца и вернусь к Голливуду.

Д

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: И еще кое-что, о чем ты должен знать

Ты, похоже, не читаешь журнал. В твоё отсутствие голливудскую тему отдали Краузе. Поэтому, если ты хочешь оставить за собой колонку, тебе придется писать о чем-нибудь новеньком. Ты выпал из игры на год. Как, по-твоему, они должны были поступить?

К

от кого: Doug.Parker@mmag.com

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Краузе — идиот

Это точно.

Д

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Это идиотское занятие

Ну так что, мы на это подпишемся? Надо ковать железо, пока горячо.

К

от кого: Doug.Parker@mmag.com

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Нет

Д

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 13.09.2006, среда

тема: Ты меня достал!

Отлично. Я дам тебе несколько недель на
размышление.

К

Глава 12

Когда едешь по Нью-Рэдфорду на север, буквально чувствуешь, как стоимость недвижимости поднимается, словно река в паводок. Участки в тысячу квадратных метров сменяются участками в две тысячи, а потом и в десять тысяч квадратных метров; дома становятся все больше и больше, отодвигаются все дальше вглубь участка; минивэны и японские седаны уступают место мощным внедорожникам и немецким автомобилям класса «люкс»; дороги становятся шире, и вдоль них растут высокие деревья. А потом через ворота из белого кирпича въезжаешь в Форест-Хайтс, перескакивая еще несколько уровней дохода; здесь, среди высшего налогового класса, в солидном колониального стиля особняке, живут Стэн и Эва Паркер. Я твердо решил не ходить на этот ужин, но за два дня, что Клэр живет со мной, старые модели поведения вошли в силу, и Клэр снова стала верховодить.

Клэр сворачивает на дорожку к дому, словно это улица, гонит по ней, не сбрасывая скорости и тормозит в нескольких сантиметрах от заднего крыла «ауди» нашей матери. На заднем сиденье Расс, который поехал с нами, потому что это все равно лучше очередного вечера в компании Джима и Энджи. Он с шумом выдыхает и произносит: «Черт». В том, что касается ругательств, Расс настоящий лингвист: у него слово может значить все что угодно. Сейчас он произнес «черт» с облегчением, потому что Клэр нас не угробила и изматывающая езда закончилась.

— Если тебе не нравится, как я вожу, ездай домой на автобусе, — подкалывает Клэр и, обернувшись, треплет Расса по голове.

— Как будто здесь ходят автобусы, — ворчит он, отталкивая ее руку. В его тоне слышится сложная подростковая смесь зависти и презрения.

— А на чем, по-твоему, сюда прислуга добирается? — ерничает Клэр.

— Смотрите, — говорит Расс, показывая за окно, — это разве не ваш отец?

На лужайке перед домом отец бросает об стенку бейсбольный мяч и ловит его моей старой потертой бейсбольной рукавицей. Из одежды

на нем лишь небесно-голубые шорты до колен, белые найковские кроссовки и черные носки. В лучах освещающего его сзади предзакатного солнца он похож на привидение. Отец сильно закручивает мяч, как питчер из высшей лиги. Когда он бросает, его вялые, обвисшие мускулы трясутся, словно желе, седые волосы прилипли к потному лбу. На переднем плане мельтешит Руди, который исполняет при отце обязанности сиделки, и с халатом в руках, из последних сил пытается заставить своего подопечного вернуться в дом и одеться.

— Пожалуйста, доктор Паркер, это не смешно.

— Привет, пап.

Отец видит меня, и его лицо проясняется, улыбаясь во весь рот, он неуклюже подходит ко мне, а Руди, который, судя по его виду, вот-вот свалится без сил, гонится за отцом, держа перед собой халат.

— Доктор Паркер, прошу вас, наденьте халат!

Руди примерно моего возраста; тощий, лысый, вечно чем-то обеспокоенный, он не справляется с моим могучим отцом, который тяжелее его на добрые тридцать килограмм: отец отталкивает его, как слон, хвостом бьющий мух.

Отец бросает рукавицу на траву и крепко обнимает меня — он никогда так не делал до того, как его хватил удар. Он пахнет потом и травой; я чувствую ладонью его шершавую волосатую спину.

— Дуг, — произносит отец, сжимая меня так сильно, что у меня перехватывает дыхание, — что ты тут делаешь?

Теперь он всегда встречает меня этими словами — неподдельное любопытство, остроумно маскирующееся под приветствие, потому что отец зачастую понятия не имеет, что происходит и какой сейчас год. Иногда кажется, что он все понимает, потом он опять решает, что я еще ребенок и вернулся после школы домой. Два года назад мать нашла отца в душе: он мокрой бессильной тушей лежал на полу без сознания. Три дня он был в коме, потом очнулся, здоровый и полный сил, но в мозгах у него что-то переключилось: он научился сдерживать свои порывы и желания и стал вести себя как восьмилетний ребенок. Доктора назвали это РМК, что, оказывается, расшифровывалось как «расстройство мозгового кровообращения» — умные слова, за которыми скрывалось лишь то, что они бессильны что-либо сделать. Периоды ясного сознания сменяются у отца помрачением рассудка, но

даже в лучшие дни он толком ничего не понимает. Он всегда в поисках контекста.

В этом есть свои положительные стороны: теперь он меня всегда обнимает. Наверно, чтобы он начал меня любить, у него должны были отказать мозги. Когда я не в себе или под мухой, мне кажется, что это честная сделка, но ведь не я гордо разгуливаю по лужайке у него перед домом в шортах с расстегнутой ширинкой.

Он отстраняется, не убирая рук с моих плеч. Интересно, сколько, по его мнению, мне сегодня лет?

— А где Хейли? — спрашивает он.

Вопрос отпадает сам собой. Я отворачиваюсь, чтобы он не увидел, как мое лицо мгновенно исказила жгучая боль. В мире, где он проснулся сегодня утром, он любит меня, а Хейли еще жива. Мне кажется, будто я стою на улице под дождем, заглядываю в окно и мечтаю оказаться внутри, чтобы отогреть свое продрогшее до последней косточки тело у очага его сумасшествия.

— Она скоро придет, — отвечаю я.

— Привет, папочка, — мгновенно вмешивается Клэр, подходит и обнимает его.

— Привет, милая, а ты что здесь делаешь?

— Приехала повидать Дебби, — поясняет Клэр. — Ты же знаешь, она скоро выходит замуж.

Его лицо выражает недоумение, отец хмурится. Его лоб бороздят глубокие морщины: он пытается что-то вспомнить, но воспоминание теряется в хаосе мыслей, бушующих в его голове.

— Мазл тов^[18], — произносит он, печально глядя себе под ноги.

— Ему и правда надо пойти принять душ, — вмешивается Руди.

Отец качает головой.

— Кто это? — интересуется он, оценивающе глядя на Расса, который робко стоит в сторонке.

— Это Расс, — поясняю я. — Помнишь Расса, сына Хейли?

— Ну конечно, помню, — отвечает отец, подходит к Рассу и обнимает его. На изумленном лице Расса отражается борьба чувств, словно он не знает, остаться ему или сбежать: отец крепко стиснул его в потных объятьях, но парень сохраняет хладнокровие и даже похлопывает отца кулаком по спине — в духе трущоб.

— Привет, доктор Паркер.

Отец отступает на шаг и оглядывает Расса с головы до ног.

— Ты уже совсем взрослый. Расс, ты играешь в бейсбол?

— Иногда.

Отец бросает ему мяч.

— Будешь питчером.

Расс ухмыляется и поднимает с земли рукавицу.

— Бейте, — говорит он.

— Мне кажется, это не лучшая мысль, — протестует Руди.

— Верно подмечено, Руди, — весело соглашается отец и бежит за стоящей у стены бейсбольной битой.

— Доктор Паркер, пора одеваться к обеду. А вы еще даже не приняли душ.

— Отвали, Руди, — произносит отец, закручивая биты и приседая, как бэттер.

— Да, Руди, — повторяет Клэр, ухмыляясь. — Отвали.

Отец смотрит на нее.

— Не могла бы ты считать болы и страйки?

Клэр подходит к нему, целует его в плечо.

— Я просто создана для этого.

Мать на своем кухонном посту: она сидит на высоком табурете у стола посередине кухни, около нее полупустая бутылка красного вина — очень надеюсь, что первая. Она обсуждает с Дебби различные свадебные тонкости, время от времени что-то в приказном тоне рявкая Порции, служанке, которая хлопчет над лондонским жарким. Разделочный стол накрыт, словно для фотографии в «Бон аппетит»: великолепные салаты, как на картинке, гарниры, заливная курица по-корнуэльски, панированная телятина и лондонское жаркое, которое Порция пытается впихнуть в серебряное сервировочное блюдо. Может, мои родители и ведут себя, словно в детстве потерялись в Гринвиче и выросли в семье белых англосаксов-протестантов, но когда речь идет о приготовлении пищи, мы снова становимся избранным народом.

— Дуглас, — произносит мать, ставя бокал с вином на мраморную столешницу. — Дорогой.

Она наклоняется и целует воздух где-то рядом с моим лицом, стараясь не смазать многочисленные слои помады, покрывающей ее губы, словно краска-герметик.

— Привет, Пух, — говорю я, целуя Дебби в щеку. Она, как всегда, безупречно выглядит: к обеду надела короткую черную юбку и бирюзовый свитер и уложила волосы в высокую прическу. Дебби чертовски красива, как точеная статуэтка, но лучше бы она иногда ходила с распущенными волосами и выглядела не столь безупречно, не так, будто забыла выдохнуть и вот-вот на что-то обидится.

— Ты пришел, — сказала она.

— А с чего ты взяла, что я не приду?

— Потому что ты меня ненавидишь.

— Ненависть — слишком громкое слово.

Она ухмыляется.

— Иди к черту.

— Не выражайся, Дебора, — строго произносит мать. — Ради всего святого, ты выходишь замуж. Постарайся хотя бы разговаривать как леди.

— Какая ты тощая, — говорю я.

Дебби всегда была худой, почти анорексичной, и мать ее в этом радостно поддерживала.

— Нужно влезть в платье.

— Она выглядит великолепно! — резко прерывает меня мать. — Ради бога, Порция, украсить грудинку не значит погрести ее заживо.

Мать поворачивается ко мне:

— Как дела, Дуглас?

— Все так же.

— Я не смогла до тебя дозвониться и очень волновалась.

— Я в порядке.

Она смотрит на меня поверх бокала, и в ее взгляде явственно читается: «Тебе меня не одурачить». Всякий раз, как я думаю о матери, я представляю ее большие пронизательные глаза, глядящие на меня поверх бокала с вином, словно они существуют отдельно от тела.

— Ты привез Расселла?

— Он во дворе играет с папой в бейсбол.

Она кивает и отворачивается.

— Как папа? — интересуюсь я.

Мать мрачнеет и машет рукой.

— Каждый день приключение. Он снова открыл для себя секс.

— Мама!

— Теперь ему все время хочется. Странно, что я вообще могу ходить.

— Черт возьми!

— Не выражайся, — рассеянно произносит мать, дважды щелкнув пальцами. — На днях отец полчаса гонялся за мной по всему дому, пока Руди не сумел его усмирить.

— Как Руди это удается? — спрашиваю я.

— На это ушло еще две недели. — Мать подлила себе вина, хотя ее бокал был наполовину полон. Она вздыхает — глубоко, театрально, как в фильме, получившем «Оскара». — Я очень люблю Стэна. Но он меня просто замучил.

— Кстати сказать, — произносит Дебби, поворачиваясь ко мне. — Я вот что подумала. Ты не хотел бы сам выдать меня замуж?

— Мы пытались много лет, Пух. Никто тебя не брал.

— Я серьезно, — настаивает она.

— Это должен сделать папа.

— Папа сошел с ума, если ты не заметил.

— Он всего лишь немного не в себе. Он отлично справится.

— Я не хочу рисковать.

— Будь что будет, Деб. Если он слегка ошибется, все поймут.

— И это говорит человек, который год не показывал носа из дому, — произносит Дебби, раздраженно качая головой.

— Чего ты хочешь, Дебби?

— Ничего, Дуг. Я ничего не хочу.

Мать нервно ставит бокал на стол, предчувствуя взрыв, но тут очень кстати появляется Клэр.

— Привет, мам, — говорит она, одновременно целуя мать в щеку и забирая у нее бокал.

— Где Стивен? — спрашивает мать.

— Ему пришлось поехать в командировку.

— Очень жаль.

— Ничего, как-нибудь переживет.

Клэр делает глубокий глоток вина, чего ей не следовало бы в ее положении, и я смотрю на нее, чтобы ей об этом напомнить; она демонстративно поднимает брови, давая мне понять, чтобы я отвалил.

— Привет, Пух, — говорит она.

— Не могли бы вы оба не называть меня так? — тихо произносит Дебби.

— Ага, — Клэр сочувственно кивает. — Но это вряд ли. Я права, Дуг?

— Забавно, но я думал, что пора бы перестать тебя так называть, а потом ты злобно заметила, что я не выхожу из дома...

— Единогласно, — весело резюмирует Клэр. — Как идут приготовления к свадьбе?

— Она не хочет, чтобы папа вел ее под хупу.

— Почему, черт возьми?

— Клэр! — выкрикивает мать, щелкая пальцами. Когда ситуация того требует, мать может ругаться, как матрос, но она терпеть не может, когда ругаются ее дети, потому что тогда она чувствует себя старой.

— Боже! — восклицает Дебби. — Ты что, не видела папу? Он бегаёт полуголым по двору.

— Это твой отец.

— Отвали, Клэр!

Если мать будет щелкать быстрее, у нее загорятся пальцы.

Мы с сестрами мгновенно и единодушно набрасываемся друг на друга. Щелчки матери безнадежно от нас отстали, и она утихомиривает нас, ударив кулаком по столу так сильно, что дребезжат детали люстры.

— Ребенком ты была очень некрасива, Дебора, — говорит мать.

— Что?

— Это правда, — продолжает мать, откидываясь назад и закрывая глаза. — Ты была похожа на тролля. Маленького смуглого тролля. Я стеснялась с тобой гулять. Но отец тебя обожал. Он считал, что ты самая красивая девочка на свете. Он не мог дождаться, пока ты проснешься, и тогда он брал тебя из кровати на руки и пел тебе песенки. Он показывал тебя всем, словно ты драгоценность из королевской казны. Ему было неважно, как ты выглядишь. Ты была его маленькой красавицей-дочуркой.

Мы дружно тарачимся на мать. Она никогда не рассказывала нам об этом, и очень может быть, что она это только что придумала — скорее всего, так оно и есть. Она никогда не чуралась импровизаций, если роль от этого выигрывала.

Мать открывает глаза и сверлит Дебби суровым взглядом:

— Может, он и болен, но это все тот же папа, который любовался маленькой уродиной и видел в ней красавицу-дочку, и именно он выдаст тебя замуж.

Дебби смотрит на мать, покраснев от гнева.

— Вы все чокнутые, — говорит она.

— Мы твоя семья, дорогая. Смирись с этим.

— Это не семья, а паноптикум!

— Ладно тебе, Пух, — тихо говорю я. — Это наш папа. Что может случиться плохого?

И в этот момент в окно влетает бейсбольный мяч. Порция визжит и бросается на пол, Клэр роняет бокал, и он разбивается об импортную плитку кухонного пола, а осколки оконного стекла разлетаются точнехонько на блюда, выставленные на столе. Слышно, как снаружи истерически верещит Руди, и мгновение спустя в окне появляется потное лицо отца.

— Вы там в порядке? — спрашивает он, слегка запыхавшись.

— Все в порядке, пап, — потрясенно отвечает Клэр. Порция встает на ноги и отряхивается, тихонько поминая Деву Марию.

Рядом с отцом у окна появляется Расс; он выглядит виновато и взволнованно.

— Черт, — произносит он.

Взгляд отца останавливается на бейсбольном мяче, угнездившемся посередине тарелки с салатом из канадского риса; отец переводит взгляд на меня.

— Дуг, поможешь?

Я достаю мяч из салата, стряхиваю рисинки и бросаю его в окно. Отец ловит мяч рукавицей и улыбается мне.

— Парень неплохо бьет, — говорит он радостно и исчезает во дворе.

Мне кажется, в обычной семье в такой момент невеста должна была бы расплакаться из-за того, что праздник испорчен, а мать невесты бросилась бы ее успокаивать и уверять, что все будет хорошо. Но, может, я ошибаюсь. Я мало что знаю об обычных семьях. Я сужу по тому, что видел по телевизору.

— Боже всемогущий, — шумно выдыхает мать и отпивает вина прямо из бутылки. — Он не успокоится, пока меня не прикончит.

Мать лезет в большую модную сумку, которая лежит рядом с ней на табурете, и шарит в ней, пока не находит свой верный пузырек с «вилами».

— Оставь, — говорит она Порции, которая изучает блюда, обдумывая, что можно спасти. — Выброси все.

Мать глотает желтую пилюлю и запивает ее вином из бутылки.

— Мы не будем подавать на стол блюда с осколками стекла. Здесь не тюрьма.

Дебби же времени даром не теряет. Она выхватывает мобильный, словно шестизарядный пистолет, и поворачивается к нам спиной.

— Майк, привет, это я... нет, обычный день в психушке. Послушай, у нас изменились планы. Папа слегка испортил ужин... Да. Нет, он играл в бейсбол, не спрашивай... Да. Тебе, наверно, лучше их подготовить... Майк, вот сейчас не начинай, ладно? Устроим импровизацию. Просто закажи места в «Сёрф-клубе». Да. На полвосьмого. Позвони, когда тебе подтвердят заказ... Ладно... Я тоже. Буду ждать твоего звонка.

Она с силой захлопывает крышку телефона и поворачивается к нам.

— Проблема решена, — говорит она с деланной самодовольной улыбкой.

— Так вот за что они платят тебе такие бабки, — замечает Клэр.

— Последний раз, когда мы были в «Сёрф-клубе», я отравилась, — добавляет мать.

— Мам, — произносит Дебби угрожающе тихим голосом, похожим на звук отдаленного грома.

Мать пожимает плечами.

— Я просто сказала. Я всю ночь не выходила из туалета. Из меня просто какой-то Ниагарский водопад лил, причем из обеих дырок.

— Черт возьми, мама! — встречаю я.

— Иногда даже одновременно, — договаривает мать, погружаясь в задумчивость.

— Нам надо было просто сбежать, — мрачно резюмирует Дебби, рухнув на стул. — Уехать в Вегас, чтобы нас поженит какой-нибудь двойник Элвиса.

— Не бойся, Пух, — успокаиваю ее я. — Если так будет продолжаться, то к свадьбе все уже устанут дурить.

Дебби угрюмо на меня смотрит.

— Это еще цветочки, — говорит она.

Тут мне становится ее почти жаль. Но потом я снова думаю, что это послужит ей хорошим уроком за секс у меня на шиве, и чувствую, как мною овладевает горькая обида.

— Пойду помогу папе одеться, — бросаю я. Мне вдруг хочется сбежать подальше от своей младшей сестры.

— Я помогу тебе ему помогать, — присоединяется ко мне Клэр, по пути ущипнув Дебби за щеку.

— Удивительно ли, что нам так чертовски не везет? — шепчет она мне еле слышно.

— Не заказывайте рыбу, — кричит нам вслед мать. — Ну, вы меня поняли.

Глава 13

Хрустальная люстра в похужей на пещеру столовой «Сёрф-клуба» притушена: освещение должно создавать уютную атмосферу, его вполне хватает, чтобы кольца с бриллиантами и золотые часы посетителей поблескивали, как звезды в вечернем небе. В мягком янтарном свете стоящих на столах свечей лица гостей кажутся очень загорелыми; приглушенный шум разговоров сопровождается мелодичный звон столового серебра по английскому фарфору и музыка играющего где-то в стороне джазового ансамбля. Мы опоздали на двадцать минут: одеваясь, отец с таким интересом смотрел повтор «Сайнфелда»^[19], что, пока сериал не кончился, его было невозможно оторвать от телевизора и заставить обуться.

Мистер и миссис Сендлмен, родители Майка, специально приехавшие по такому случаю из Вест-Хартфорда, вместе с ним дожидаются нас в баре. Все неловко переминаются с ноги на ногу, пока Дебби представляет им нас с Рассом. Я единственный из всей семьи, с кем они незнакомы, потому что несколько месяцев назад меня не было на обручении. У меня в тот вечер были дела поважнее: напиться и справиться с негодованием.

— Это мой старший брат Дуг, — говорит Дебби. — Его жена погибла в авиакатастрофе, и он безнадежно расклеился: никак не может перестать себя жалеть и взяться за ум.

Ну ладно, она не так сказала, но ясно, что именно это она имела в виду.

— Рад познакомиться, — говорит мистер Сендлмен. От бокала, который он держал в руке, его ладонь влажная и холодная. Он невысокий и коренастый, очки с толстыми стеклами и густые усы делают его похожим на карикатуру на политика.

Миссис Сендлмен обнимает меня. Она добрая, полная и пахнет освежителем воздуха.

— Мы каждый месяц читаем вашу колонку, — произносит она. — Очень трогательно.

— Хорошо написано, — заявляет мистер Сендлмен. По крайней мере, мне так кажется. Под его усами не видно губ.

— Приятно с вами познакомиться, — отвечаю я, не в силах повернуться к ним лицом: из их глаз, точно липкая грязь, сочится жалость. Я понял: жалость — как пердеж. Когда сам портишь воздух — еще ничего, но когда это делает кто-то другой, уже нестерпимо.

— Это Расс, — говорю я. — Сын моей покойной жены, который, кажется, решил любой ценой пустить свою молодую жизнь псу под хвост, и я, похоже, бессилён ему чем-либо помочь.

Или что-то вроде того.

— Привет, — здоровается Расс.

— Дуг, — произносит Майк, робко пожимая мне руку и хлопая меня по спине.

Мы не общались с тех пор, как я не явился на обручение. Он позволил Дебби обо всем договариваться. Огромная ошибка.

— Спасибо, что пришел. Для нас это и правда очень важно.

— Не стоит благодарности, — отвечаю я.

— Послушай. Я понимаю, что время для всего этого было выбрано неудачно. Но поверь мне...

— Я не шучу, Майк, — я прерываю его резче, чем хотел. — Серьезно. Не будем об этом.

Он, похоже, хочет еще что-то сказать, но нечто в выражении моего лица, чего я сам не знаю, заставляет его заткнуться. Я бросаю взгляд в зеркало за барной стойкой, чтобы отметить точное выражение и запомнить его на будущее, но тут ко мне подходит метрдотель, чтобы отвести нас к столу. Я ловлю в зеркале свой взгляд, но он не особо грозен.

Как только мы садимся за стол, отец волшебным образом меняется буквально на глазах. Он сидит во главе стола и распоряжается, он красив и элегантен. На нем костюм в тонкую полоску, густые седые волосы зачесаны назад. Через очки в золотой оправе отец изучает карту вин. Он авторитетно общается с сомелье, расспрашивает, какого года урожая то или иное вино, и заказывает два сорта, потом снимает очки, складывает и кладет в нагрудный карман. Невозможно представить, что это тот самый человек, который час назад гонялся за мячом по лужайке, голый по пояс.

— Дорогая, — признается он матери, целуя ей руку, — ты выглядишь так же великолепно, как в день нашего знакомства.

— Ты так говоришь только потому, что это правда, — парирует мать, но она улыбается, и в глазах у нее стоят слезы. До удара Стэн никогда открыто не выказывал своих эмоций, он всю жизнь был флегматичен, и поэтому так странно слышать звучащее в его голосе искреннее чувство.

— В первый раз мы занимались любовью в подвале дома ее родителей, — рассказывает отец, повернувшись к мистеру Сендлмену. Тот краснеет и, похоже, не знает, как реагировать.

Расс фыркает в стакан с водой. Клэр берет нож для масла и изображает харакири.

— Ладно, Стэн, — вмешивается мама, сжимая руку отца.

Он поворачивается к ней.

— На тебе была белая шелковая блузка, а лифчика не было; мы поставили одну из пластинок Синатры, которые были у твоего отца.

Мать улыбается и берет его за руку.

— «Перед рассветом», — кивает она.

— Ты скучаешь по ней сильнее всего, — хрипло поет отец и снова целует ей руку.

— Он обожает Синатру, — залившись румянцем, признается мать Сендлменам.

— Пожалуйста, давайте сменим тему, — просит Дебби.

Отец кивает.

— Ну, — произносит он, обращаясь к мистеру Сендлмену, — Фил, если не ошибаюсь?

— Говард.

— Говард. Напомните-ка мне, чем вы занимаетесь?

— Торговля недвижимостью.

— Ага.

Фил — младший брат отца, он погиб во Вьетнаме. Когда отец забывает чье-то имя, он наугад произносит «Фил».

Принесли вино, отец пробует его и одобрительно кивает сомелье. Когда все бокалы налиты, отец поднимает свой и произносит:

— Я хочу предложить тост за счастливую пару. Все, кроме Клэр, поднимают бокалы: Клэр же смотрит на меня, поднимает брови и демонстративно берет вместо вина стакан воды.

— Дебби, — продолжает отец, обернувшись к ней. — Ты моя маленькая дочурка, и это всегда будет так — где бы ты ни была и

сколько бы тебе ни было лет. Скоро твоя свадьба, и я хочу, чтобы ты знала, что мы с мамой очень тобой гордимся — не потому, что ты многого добилась, но потому, что ты замечательный человек. Я до сих пор помню, как ты в розовой пижамке с китами лежишь, свернувшись калачиком, у меня на коленях и поешь мне песенку о крошечном паучке. Я помню все, словно это было вчера...

У него срывается голос, глаза внезапно наполняются слезами.

— Когда я просыпаюсь утром, я жду, что вот-вот к нам в спальню вбежит та маленькая девочка, волоча мягкую игрушку-лягушку, запрыгнет на кровать и свернется калачиком.

Отец берет со стола салфетку и, оглядываясь, вытирает слезы.

— Я с вами, — ни с того ни с сего говорит он горячо.

Я замечаю, что Клэр и Дебби плачут, и чувствую, как у меня в глазах набухает горячая влага.

— Стэн, — мягко произносит мать, сквозь слезы глядя на отца.

— Все в порядке, Эви, — отвечает он, свободной рукой сжимая ее ладонь, и откашливается. — Я хочу сказать, что неважно, сколько нам всем лет: вы трое всегда будете моими детьми, а ты, Дебби, всегда будешь моей маленькой дочуркой. — Отец поднимает бокал вина. — За Дебби и Филя.

— Майка! — раздраженно рявкает Дебби, и мне хочется прицельно метнуть тарелку, как диск, и снести ей башку.

— Да, — поправляется отец. — За Дебби и Майка.

Ужин идет, как обычно проходят такие ужины. Дебби обсуждает с Клэр и миссис Сендлмен оркестр и цветы, мать упорно пьет и развлекает мистера Сендлмена историями о театральных интригах, которые мы все слышали миллион раз. Расс извиняется и говорит, что на минутку отлучится, отсутствует пятнадцать и возвращается со стеклянным взглядом.

— Тебе непременно нужно было дунуть именно сейчас? — шепотом спрашиваю я его. — Неужели это так важно?

— Биологический позыв, чувак. Чертовски сильный.

— Это семейный ужин.

— Да ладно тебе. Как будто к столу примотан кусок динамита и мы все ждем, когда же он рванет. Мне просто не верится, что ты притащил меня сюда.

— Ты сам напросился, помнишь?

— Надо было меня вышвырнуть, как всегда.

— Я тебя не вышвыривал.

— Вранье.

— Мне было абсолютно ясно, что здесь будет кошмарно. Ты сказал, что хочешь повидать Дебби.

Он кивает и смотрит через стол на мою младшую сестру.

— Я понимаю, что ты, возможно, этого не замечаешь, потому что она твоя сестра и все такое, но она чертовски сексуальна.

— Она твоя тетя.

— По отчиму. Да и то с натяжкой. Ты же меня не усыновлял. Помнишь? Нейтральная территория? Тебе так и не удалось сделать шаг вперед?

— Боже, Расс. Может, хватит уже?

— Не волнуйся, друг мой. Я сейчас под кайфом и не стану с тобой собачиться.

Он глубоко и прочувствованно вздыхает, не сводя глаз с Дебби.

— Если бы у меня хватило смелости, я бы признался ей в своих чувствах.

— Ты понимаешь, что она выходит замуж?

Он смотрит на Майка, который острием столового ножа рисует узоры на просыпанной соли, и грустно качает головой.

— Очень жаль!

Итак, Расс пялится на Дебби, а я смотрю на отца, который мирно жует бифштекс и счастливо улыбается, оглядывая свою семью. Мне странно видеть его таким величественным и элегантным, таким... непринужденным. словно лицезреть давно умершего родственника. Я чувствую, как мой желудок наливается свинцовой тяжестью грусти. Мы никогда не были особо близки, но после удара он любит меня сильнее, и я скучаю по нему, сам толком не понимая, почему: как можно скучать по тому, что никогда тебе не принадлежало?

Я так погружен в наблюдение за отцом, что не слышу, как Майк, который сидит прямо напротив меня, дважды зовет меня по имени.

— Дуг! — наконец кричит он, и все замолкают.

— Что? — спрашиваю я недовольно.

— Я говорил, что хочу, чтобы ты был моим шафером.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты пришел к нам на свадьбу.

Я не хотел над ним смеяться. Так получилось.

— Ты, наверно, шутишь.

— Ладно, Дуг, — продолжает он, нервно оглядываясь по сторонам. — Ты же не можешь вечно злиться, так почему бы не позабыть обо всем прямо сейчас? Мы были хорошими друзьями, а теперь мы породнимся.

Он протягивает мне через стол руку и широко улыбается.

— Что скажешь?

Краем глаза я вижу, что Дебби (тоже краем глаза) наблюдает за нами, и понимаю, что все это подстроено — открытая демонстрация расположения, призванная сломить мое сопротивление.

Я не протягиваю ему руки.

— Я не хочу.

Майк с оскорбленным видом убирает руку, а Дебби швыряет на стол вилку с ножом.

— Да что с тобой, черт подери, такое? — набрасывается она на меня.

— Ничего.

— Если ты собирался вести себя как последняя сволочь, зачем ты вообще пришел?

— Клэр заставила. Она не хотела идти одна.

Она вздыхает и меняет тактику.

— Ладно. Тебе грустно. Ты до сих пор оплакиваешь Хейли. Я понимаю. Я могу только догадываться, каково тебе. Но не кажется ли тебе, что всего на один день ты мог бы забыть об этом, перестать думать о себе и порадоваться за меня?

— Как ты забыла о своих чувствах к Майку и жалела меня, когда умерла моя жена?

— Это нечестно, Дуг.

— Тут ты права.

— Успокойся, — произносит Клэр, глядя на меня.

— Я не виновата, что именно там встретила Майка. Это... судьба. У всего есть причина.

— Ты мелкая эгоистичная сучка, — срываюсь я, и голова Дебби дергается, словно от пощечины.

— Дуг! — кричит Клэр, но слишком поздно. Если она хотела, чтобы я был милым, не надо было привозить меня сюда.

— Ты и правда веришь в это? — ору я на Дебби, а она смотрит на меня, открыв рот, не в силах произнести ни слова от возмущения. — Ты думаешь, что смерть Хейли была частью великого Божьего замысла, чтобы Майк смог оттрахать тебя в комнате наверху, пока я сидел шиву?

— Дуглас! — через стол шипит на меня мать, и я понимаю, что все посетители ресторана внезапно замолчали.

— Я не это имела в виду, — оправдывается Дебби дрожащим голосом.

— Ты имела в виду, что не хотела говорить об этом вслух.

— Может, вам двоим лучше выйти? — вмешивается Майк.

— Может, тебе лучше заткнуться на хрен?

Не выражайся, Дуглас! — обрывает меня мать, щелкая пальцами.

— Ты просто скотина, — всхлипывает Дебби.

— А ты маленькая самовлюбленная шлюшка.

— Так, — весело произносит Клэр. — У меня для вас новость. Я беременна. И я ушла от Стивена.

Все оборачиваются и смотрят на нее. Она барабанит пальцами по столу.

— Только не поздравляйте меня все сразу.

Мать хватает отца за руку и смотрит на Клэр.

— Повтори, пожалуйста, — просит она, прижимая другую руку к груди.

— Что именно?

— Всё.

— Я беременна и собираюсь разводиться.

— Ба-бах, — громко произносит Расс. Я решил было, что это все марихуана, но тут он засмеялся. Смех становится громче и вскоре переходит в истерику, Расс трясется, захлебываясь от хохота; по его лицу текут слезы.

— Расс, — умоляю я, пихая его под столом ногой, — прекрати!

Но он только громче смеется и в исступлении хлопает ладошками по столу.

— Ба-бах! — кричит он во все горло, бешено размахивая руками над головой, и заходится в новом припадке хохота.

Какое-то время мы все молча сидели, ошеломленно и беспомощно глядя на Расса, и ждали, пока он перестанет, и вдруг отец тоже громко и весело рассмеялся, за ним Клэр, а потом и я. По столу прокатывается волна смеха, и вот уже мы все неудержимо хохочем, а Майк и его родители смотрят на нас во все глаза и не могут понять, что тут смешного. Даже если бы я мог говорить, мне нечего было бы им сказать; ведь ничего смешного нет, и все печальнее, чем можно себе представить. Добро пожаловать в семью: вот что я бы им сказал.

К десерту все более-менее вошло в свою колею: мать ела «вилы», как конфеты; мистер Сендлмен прожужжал отцу все уши о государственных процентных ставках; Расс в полном молчании методично намазывал маслом и доедал оставшиеся в хлебнице булочки и хлебные палочки, а Майк, не таясь, спокойно лапал под столом Дебби.

— Все и всегда должны плясать вокруг тебя, да, Клэр? — с горечью спрашивает Дебби. — Мне следовало догадаться, что ты наверняка что-нибудь учудишь.

— Точно, Пух. Я ломаю себе жизнь только для того, чтобы выделиться на твоём фоне и привлечь к себе внимание.

— Нет. Ты и правда ломаешь себе жизнь. А вот объявляешь об этом сейчас, потому что не дай бог хоть десять минут на тебя не будут обращать внимание.

— Ничто не происходит просто так, верно?

— Иди к черту, Клэр.

— Не выражайся, Дебора, — рассеянно произносит мать. Она пытается щелкнуть пальцами, но они ее не слушаются. Она запила пилюли белым вином и растворилась в наркотическом оцепенении, не чувствуя боли.

— А вы уже знаете, мальчик или девочка? — миссис Сендлмен, обращаясь к Клэр, резко меняет тему.

— Что, простите? — переспрашивает Клэр.

— Ребенок.

Клэр качает головой.

— Понятия не имею.

— Вот-вот, — хмуро замечает Дебби. — Все занимаются исключительно Клэр. Кто знает, что еще она выкинет, если мы

перестанем обращать на нее внимание. Наверно, сделает операцию по перемене пола.

— Расслабься, детка.

— Заткнись, Майк.

— Синатра! — воскликнул отец, вскочив на ноги. Действительно, ансамбль заиграл старую песню Синатры.

— Потанцуем? — приглашает отец, протягивая руку матери.

— Ну нет, — отвечает она, отталкивая его руку. — Я сейчас и прямо пройти-то не смогу.

— Дебби? — спрашивает он, глядя на нее.

— Не сейчас, пап.

— Ну пожалуйста.

— Пап, никто не танцует.

— Ошибаешься, — возражает он.

Отец проходит мимо стоящих рядом с нами двух столиков и начинает танцевать в одиночку, двигаясь вдоль длинного ряда окон, которые выходят на пролив Лонг-Айленд. Отец делает па и кружится в такт музыке. Солнце садится, и последние пастельно-розовые сполохи света окрашивают небо за его спиной.

— О боже! — вздыхает Дебби, отодвигает стул и встает.

Она подбегает к отцу и тащит было его обратно к столу, но он обнимает ее и начинает с ней танцевать, напевая себе под нос. Дебби сперва сопротивляется, но потом затихает и, обмякнув, повисает на отце, обхватив его за шею руками и положив голову ему на плечо. А потом она плачет — в голос, глубоко, страдальчески всхлипывая и содрогаясь всем телом. Отец же просто обнимает Дебби, сдерживая ее слабые конвульсии, гладит ее по шее, целует в голову. Они стоят так долго-долго, тихонько покачиваясь из стороны в сторону, хотя песня уже кончилась. Небо за окном темнеет, и пролив Лонг-Айленд медленно сливается с ним.

После ужина мать исчезает, я нахожу ее на пляже. Сняв туфли, она стоит на волнорезе и глядит на темный океан. Черное платье полощется и облепляет ее, она сняла заколку, и распущенные волосы развеваются на ветру. Я не думаю, что мать принимает такие позы исключительно ради драматического эффекта, но вообще-то, кроме как в кино, никто и никогда не стоит, устремив взгляд за горизонт и

глубоко задумавшись, пока не придет еще кто-то и не начнет важный разговор. В жизни же мы задумываемся, чтобы как-то убить время — когда едим, ведем машину, сидим на унитазе или стоим в очереди. Но в фильме это передать не так-то просто, поэтому какой-то неизвестный режиссер придумал «взгляд, устремленный вдаль», который означает глубокую задумчивость. Для матери граница между жизнью и игрой давным-давно стерлась, к тому же мать приняла «вилы» и выпила вина, а это значит, что ощущение реальности у нее искажено сильнее, чем обычно.

— Когда вы были маленькие, мы все время ходили на этот пляж, — произносит она, не отводя взгляда от темного пролива. — Помнишь?

— Конечно.

Она вздыхает.

— Мне нравилось здесь бывать. Вы трое очень любили купаться. Собственно, только в этом вы были единодушны. А я сидела на одеяле и смотрела на ваши маленькие стриженные головки. Знаешь, по крайней мере тогда я занималась тем, чем должна была, и вы все были счастливы. Потом вы стали брать с собой плееры — просто валялись на одеяле, воткнув в уши наушники и погрузившись в собственные проблемы. У Клэр выросла грудь, она стала носить бикини и болтаться с какими-то противными парнями. Дебора оставалась одна и приставала к тебе, пока ты не доводил ее до слез или не уходил. Все кончалось тем, что я кричала на нее. Тогда-то я и перестала любить пляж.

Я молча стою, словно актер за кулисами, ждущий своей реплики.

— Ты все-таки жестоко поступаешь с сестрой, тебе не кажется? — спрашивает мать.

— Нет, не думаю, — отвечаю я и встаю рядом с ней на волнорез.

Мать кивает. Прожектор ресторана бросает на ее лицо синий отблеск.

— Майк хороший. Конечно, для юриста он немного туповат, и нам придется убрать его руку с задницы твоей сестры хоть путем хирургического вмешательства, но он любит Дебби и, что важнее, она его любит. Я вижу по ее глазам.

— Она считает его своей собственностью.

— Брось, хватит умничать! Это тоже любовь. Ей нравится доминировать в любви, ты скорбишь, озлобившись на весь свет. Каждому свое.

— Я понял, что ты хочешь сказать.

— Но я хочу сказать не это. А вот что, — она оборачивается и сверлит меня суровым взглядом. — Будь с ней помягче. Это ее день. Если все сложится удачно, она выйдет замуж только раз в жизни. Не надо портить ей праздник. В конце концов, ведь не на нее же ты злишься.

— Разве? А на кого же?

— На Хейли, разумеется, — отвечает она, снова глядя на океан. — Я и сама, кстати, на нее чертовски сердита за то, что она так тебя бросила. Но это уже не новость, и я больше не хочу об этом говорить.

— Я тоже.

Вода яростно бьется о камни у нас под ногами, разлетается брызгами в воздухе; я чувствую, как крошечные капли холодного тумана мелкими иголками покалывают лицо.

— В чем бы Дебби ни провинилась перед тобой, она это сделала ради любви, и кому, как не тебе, это понять.

— Ради любви к себе, — парирую я.

— Да ладно тебе, Дуглас. А бывает другая?

— Послушай, мам...

— Нет, это ты меня послушай. Послушай свою маму. Может, я чокнулась, может, упилась вдрызг, но я живу немножечко дольше тебя и знаю кое-что, чего не знаешь ты. Я знаю, что Дебора может быть той еще стервой, но это генетическое, она в этом не виновата. Ты вот что пойми: в детстве ей пришлось несладко. Вы с Клэр — то еще удовольствие. В лучшие времена вы оба не подпускали ее к себе, а в худшие были просто жестоки.

— Да ладно тебе. Не так уж мы были плохи.

Она смотрит на меня, подняв тонкую, выщипанную ниточкой бровь.

— Вы были ужасны. Вы и сейчас такие. Дебби одна из вас, но она всегда была в стороне от вас — от понятных только вам двоим шуток и таинственных взглядов. Дебби бы с радостью отдала свою правую руку, лишь бы вы приняли ее в компанию. Да и теперь тоже. Может,

это моя ошибка — я не приучила вас больше общаться с младшей сестрой. Она всегда хотела, чтобы вы с Клэр ее любили.

Редко бывает, что кто-то скажет тебе всего несколько слов, но так, что это заставит взглянуть на себя другими глазами. Однако мать до сих пор способна сыграть так, что это станет откровением.

— Я никогда об этом не задумывался, — признаюсь я, чувствуя себя дураком.

— Ну конечно. Вы с Клэр всегда были слишком погружены в собственные проблемы, чтобы замечать кого-то еще. И это тоже генетическое, — грустно усмехается мать. — Оголтелый эгоизм у вас в крови.

Вдали я слышу голос Рассы, который с парковки зовет меня.

— Они нас потеряли, — говорю я.

Мать кивает и берет меня за руку, я помогаю ей слезть с волнореза. Мы идем по песчаному берегу к парковке, мать несет туфли в руках. Я вижу отца и Клэр, которые кружатся, как Джинджер и Фред^[20], в свете натриевых ламп.

— Отец сегодня просто молодчина, правда?

Мать кивает и берет меня под руку.

— Знаешь, что будет дальше? Когда мы вернемся домой, ему захочется заняться со мной сексом, причем несколько раз, а потом он будет лежать, обняв меня, и рассказывать мне о вашем детстве или о нашем первом свидании. Я буду держаться до последнего, стараясь не заснуть, потому что я не хочу пропустить ни минуты, и желать лишь одного: чтобы мы лежали так вечно. Но в конце концов я засну, а он все еще будет рассказывать. А когда я проснусь утром, он будет писать на клумбы, или играть в бейсбол в одном исподнем, или строить на полу в гостиной стеклянную башню из хрусталя моей бабушки — одному Богу ведомо, что он еще придумает. Я накроюсь с головой одеялом и разревусь, гадая, когда я снова увижу его — да и увижу ли.

Мать поворачивается ко мне лицом, и я смотрю в ее большие пронизательные глаза. Холодной рукой она гладит меня по щеке.

— Ты потерял жену, Дуглас. У меня сердце разрывается от жалости к тебе, поверь. Но я каждый день теряю мужа, каждый божий день. И даже не сетую на это.

— О господи, мама, — отвечаю я хрипло, но она уже снова идет. Ее излюбленный приемчик. Ей нравится озадачивать и трогать за

живое. Поставить в тупик и заставить волноваться.

— Что делать, Дуглас, — произносит она весело и тянет меня вперед. — Жизнь — дерьмо, это точно. Но в ней есть и хорошее: по крайней мере один из нас сегодня ночью будет трахаться.

На парковке отец подходит к матери, накидывает на ее подрагивающие плечи пиджак и обнимает ее. Они прощаются с Сендлменами, которые, кажется, до сих пор не до конца оправились от ужаса. Наверно, им не терпится сесть в машину и перемыть нам кости. Как только они уезжают, мы все обнимаемся, ждем друг другу руки, прощаемся. Стороннему наблюдателю, который нас толком не знает, может показаться, что мы самая обычная семья.

Глава 14

Разговоры с вдовцом

Дуг Паркер

Столкнувшись со мной лицом к лицу, люди непременно произносят три вещи, а я каждый раз отчаянно надеюсь, что они не скажут эти три глупые банальности, от которых неизменно сводит кишки и кровь стучит в висках от гнева. И хотя я уже более-менее привык, но все же, услышав их, с трудом подавляю желание проорать в ответ что-нибудь непристойное и запустить в доброхота большим хрупким предметом, а потом занести кулак и ударить его прямо по искаженному гримасой жалости лицу — почувствовать, как кости хрустят под кулаком, увидеть, как из его ноздрей, точно гейзер, брызнет горячая алая струйка крови.

«Соболезную».

Я понимаю, это общее заблуждение, но дело в том, что, когда тебе выражают соболезнование, подразумевается, что ты тут же должен ответить: «Все в порядке». С детского сада, с самого первого раза, когда какой-нибудь насморочный нахаленок опрокинет твои кубики, ты запрограммирован на прощение. А ведь все отнюдь не в порядке, никаким порядком тут и не пахнет, но какой-то социалингвистический тик заставляет тебя утверждать обратное. И дело не только в этом: теперь вы поменялись ролями — ты утешаешь, вместо того чтобы выслушивать утешения. Это-то как раз не страшно: от бесплодных попыток

успокоить меня уже тошнит, я мужчина и привык сам себя успокаивать — напиваться и орать на телевизор, бить кулаками по кирпичной стене, плакать под душем, где слезы исчезают, едва успев показаться. Но ни при каких обстоятельствах мне не хочется стоять и успокаивать кого-то еще. У того, кто недавно потерял жену, думается мне, есть свои проблемы. Так что, когда подобное повторяется несколько раз, приучаешься в ответ просто благодарить и при этом чувствуешь себя нелепо. Спасибо за соболезнование. Да что это такое, черт подери? Еще одно наглядное доказательство бессмысленности существования, практически лишённого смысла.

«Как твои дела?»

И снова первое побуждение — отречься. Губы готовы произнести: «Прекрасно», и от тебя ждут, что ты это скажешь. Все очень надеются, что ты проговоришь: «Прекрасно», — может быть, устало и грустно пожав плечами, но все-таки скажешь именно это. Люди машинально проявили заботу, и «прекрасно» — расписка об уплате ими налога. Но у тебя все совсем не «прекрасно». Тебе хреново. Ты часто напиваешься еще до ланча и разговариваешь сам с собой, плачешь над фотографиями, часами сидишь, глядя в пространство, изводишь себя, снова и снова думая о том, «что было бы, если бы», чувствуешь, что погиб, опустошен, зол, виноват — или все сразу: коктейль крепкий — залпом не осилить. Хочется обо всем забыть, но для этого надо забыть о ней, а ты не хочешь о ней забывать, и поэтому ты не забываешь ничего. А может, и забываешь что-то, но потом снова и снова испытываешь боль утраты и чувство вины за то, что пытался утешиться, потом злишься на себя за то, что чувствуешь себя виноватым, хотя тебе не в чем себя винить, и в конце концов чувствуешь вину за

то, что разозлился на свою покойную жену. Вам кажется, что это можно назвать «прекрасно»? Сказать так — значит дискредитировать все, что тебе пришлось пережить. «Прекрасно» — это в некотором смысле неуважение к покойной жене: значит, ты недостаточно любил ее. Но никто не хочет знать неприглядную правду, а если и хочет, не очень-то удобно вот так делиться своим горем. И ты в очередной раз произносишь: «Прекрасно», и дышишь глубоко, пока не пройдет мгновенное побуждение совершить ритуальное кровопролитие.

«Я могу тебе чем-то помочь?»

Да, раз уж вы об этом упомянули. Вернитесь в прошлое и помешайте моей жене сесть в тот чертов самолет. Вот это будет неоценимая помощь. Я буду вам вечно признателен. Но коль скоро это невозможно, чем, по вашему мнению, вы могли бы мне помочь, так чтобы это решило мои проблемы? Приготовить ужин? Я потерял жену, а не микроволновую печь.

Но, что бы вы ни делали, не перегибайте палку. Не надо совать мне под нос собственные беды, словно руку для тайного братского рукопожатия. Скорби не нужна компания. Я не хочу слышать о том, что ваш отец попал в автокатастрофу, мать хватил инфаркт, а сестра медленно умирает от лейкемии. Мое горе затмевает все, и мне нет дела до ваших печалей, как и вам до моих.

Я знаю, что вы желаете мне добра, но от этого мне не становится проще вас выслушивать. Если вы хотите выказать мне дружбу и сочувствие, от вас требуется только одно: оставьте меня в покое. Не нужно это понимать буквально. Я понимаю: вы полагаете, что, превознося мою жену или поделившись теплым воспоминанием, облегчите тем самым мою боль. Но поверьте мне на слово: это не так. Если вы иначе не можете, знайте: простое

приветствие — все, что я сейчас могу вытерпеть. Если вам так уж необходимо посочувствовать моему горю — хмуро кивните, поджав губы и подняв брови, и сменим тему. А вообще — не стоит заморачиваться. Спросите, сколько времени, и я посмотрю на часы. Пригласите меня в кино. Я откажусь, но вы-то уже предложили, и мы обменялись парой таких реплик, после которых мне не захотелось начистить вам рыло. Может, если часто болтать на самые общие темы (обычное человеческое общение, не требующее от меня ничего), я снова смогу смотреть другим людям в глаза, начну потихоньку возвращаться к жизни.

Кто знает? Может быть, однажды вы застанете меня в подходящий момент, и я на самом деле соглашусь пойти с вами в кино, потому что это позволит мне выбраться из дома и я буду знать, что в течение двух часов мне не придется ни с кем разговаривать. А когда фильм кончится, мы его обсудим. Не нужно стараться как лучше, не нужно пытаться помочь мне примириться с утратой, и чем скорее вы откажетесь от этой мечты, тем будет проще для нас обоих. Исцеление — дело глубоко личное, и, если честно, ваше участие неуместно. Но в ваших силах ненадолго выпустить меня из угрюмой, мрачной тюрьмы моих мыслей, и этот подарок, сам по себе драгоценный, — лучшее, что вы можете мне дать.

Само собой, если вы пригласите меня на романтическую комедию, я застрелю сначала вас, а потом себя.

Глава 15

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 28.09.2006, среда

тема: Дело на мази

Я поговорил с «Саймон & Шустер», «Даблдэй» и «Риверхед». Они все заинтересованы. Я начну принимать предложения, как только ты дашь мне официальную заявку. Быть может, мы даже устроим торги! Ну же, Дуг, давай все сделаем! Чем ты там, черт подери, занимаешься?

К

от кого: Doug.Parker@mmag.com

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

дата: 28.09.2006, среда

тема: Спасибо, не надо

Извини, Кайл. Я пока не готов.

Д

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 28.09.2006, среда

тема: Хватит темнить

Черт подери, Дуг! Давай поторгуюемся с ними! Вспомни, как ты годами искал работу! Раньше за такую возможность ты с радостью дал бы отрезать свое левое яйцо!

К

от кого: Doug.Parker@mmag.com

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

дата: 28.09.2006, среда

тема: То было тогда

А это сейчас. Пожалуйста, оставь меня в покое.

Д

от кого: Kyle.Evans@EvansLitAgents.com

кому: Doug.Parker@mmag.com

дата: 28.09.2006, среда

тема: Хитрый ход

Ладно, ты круто берешь. Мне нравится. Но помни, что долго так продолжаться не может. Скоро надо будет подписать контракт.

К

от кого: Системный администратор

кому: Kyle.Evans@EvansLitAgents.co

дата: 28.09.2006, среда

тема: Письмо не было доставлено

Ваше письмо не дошло до адресата. Получатель занес Ваш адрес электронной почты [Kyle.Evans@EvansLitAgents.co] в черный список.

Глава 16

Поздним утром Клэр будит меня от сладкого сна. Мне не снилось ничего такого: мы с Хейли ехали куда-то на машине и слушали радио, в оранжевой дымке неслась куда-то разноцветная листва. В моих снах всегда осень. Хейли что-то мне говорила, но я не могу вспомнить ни единого слова, ни интонации, хотя во сне я слышал ее голос. Я лежу в постели и чувствую, как меня охватывает пустота: живот наливается привычной тяжестью, задворки сознания окутывает тьма. Когда я только-только просыпаюсь, я какое-то время — считанные драгоценные секунды — чувствую себя собой, как раньше, а потом сознание проясняется, и меня охватывает отчаяние. Мрачное и густое, оно затапливает меня, точно нефть. Я закрываю глаза и пытаюсь заставить себя заснуть, снова увидеть Хейли, но сознание включилось, как электричество: оно распространяется по всему телу со скоростью света, и выключить его не удастся.

— Давай, — говорит Клэр. — Открывай глаза.

Я переворачиваюсь на спину и вижу, что она сидит по-турецки в ногах моей кровати, как в старые добрые времена. От яркого цвета ее дизайнерского изумрудно-зеленого тренировочного костюма больно глазам.

— Сколько времени? — спрашиваю я.

— Десять часов тридцать три минуты. Я приготовила тебе завтрак, но потом съела его. Извини.

— Все в порядке, — отвечаю я. — Я не очень-то люблю завтракать.

— Но завтрак важнее обеда и ужина, — говорит она весело.

Я закрываю глаза и тяжело вздыхаю.

— Ты не могла бы прийти попозже?

— Нет. Просыпайся! — она стаскивает с меня одеяло.

— Так, — говорю я. — Мне кажется, нам пора установить кое-какие правила проживания в доме.

— Точно. Для меня правила не пустой звук.

Я неуверенно сажусь, прислонившись к спинке кровати.

— Клэр, ты о чем?

Ну, во-первых, я хочу, чтобы ты спрятал своего солдатика обратно в форт.

— Что? Ох. Ты сама стянула с меня одеяло, — оправдываюсь я, поправляя трусы.

— Верно подмечено, — соглашается она, бросая мне одеяло. — Ну что, ты готов?

— К чему?

Она улыбается широко, словно ведущая ток-шоу.

— К жизни!

Клэр выжидающе смотрит на меня.

— Что ты несешь? — недоумеваю я.

— Так, Дуг. Вот что я обо всем этом думаю, — продолжает она, многозначительно поглаживая себя по животу. — Скоро я подарю жизнь новому человеческому существу, которое сейчас сидит у меня вот тут. Более того, я сделаю это, практически не прилагая сознательных усилий, согласен? Если я за девять месяцев могу создать абсолютно новую жизнь, то, думается мне, если постараться, за то же время мы можем вернуть к жизни тебя.

Я поднимаю на нее глаза.

— Это так просто.

Ее взгляд открыт и полон решимости.

— Настолько просто, насколько ты сам того захочешь.

— Я не знаю, чего я хочу.

Она кивает.

— В этом-то вся прелесть: у тебя есть сестра-близнец, которая знает тебя лучше, чем ты сам. Я знаю за тебя. Если бы тебе была нужна пересадка почки или печени, то лучше меня не было бы донора, потому что внутри мы одинаковые. Здесь применим тот же принцип. Я разделю с тобой свое сердце, пока твое снова не начнет биться.

— Так что ты все-таки предлагаешь?

— Ты должен полностью мне довериться и согласиться делать все, что я скажу.

— Ну конечно.

— Дуг, я серьезно. Ты так погружен в скорбь о Хейли, что тебе некогда подумать о чем-то еще. Но умом ты понимаешь, что пора снова начать жить. Будь умницей: разреши тому, кому ты доверишь, сделать все за тебя.

— И что же ты собираешься делать: отправлять меня на свидания вслепую?

Она наклоняется вперед и смотрит мне в глаза.

— Я собираюсь заставить тебя делать то, что, как мне кажется, делал бы ты прежний.

— Но я уже не я.

— Ты уже никто.

Мы долго смотрит друг другу в глаза. Как всегда, она выигрывает.

— Что мне надо будет сделать? — спрашиваю я.

— Две вещи, — отвечает она. — Первая — самая трудная.

— И что же это такое?

Она подвигается, садится мне на ноги, буквально придавив меня к кровати, и кладет руки мне на плечи; ее лицо всего в нескольких сантиметрах от моего.

— Ты должен мне сказать, что ты хочешь этого.

— Что я хочу чего?

— Что ты хочешь вернуться к жизни, согласен меньше грустить, намерен жить дальше и тебе просто нужна помощь, чтобы начать. Что ты готов, по крайней мере, допустить, что когда-нибудь снова будешь счастлив.

— Ну разумеется, я этого хочу.

— Так скажи это.

— Зачем?

— Потому что тебе нужно это услышать.

— Клэр... — я отворачиваюсь.

Клэр берет меня за подбородок и заставляет смотреть ей в глаза.

— Не спорь со мной.

— Ладно, — сдаюсь я. — Я хочу вернуться к жизни. Я хочу снова быть счастлив, по крайней мере иногда. Если честно, я не знаю, готов ли я жить дальше, но я знаю, что я этого хочу. И... — у меня перехватывает горло, но я пересиливаю себя. — И я не знаю, как это сделать.

Клэр нежно проводит мизинцем по моей щеке, смахивая слезинку; я и не подозревал, что плачу. Потом она целует кончик своего мокрого пальца.

— Хорошо, — весело ухмыляется она. — Годится.

— А второе?

— Что, прости?

— Ты сказала, что мне надо сделать две вещи.

— Ах да, — вспоминает Клэр. — Второе. Это очень просто.

— Ну?

— Просто согласишься.

— На что?

— На все.

— На все?

— Именно, — подтверждает она, слезая с кровати. — На все.

Последний год ты только и делал, что отказывался от всего и вся, что было в твоей жизни, и чего ты добился?

— Я не отказал Лейни Поттер.

— И поэтому переспал с ней. А представь, что было бы, если бы ты чаще соглашался.

— Не знаю, смогу ли я справиться с волнением.

— Вот и выясним. Новое правило: просто соглашайся.

— Я думал, что для тебя правила ничего не значат.

— Значат, если это мои собственные правила. Хватит вилять, соглашайся.

— Могу ли я доверить мою жизнь тому, кто так эффектно ломает свою?

— Несомненно! — горячо уверяет она. — Я не ломаю, а строю. И хотя человеку неподготовленному может показаться, что это одно и то же, уверяю тебя, результат абсолютно другой.

— Мне кажется, Стивен так не думает.

Клэр пожимает плечами.

— Что тут скажешь? Не разбив яиц, омлет не приготовишь. Хватит менять тему, обо мне мы поговорим потом. Так ты согласен или нет?

Я вспоминаю, каким был вчера за ужином отец — улыбчивым, в здравом рассудке, счастливым от того, что вокруг сидят его несчастные запутавшиеся дети. Я вспоминаю, как Дебби плакала у него на плече, а мать следила за ним взглядом, когда он танцевал. Я вспоминаю, как Хейли долго-долго целовала меня на чертовом колесе, а сумерки окутывали нас, словно теплое одеяло.

— Я согласен, — отвечаю я.

— Вот и хорошо, — резюмирует Клэр с озорной улыбочкой. — Договорились.

— И что теперь?

— Натягивай на свою тощую задницу портки и дуй в рэдфордскую городскую среднюю школу.

— Какого черта?

— Оттуда звонили час назад. Расс подрался. Его на время исключили из школы.

— Черт. Почему же ты раньше не сказала?

— Вопрос был на повестке дня. Теперь и до него дошла очередь.

— А почему они не позвонили Джиму?

— Ладно, — раздраженно говорит Клэр. — Начинаем сначала. Тебе звонили из школы, потому что Расса временно исключили. Хотят, чтобы ты за ним приехал. Ты едешь?

Она сверлит меня свирепым взглядом.

— Да, — отвечаю я.

Она наклоняется и целует меня в щеку.

— Правильный ответ, — бросает она, направляясь к двери. — Ведь нетрудно, правда?

Глава 17

Расс осторожно отдирает с правой руки влажное окровавленное бумажное полотенце, и я вижу израненные, кровоточащие костяшки его пальцев. Левый глаз полуприкрыт; правая щека — от уголка глаза до скулы припухла и переливается красным и лиловым. Левая щека вся сплошь в мелких царапинах и рваных ранках.

— Впечатляет, — говорю я. — Как же тогда выглядел твой противник?

Как верзила, который, поставив мне колени на грудь, молотил меня почем зря кулаками.

Я киваю.

— Хочешь, расскажи мне об этом.

— Обычная глупая драка, Дуг. Не нужно начинать всю эту волынку, как будто ты — доктор Фил^[21].

Мы сидим на стульях, составленных по четыре в ряд в коридоре у кабинета школьного психолога.

— Ну что, мне нужно пойти поговорить с вашим психологом?

Расс безразлично кивает.

— Она тебя ждет.

— Уф, от сердца отлегло. Я думал, придется говорить с директором.

— Покойная мать — гарантированный талон к школьному психотерапевту.

— Понятно.

Мимо нас, покачивая бедрами, проходят три смазливые девицы в миниатюрных, обтягивающих бедра юбках и коротких футболках, открывающих живот. Девицы смеются и болтают со скоростью километр в секунду. Мы с Рассом одновременно поворачиваем головы и провожаем девушек взглядом.

— Когда я учился в школе, у меня не было таких девчонок, — признаюсь я.

— Как и у меня, — хмуро соглашается Расс, глядя в пол.

Я смотрю на него — избитого, всего в синяках парня, который до сих пор молчаливо оплакивает свою мать, но, в отличие от меня,

каждый день вынужден общаться с людьми, обречен желать неприступных девиц и драться в безучастных школьных коридорах; а вечером дома его никто не ждет. И внезапно я чувствую себя эгоистом и мудаком, поглощенным жалостью к себе.

— Мы нечасто с тобой общаемся, правда? — говорю я.

Расс поднимает на меня глаза.

— Нечасто.

— Наверно, в этом моя вина.

— Наверно.

Он пожимает плечами и протягивает свою кровоточащую руку к лампе, пристально разглядывая содранную кожу.

— Джимбо и Энджи переезжают во Флориду.

— Что?

Он угрюмо кивает.

— Они сообщили мне эту потрясающую новость вчера вечером.

Штат радости и солнца, ну ты понимаешь.

— Черт, Расс. Это скверно. И когда?

— После Рождества.

Я не знаю, что мне делать с этой новостью.

— А что они, черт возьми, забыли во Флориде?

— Не знаю, работа, кажется, или что-то вроде того. После слова «Флорида» я вроде как оглох.

— Ты поедешь?

— А у меня есть выбор? — отвечает Расс, смерив меня взглядом. — Мне же больше негде жить, так?

Я вздыхаю и закрываю лицо руками.

— Все не так-то просто, Расс.

— А по-моему, все просто.

— Послушай, — произношу я, чувствуя собственное бессилие. — Он твой отец, твой единственный законный опекун. Я не имею права диктовать ему, что делать.

— Ну что ж. Ты в этом не одинок.

Нужно начать разговор, спрашивать, убеждать, но будь я проклят, если понимаю, как это сделать.

— Давай я просто пойду и поручусь за тебя, а потом мы поедем перекусить и все обсудим, хорошо?

— Что тут обсуждать?

— Тогда мы поедим молча, — говорю я, поднимаясь. — Не бойся, я привык к этому.

— Дуг, — окликает меня Расс, когда я открываю дверь кабинета.

— Да?

— Ты не мог бы с ним поговорить?

Он серьезно смотрит на меня, широко раскрыв уцелевший, но красный правый глаз, и меня переполняет любовь к этому грустному запутавшемуся ребенку, неожиданная дрожь в груди подсказывает, что какая-то часть моего сердца еще способна страдать.

— Ладно, — соглашаюсь я покорно и думаю, как всегда, когда речь идет о разговоре с Джимом, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Школьный психолог Расс, мисс Хейз, моложе, чем я ожидал. У нее прямые черные волосы и молочно-белая кожа.

— Мистер Паркер, — произносит она, пожимая мне руку. — Спасибо, что пришли. Я Брук Хейз.

Она садится, тряхнув волосами, и я вижу целое созвездие сережек: колец, гвоздиков и цепочек — не самый стандартный набор для школьного психолога.

— Вы психолог? — интересуюсь я.

— Мне часто задают этот вопрос, — отвечает она. У нее спокойный, немного скрипучий голос, как у рок-певца, кажется, будто она говорит между тактами песни и вот-вот снова запоем балладу об утраченной любви.

— Просто вы довольно молодо выглядите.

Улыбка, словно пожар, озаряет цветущий луг ее лица.

— Спасибо. Но я дипломированный специалист, уверяю вас. Вы тоже выглядите молодо для отчима Расс. Сколько вам, тридцать?

— Двадцать девять.

— А мне двадцать семь, — говорит она. — Думаю, руководство решило, что дети будут мне доверять.

— И как, доверяют?

— Иногда.

Она подгибает под себя ногу и жестом показывает на стул передо мной.

— Итак, — спрашиваю я, садясь, — в чем дело?

— Дело в том, что сегодня утром Расс подрался с половиной футбольной команды, и, как видите, ему надрали задницу.

— Все на одного? — спрашиваю я, чувствуя, как живот сводит от ярости.

— По словам очевидцев, один из ребят что-то ему сказал, и Расс на него набросился. Другие просто хотели его оттащить.

— Ничего себе. И что же тот парень ему сказал?

— Не говорят.

— Кто-нибудь сильно пострадал?

Она качает головой.

— Как обычно. Но, к несчастью для Расса, средняя школа нетерпимо относится к применению силы. Так что его в принудительном порядке на три дня исключили из школы.

— Мисс Хейз...

— Пожалуйста, зовите меня Брук. А я буду вас звать Дуг, хорошо? Ну, нам ведь обоим еще и тридцати нет, правда?

— Правда, — соглашаюсь я, немного смущенный ее непринужденной, небрежной манерой. — Брук. Видите ли, я не являюсь законным опекуном Расса. Он живет с отцом.

— Да, — произносит она медленно, в задумчивости покусывая губу и оценивающе глядя на меня. — Когда Расс в прошлый раз подрался, Джим приходил ко мне.

— А это случилось и раньше?

Она смотрит на меня с любопытством.

— Сейчас это случается практически регулярно, — поясняет она. — В общем, Джим произнес довольно нескладную речь о том, что дети должны сами между собой разбираться и что его сын не так воспитан, чтобы пасовать перед хулиганами.

— Какое-то время он его вообще не воспитывал, — замечаю я.

Она кивает, внимательно меня разглядывая.

— Потом он спросил, во сколько я освобожусь.

— О боже!

— Ага. Так что на этот раз я решила пойти по другому пути. Расс очень хорошо о вас отзывается.

— Неужели?

Она ухмыляется и поднимает руки.

— Ну ладно, может, я прочитала это между строк. Понимаете, с парнем вроде Расса по-другому нельзя. Он не очень-то разговорчив. Но из той малости, которую он рассказывал, я могу сделать вывод, что он вас любит. А еще, я надеюсь, вы меня за это простите, я хочу сказать, что читаю вашу колонку в «М», и... — она умолкает. — Ладно. Не обращайтесь внимания. Это к делу не относится.

— Что? — спрашиваю я.

— Не хочу переходить границы.

— Брук, вы не производите впечатление человека, для которого существуют границы.

— Вы ранимы и наделены тонкой интуицией, — произносит она с одобрительной улыбкой. — Хорошо. Я хотела сказать, что вдобавок к тому, что вы остроумны и печальны, вы производите впечатление озлобленного человека.

— Озлобленного? — повторяю за ней я. — И на кого же я злюсь?

— Выбирайте. На весь свет за то, что с вами произошло, или на Бога, если вы верите в него. А может, на свою жену за то, что посмела умереть, или на самого себя за то, что не остановили ее.

— Вы проводите со мной сеанс психоанализа на основе моей колонки?

— То, что вы пишете эту колонку, уже само по себе довольно показательно. Вы злобствуете, пытаетесь призвать жизнь к ответу. И ваши чувства абсолютно естественны.

— У меня просто камень с души упал. А теперь давайте все-таки поговорим о Рассе.

— Но я и говорю о Рассе, — парирует она, не обращая внимания на мой враждебный тон. — Когда мы злимся и печалимся, мы зачастую подсознательно отталкиваем всех и вся, что так или иначе связано с человеком, которого мы потеряли. И трагедия в том, что вы оба испытываете одно и то же. Он так же зол, печален, растерян и одинок, как и вы; кроме того, он еще подросток, а это значит, что даже в лучшие моменты его жизнь — полное дерьмо. Ему нужен кто-то, с кем можно поговорить, кто поможет ему справиться с этим, и никто не способен понять его лучше вас.

— Вы говорите, я отталкиваю Расса? — переспрашиваю я раздраженно. — Вы ни черта обо мне не знаете.

— Вы правы, — соглашается она, подаваясь вперед. — Я знаю одно: от отца он не дождется необходимой помощи и передо мной тоже не раскроется. Он хороший парень, вы это знаете. Немного замкнутый, но очень смысленный и добрый. И когда такой ребенок начинает притворяться и лезть в драки, это, в сущности, значит, что он пытается привлечь чье-то внимание, и будьте уверены, черт подери, что не Джима.

В окно за ее спиной я вижу группу ребят, тусующихся в машинах на стоянке: они смеются, флиртуют, гоняются друг за другом, целуются, хватают друг друга в охапку и тискают. Я бы все отдал за то, чтобы стать одним из них, хотя бы на несколько минут почувствовать, что передо мной снова, насколько хватает глаз, расстилается безоблачное будущее.

— Дуг, — окликает меня Брук немного погодя, и я понимаю, что на какое-то время перенесся туда, на стоянку.

— Что?

— Вы злитесь.

— Вы мне об этом рассказывали.

— Нет, я имею в виду сейчас. На меня.

— Нет, — возражаю я тихо. — Вы, наверно, правы. Я ошибался. Я отдалился от него. Я хотел помочь ему, но не помог.

— Это не ваша вина, — успокаивает меня она. — Вы страдали. И, мне кажется, еще не поздно. Просто протяните ему руку. Дайте ему понять, что хотите ему помочь.

— Они переезжают во Флориду.

Она широко раскрывает глаза и удивленно приоткрывает рот, так что губы складываются прелестным кружочком.

— Что?

— Штат радости и солнечного света, — говорю я тупо.

— Я каждую неделю вижу Расса. И он ни словом не обмолвился ни о чем таком.

— Он только что это узнал.

— Ну, это объясняет сегодняшнюю драку, — вздыхает Брук, откидываясь на спинку стула. — Господи боже мой, Дуг! Никто моложе восьмидесяти не переезжает во Флориду. Это разве не федеральный закон или что-то вроде того?

— Ну, они вот переезжают, — замечаю я.

— Если бы вы меня спросили, как раз и навсегда испортить парню жизнь, знаете, что бы я вам ответила?

— Что?

— Увезите его от друзей, заберите из родного города, отнимите воспоминания о матери, отправьте с отцом в другой штат.

— Я почему-то так и думал, что вы это скажете.

— И что вы намерены делать?

— Не думаю, что смогу что-то сделать.

— Я почему-то так и думала, что вы это скажете.

— Ага, — грустно соглашаюсь я и встаю. — Я так предсказуем.

— Ну, — говорит она, поднимаясь, — может, однажды вы удивите сами себя.

— Может.

— Дуг, — нерешительно начинает она, огибая стол и подходя ко мне. — Не вы придумали скорбь. Мой психолог однажды мне об этом рассказал.

— Да ну? Ваш психолог рассказал вам обо мне? Она смеется — глубоко, громко, мелодично, абсолютно раскованно.

— Дело в том, что люди начинают относиться к скорби как к своей собственности, практически ею гордятся. Им хочется верить, что никто никогда не испытывал ничего подобного. Но это не так. Все скорбят одинаково. Скорбь словно хищник. Она всегда поблизости и за все это время практически не изменилась. Знаете почему?

— Почему?

— Потому что она и так совершенна.

Брук сочувственно улыбается, и я замечаю легкий блеск ее теней для век, это кажется мне таким милым, словно я мельком вижу маленькую девочку, до сих пор живущую в ней, — девочку, которая верит в фей и принцесс.

— Почему он вам так сказал?

— Что, простите?

— Из-за чего вы горевали?

Она ухмыляется.

— Что бы я была за психолог, если бы обсуждала с вами свою личную жизнь?

— Думаю, вы все-таки признаете кое-какие границы.

— Когда они меня устраивают, — произносит она, встретившись со мной взглядом. — Может, в другой раз я вам об этом расскажу. Если это не скомпрометирует меня как профессионала.

Эту ремарку можно истолковать по-разному — как правильно, так и неправильно, но я слишком долго был вне игры, чтобы попытаться, — и неважно, что Клэр в моей голове громко называет меня жалким трусом.

— Договорились, — соглашаюсь я, подавая ей руку. — Спасибо за разговор, или сеанс, или что это еще было.

— Не стоит благодарности.

Я поворачиваю дверную ручку, но она заедает.

— Потяните, — говорит Брук.

Когда она протискивается мимо меня, чтобы открыть дверь, я чувствую ее запах — приятную смесь вымытых цитрусовым шампунем и высушенных феном волос, мятной жвачки и сигарет — и внезапно испытываю тоску по чему-то, чего и сам не знаю. Не потому, что хочу ее понюхать. Вовсе нет.

Глава 18

Когда я выхожу в коридор, Расс поднимает на меня глаза.

— Ну? — спрашивает он.

— Ну, — отвечаю я и сажусь рядом с ним.

— Как все прошло?

— Совсем не так, как я ожидал.

— Понятно. Ходить к ней в кабинет каждую неделю — да ради этого, пожалуй, стоит быть бестолочью.

— Ты не бестолочь. Ты самый умный мальчик из всех, кого я знаю.

— Я единственный, кого ты знаешь.

— Значит, ты умный по умолчанию. Все-таки победа за тобой.

— Ну и ладно, — произносит он, пожимая плечами. — Меня исключат?

— Да.

— Чудесно, — говорит он. — Оплаченные каникулы.

— И кто же платит?

Он убирает волосы с лица и ощупывает заплывший глаз.

— Посмотри на мое лицо, чувак. За все заплачено.

Он встает, поднимает руки над головой и потягивается.

— Поехали отсюда.

— Куда именно?

— Не знаю. Но я за рулем.

Небо заволокли тяжелые пепельно-серые грозовые тучи, и пока Расс регулировал сиденье водителя и зеркала, на ветровое стекло упали первые капли дождя.

— Проверь зеркала, прежде чем трогаться с места.

— Проверил.

— Ты не посигналил.

— Никто не сигналил.

— Если не будешь сигналить, не пройдешь экзамен по вождению.

Пожалуйста, держись за руль обеими руками.

— Одной я вожу лучше.

— А я езжу лучше, если у водителя обе руки на руле. Осторожно!

Какой-то фургон резко сворачивает, чтобы не въехать в наш высунувшийся на дорогу капот, и яростно гудит. Расс небрежно показывает ему из окна средний палец.

— Я его видел, — поясняет он.

— Ну конечно.

— Поедем по шоссе?

— Разумеется. Только сначала остановись на красный.

Он бьет по тормозам; машину заносит, и когда она останавливается, нас с силой бросает вперед, так что ремни безопасности натягиваются.

— Она очень милая, правда? — спрашивает Расс.

— Кто?

— Мисс Хейз.

— Если тебе такие нравятся.

— Такие всем нравятся.

— Знаешь, я был так поглощен ее рассказом о том, как тебе надрали задницу, что мне некогда было обратить на нее внимание. Из-за чего хоть подрались?

— Он стебался над моей татуировкой.

— И что же он сказал?

— Всего я не расслышал.

— Но ты его ударил.

— Он сам напросился.

Загорается зеленый, и Расс слишком сильно давит на газ, так что меня опять отбрасывает на сиденье.

— Полегче.

Дождь усиливается, капли барабанят по ветровому стеклу. Расс включает дворники и сворачивает на бульвар Спрейн-Брук.

— Ты когда-нибудь раньше ездил в дождь? — спрашиваю я.

— Не беспокойся, — отвечает Расс, вырубивая на шоссе, и дает полный газ.

— Следи за скоростью.

— Сам следи. Я слежу за дорогой. — Он перестраивается в левый ряд и сбрасывает скорость до шестидесяти.

— Куда мы едем?

— Увидишь.

Впереди по средней полосе ползет тягач с прицепом, из-под его колес летят целые фонтаны брызг. Расс увеличивает скорость, пытаюсь его обогнать, но тягач начинает медленно сворачивать в наш ряд.

— Давай же, шевелись! — в сердцах произносит Расс, сигналижая ему.

— Езжай помедленней, — советую я. — Ты его здесь не обгонишь.

— Вот уж фиг.

Впереди шоссе поворачивает; на повороте Расс давит на газ и осторожно обгоняет тягач, так что тот грохочет совсем рядом с моим окном, окатывая наше ветровое стекло волной дождевой пыли из-под огромных колес.

— Расс! — кричу я.

— Заткнись! — орет он.

Я чувствую, как колеса скользят по мокрому от дождя асфальту: на повороте нас заносит, и мы проезжаем в нескольких сантиметрах от тягача. Его грязевые щитки щелкают, как кнут; нас несет под его шасси, и рев гудка тягача заглушает наши вопли. Но тут, за миг до столкновения, Расс выравнивает машину, мы стремительно обгоняем тягач, который гудит и слепит нас дальним светом.

— О боже, Расс! — выдыхаю я, не в силах оправиться от ужаса перед столкновением.

— Да, фигня получилась, — соглашается Расс с круглыми от испуга глазами. — Но зато мы теперь точно знаем, что тебе уже не хочется умирать.

— Очень смешно.

Он включает правый поворотник и перестраивается, чтобы свернуть с шоссе.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

Расс смотрит на меня и улыбается.

— Сообщить маме хорошую новость.

Я давно понял, что ходить на кладбище — это не мое. Я никак не могу отделаться от мыслей об отвратительной телесности всего этого. После смерти Хейли я на протяжении нескольких недель старался привыкнуть: приходил и сидел на лужайке у ее могилы, снова и снова начиная неуверенный монолог, но так и не смог заставить себя

поверить в то, что меня кто-то слушает. Даже если бы и поверил, я никогда не пойму, зачем разговаривать с могилой. Если жизнь после смерти есть и они нас слышат, то, уж наверно, слышат везде. В чем тут смысл: разве разговаривать с умершим можно только в пределах какого-то пространства, как по сотовому, а если уехать слишком далеко, звонки перестанут доходить? Я знаю, будь я духом, в последнюю очередь меня можно было бы застать у собственной могилы, наблюдающим, как гниет мое тело. Не люблю смотреть в зеркало на свои лучшие дни.

Так что каждый раз кончалось тем, что я сидел и пялился на траву, представляя себе в двух метрах под землей ее гроб, его лакированную поверхность, некогда отполированную и блестящую, как «кадиллак», а сейчас облепленную грязью. А потом я неминуемо пытался вообразить содержимое гроба. В общем, вместо того чтобы вспоминать Хейли, я рисовал в воображении отвратительные останки того, что когда-то было моей женой. Я не знаю, что мы хоронили, но после падения самолета и пожара от нее могли остаться лишь жалкие куски — страшное оплавленное месиво из осколков костей, обуглившейся плоти и волос, реквизит из фильма ужасов, который отдаленно не похож ни на что человеческое. Если я что и вынес из всего пережитого, так то, что кремация — это замечательно. Чисто, рационально и, что важнее всего, не дает разгуляться воображению. Можно было бы превратить все кладбища в леса и площадки для игр.

Мы с Рассом мрачно и торжественно стоим под дождем в окружении белых и серых надгробий, которые, насколько хватает глаз, торчат из земли, точно кривые зубы. Мы упорно вглядываемся в гравировку на памятнике Хейли, словно надеемся, что с тех пор, как мы были здесь в последний раз, надпись была откорректирована, исправлена.

— Не верится, что прошло уже больше года, — произносит Расс.

— Я знаю.

— Иногда кажется, что прошла неделя, иногда — что это было так давно, что даже не вспомнишь, как мы жили, когда она была жива.

— Ты часто сюда приходишь? — спрашиваю я.

— Когда есть кому меня отвезти.

— Ты меня никогда не просил.

Расс кивает. От дождя его волосы спутались и лоснятся.

— Я не хотел тебя расстраивать.

— Это было бы не так-то просто, учитывая, как я сейчас себя чувствую.

— Ты разговариваешь с ней?

— Ее голос звучит в моей голове с утра до ночи.

Он оборачивается ко мне.

— Но ты разговариваешь с ней или нет?

Я убираю с глаз мокрые волосы.

— В общем, нет, — признаюсь я. — Нет.

— Ну, надеюсь, ты не будешь возражать, если я поговорю с ней.

— Конечно же, нет.

Расс делает шаг вперед, смахивает остатки листьев с низкой прямоугольной изгороди в ногах могилы, встает на колени, кладет голову на надгробие и закрывает глаза. В движениях Рассы нет и следа его обычной самоуверенности. Я понимаю, что слышать, как он говорит с Хейли, выше моих сил, поэтому отхожу на несколько шагов назад и поворачиваюсь к нему спиной. На другой конец кладбища только что прибыла похоронная процессия, и я глазею на скромное шествие красных и черных зонтов, которые, покачиваясь среди могил, движутся за гробом по геометрическому рельефу блестящих надгробий.

У меня была жена. Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня.

Какое-то время я наблюдаю за похоронами, но вот я слышу за спиной резкий звук. Я оборачиваюсь и вижу, что Расс горько рыдает на надгробии Хейли. Его лицо искажено мукой, он раскачивается из стороны в сторону, словно от невидимого штормового ветра.

— Расс, — зову я, подходя к нему. — Все в порядке.

Но, разумеется, это не так, и он это понимает. Он безутешно вцепляется в камень, отчаявшись почувствовать что-то, кроме холодного, мокрого гранита. Я наклоняюсь, не зная, как к нему подойти, но стоит мне тронуть его за плечо, и он валится на меня, тянет вниз, и я встаю на колени в мокрой траве. Расс прячет лицо в сгибе моего локтя, сжимает мою руку и издает долгий дрожащий вопль. Мое тело содрогается от его плача, под прядью его мокрых волос видна татуировка кометы Хейли, переливающаяся на влажной коже Рассы. Рисунок словно с укором смотрит прямо на меня, и я

решаю, что мне давно пора поговорить с Джимом — вне зависимости от того, есть загробная жизнь или нет.

Глава 19

Первой уликой стали клочки лобковых волос в мусорной корзине.

В то утро Хейли стояла голой у себя в ванной, собираясь залезть под душ, как вдруг заметила в мусорной корзине пушистый комок. Она испуганно вскрикнула, думая, что это мышь, но потом увидела, что кучка шерсти, валяющаяся в корзине на упаковке из-под мыла, не двигается. Полусонная Хейли заглянула в корзину, пытаясь понять, что же такое она видит. Сначала она решила, что это Ферби — одна из тех игрушек, которые было модно покупать на Рождество несколько лет назад. Наверно, Расс ее сломал и выбросил. Она наклонилась, чтобы получше рассмотреть, и вот тут-то увидела, что странная кучка на самом деле не что иное, как клочок лобковых волос. Точнее, лобковых волос Джима. В недоумении Хейли попыталась представить, как Джим стоит голый над мусорной корзиной и бреет лобок. Она изумленно разглядывала кучку темных — с рыжеватыми подпалинами, отметила она, — курчавых волос. Они были женаты почти десять лет, но она никогда не замечала, что лобковые волосы Джима отдают в рыжину. Значит ли это, что она плохая жена? Замечают ли другие жены такие вещи? Нахмурившись, она выпрямилась. Почему Джим спустя столько времени вдруг решил сбрить лобковые волосы? Варианты ответов маячили перед ней, как в стандартном тесте.

А. Волосы были слишком густые, и это его раздражало.

Б. Он подцепил лобковых вшей.

В. Он хотел, чтобы член казался больше.

Г. Ничего из вышеперечисленного.

У Хейли свело живот. Ведь она была абсолютно уверена, что ответ «А» неверен — у Джима волосы никогда не росли слишком густо; ответы «Б», «В» и «Г» тоже предполагали крайне тревожные варианты развития событий, поэтому Хейли вышла из ванной и позвонила своей подруге Салли.

— О господи! — пропыхтела Салли. Она как раз занималась на тренажере «Стейрмастер».

— В каком смысле «о господи»?

— У него роман.

— Не думаю, — усомнилась Хейли.

— У Джима маленький?

— Что, прости?

— Извинюсь позже, — отрезала Салли. — Ты же позвонила мне не для вежливой беседы.

— Нет, — ответила Хейли спустя мгновение. — У него самый обычный.

— Так почему же мужчина, который счастлив в браке, вдруг хочет, чтобы его член казался больше?

— Не знаю.

— Ну, либо он снимается в порнухе — думаю, это мы можем исключить, — либо он хочет произвести на кого-то впечатление. И этот кто-то, дорогая, не ты. Опра посвятила целую передачу супружеским изменам. Если он стал уделять заметно больше внимания своей внешности — это опасный знак.

Хейли неодобрительно посмотрела на телефон. Если уж речь зашла об Опре, с Салли было не договориться.

— Может быть миллион других причин.

— Точно, — согласилась Салли сдавленным от напряжения голосом. — Но, Хейли...

— Что?

Салли замолчала.

— Ничего.

— Что? — упрямо спросила Хейли. В трубке ей было слышно, что тренажер остановился и Салли, тяжело дыша, слезла с него.

— Ну, не знаю, — проговорила Салли. — Просто он и раньше был таким.

— Ради всего святого, это было еще до того, как мы поженились.

— Я просто сказала.

— А не надо было, — отрезала Хейли. Ее глаза наполнились слезами. — Это был единичный случай, старая подружка, с которой он толком не расстался, мы об этом давно забыли. Мы женаты почти

десять лет, и, я думаю, он заслуживает того, чтобы мы усомнились в его вине.

— Вероятно, он на это и рассчитывает.

— Какая же ты стерва! — закричала на нее Хейли.

Салли вздохнула.

— Послушай, дорогая, если тебе был нужен кто-то, кто уверил бы тебя, что все отлично, позвонила бы Лейни, она бы тебя успокоила. Но ты звонишь мне, а ты знаешь, что я не такая. Да и мне не стоило звонить. Так, может, стоит спросить себя, почему же ты просто не позвонила Джиму и не выяснила все у него?

Итак, Хейли позвонила Джиму, и он ей сказал, что у него какое-то раздражение в паху, только и всего. Удивительно было только то, что, пока она не спросила, он ни словом об этом не обмолвился. А ведь Джим всегда жаловался на малейшую боль — будь то заусенец, растянутая мышца или аллергия. Но в куче вещей в их ванной комнате не валялось никакой мази или присыпки от грибка. Хейли села на сиденье унитаза, зажав в кулаке телефонную трубку, словно оружие; она просидела так все утро, голая и дрожащая, и очень долго разглядывала темные волосы в мусорной корзине.

Все это Хейли сообщила мне после того, как мы в первый раз занялись сексом. Все прошло гораздо лучше, чем об этом трезвонят, — хотя она стеснялась своего тридцатишестилетнего тела, а я очень боялся оказаться не на высоте. Ведь предполагалось, что я молодой жеребец — сильный, мужественный, готовый трахать ее во все щели хоть до завтрашнего дня. Такие вот стереотипы, если пойти у них на поводу, могут сыграть дурную шутку: все это ведет к разговорам о том, что «со всеми иногда случается, но только не со мной, о нет».

До этого мы уже больше месяца активно встречались, и все шло своим чередом: долгие исповедальные разговоры, с наступлением ночи переходившие в шепот; розы и нежная переписка по электронной почте на работе; длившиеся часами объятия в машине, после которых она отправлялась домой. Когда мы планировали пойти куда-нибудь вместе, Хейли ехала на работу на машине, а не на «Метро-Норт», якобы потому, что не хотела возвращаться так поздно на поезде, но машина, припаркованная у пожарной колонки перед моим домом, была идеальным местом для длительных прощаний: намного удобнее, чем щупать друг друга на юру моей неогражденной лестничной клетки,

вонявшей грязными носками и прокисшим молоком. Не помню, когда я в последний раз так долго целовался. Мне всегда казалось, что поцелуи, за которыми спустя первые десять минут не последовало любовной игры, просто выдыхаются из-за отсутствия цели. Но мы с Хейли могли целоваться часами, так что у нас опухали и трескались губы, немели языки, ломило челюсти, а потом я поднимался к себе в квартиру, чтобы остудить ноющие яйца, и чувствовал в пересохшем горле ее восхитительный вкус, вдыхал ее запах так глубоко, что он сочился лавандовым ливнем прямо в мозг. Казалось, это ребячество — чтобы мужчина моих лет едва добрался до груди своей любовницы, — но было в этом и что-то неудержимо возбуждающее. И коль скоро мы знали, что неизбежно займемся сексом, что секс — побудительная причина всех наших действий, тот факт, что я встречаюсь с матерью-одиночкой, заставил меня с максимальной серьезностью отнестись к тому, как именно секс войдет в наши отношения: я понимал, что я в ответе за нее. К тому же она была красива и привыкла общаться с мужчинами, которые обычно добиваются успеха у красавиц, и я, если честно, боялся, что не потяну.

Но врожденная похоть всегда побеждает, и вскоре все кончилось тем, что мы лежали, голые и потные, в моей постели. Мы дали выход накопившемуся за месяц желанию, несколько раз занявшись необузданным, необыкновенно страстным сексом, мы испробовали все, что только можно. Когда все закончилось, мы лежали рядом, не двигаясь и тяжело дыша, на моих измятых простынях. Пот остывал и высыхал на коже, а мы лежали, словно два раненых солдата на поле битвы.

— О боже, — задыхаясь, тихо проговорила Хейли. В полумраке спальни ее глаза были широко раскрыты, и в них читалось недоверие.

— Кто бы мог подумать? — согласился я.

— Ну, у меня были подозрения, — призналась она, поворачивая голову и слизывая пот с моей шеи.

Я протянул к ней руку, и она мягко подвинулась ко мне, положила ногу мне на бедро и опустила голову на мою грудь.

— Мы идеально подходим друг другу, — сказала она. Я поцеловал ее в макушку и почувствовал, как мои глаза непонятно почему наполняются слезами. Я бывал и по другую сторону баррикад и знаю, что слезы после секса можно расценить как дурной знак,

поэтому я закрыл глаза, надеясь, что Хейли не посмотрит на меня. Кажется, она догадалась, но не стала задавать мне вопросов. Она просто прижалась губами к моей груди и положила руку на дорожку волос посередине моего живота. Спустя минуту она поинтересовалась:

— Ты в порядке?

— Я влюбился сильнее, чем думал, — ответил я, удивив нас обоих.

Сначала слезы, теперь вот любовь. Я буквально чувствовал, как тестостерон сочится из моих пор.

Она кивнула и снова поцеловала меня в грудь так, что я задрожал.

— Смотри не потеряй голову от любви.

— Как ты, так и я.

Она подняла глаза и ухмыльнулась.

— После всего, что мне пришлось вынести с Джимом, мне трудноато потерять голову.

— Хочешь, расскажи мне об этом.

Она скользнула ко мне и уткнулась головой мне в шею.

— Наша история начинается с лобковых волос в мусорной корзине, — нараспев произнесла она, словно Алистер Кук^[22].

— Как и многие истории такого рода, — продолжил я. Она шутливо толкнула меня, и мы рассмеялись. И это было здорово.

Глава 20

Собаки при встрече нюхают друг у друга под хвостом. Женщины при встрече оглядывают друг друга, решая, кто из них красивее. Когда встречаются мужчины, то главный вопрос в том, кто кому надерет задницу, если дойдет до драки. Вскоре после того, как я переехал к Хейли, Джим зашел познакомиться со мной, и этот вопрос решился без споров. Джим был высокий, настолько высокий, что я почувствовал себя коротышкой. Его вид вывел меня из равновесия. Рассказывая о Джиме, Хейли как-то забыла упомянуть о его внушительных габаритах, о подбородке супергероя, толстой жилистой шее борца, медвежьим телосложением и толстых пальцах-сардельках, которые, словно тиски, сдавили мою ладонь, когда мы пожимали друг другу руки. Толстые выпуклые жилы змеились по его предплечью, как сельские проселки на карте, и сходились на его раздутом бицепсе, огромном, точно «Уол-Март». Первым моим побуждением было помериться с ним силами, но для этого надо было обладать хоть какой-то силой, и поэтому я просто отпустил его ладонь, и моя рука повисла плетью. Я решил действовать прямо и не дать Джиму вовлечь себя в эту херню для «настоящих мужиков». Но потом я подумал, что в таком случае получается, будто я слабак, и постарался так напрячь руку, чтобы, не сжимая ладонь Джима, она оставалась крепкой и не поддавалась его давлению. В общем, я проиграл рукопожатие. Об этом никто и словом бы не обмолвился, но я это понимал, и Джим тоже это понимал, вот и все. Вскоре я понял, что несказанные слова — единственное, что имеет значение в общении с бывшим мужем своей жены.

— Как дела? — спросил Джим, самодовольно кивая. Он смерил меня взглядом и смотрел на меня сверху вниз. *Я тобой полы вытру, хрен моржовый.*

— Прекрасно, — ответил я. *Может, твое рукопожатие сильнее, но я сплю с твоей бывшей женой. Вот и считай, верзила.*

— Вы теперь живете здесь? *В моем доме, черт подери?*

— Вроде того. *Нечего было зевать, неудачник.*

— Ну, может, теперь вы тут кое-что почините. *Ты не отличишь один инструмент от другого, даже если я запихну их прямо в твою*

тощую задницу.

— Вряд ли меня можно назвать мастером на все руки. *Если бы ты хоть раз заплатил алименты, Хейли смогла бы много чего отремонтировать. Чертов жлоб.*

— Когда в доме растёт ребенок, нужно уметь кое-что подремонтировать. *Мой ребенок, мудила. Так что берегись.*

— Я не спорю. *Невысокая плата за то, чтобы спать с твоей бывшей женой. Разве я не говорил, что сплю с твоей бывшей женой? Я сплю с ней. Часто. По многу раз. Постоянно. Все остальное я делаю, когда не занимаюсь с ней сексом.*

— Он отличный мальчик. *Черт подери, держись от него подальше.*

— Я знаю. *Уж твоей-то в этом заслуги точно нет, урод с бритым лобком.*

— Я слышал, вы писатель? *Пидор. И что вы пишете?*

— В основном статьи в журналы. *Как будто ты умеешь читать.*

— Здорово. *Жалкий безработный пидор.*

Нас разделяла пропасть, мы пялились друг на друга, улыбаясь, как два придурка-мачо. Мы бы сплелись рогами, если бы они у нас были, будь мы школьниками, он сделал бы мне в столовке подножку и наступил бы мне на голову.

Мимо нас проходят две длинноволосые девицы в обтягивающих джинсах и с голыми животами, и Джим мгновенно вытягивает шею, чтобы рассмотреть их сзади, пока они идут вглубь бара. Народу тьма, но Джим ухитрился занять столик и уселся у стенки, чтобы во время разговора пялиться на задницы. По телефону я предлагал зайти к нему в офис, но он уже закончил работу и сказал мне, чтобы я приходил сюда, в «Клевер» — сдаётся мне, он здесь регулярно тусуется после работы. Может, он решил, что здесь мы встретимся по-приятельски, — не знаю. Может, ему просто нравится глазеть на студенток, которые, кажется, составляют восемьдесят процентов посетителей бара. Но я подумал: не подмажешь — не поедешь; поэтому я пришел сюда пораньше и до прихода Джима успел пропустить два виски с колой у стойки. И вот я сижу, слегка захмелев, и пью пиво из одного кувшина с Джимом, который пожирает глазами девушек и барабанит пальцами по столу в такт доносящейся из музыкального автомата песне Гвен

Стефани. Мы с Джимом давненько не виделись. Я нахожусь в начальной, легкой стадии опьянения, когда все чувства обострены и видишь все резче, четче обычного, поэтому я провожу быструю визуальную разведку. На Джиме военного кроя штаны цвета хаки и рубашка-поло с короткими рукавами, которая обтягивает его широкие бицепсы и солидное пузо — взаимоисключающие, казалось бы, вещи. Его волосы, когда-то темные и густые, седеют на висках, уже и залысины проглядывают. Под глазами у него серые мешки, морщинистые, как апельсиновая корка. Румянец сошел с его щек: они стали рыхлыми и бледными. Прямая и жесткая линия челюсти супергероя начинает расплываться — у него растет второй подбородок. Но все-таки Джим ухитряется выглядеть здоровым и красивым: он похож на футболиста на пенсии, который еще не успел вылететь в трубу.

Джим переводит взгляд с девиц на меня и задумчиво меня оглядывает, словно уличный торговец, прикидывающий, как лучше уболтать покупателя.

— Мы с вами, кажется, никогда толком не могли поладить, — произносит он.

— Думаю, вы правы.

— Если подумать, причина одна.

Потому что ты тот еще придурок?

— И какая, по вашему мнению?

Джим кивает и делает глоток пива.

— Хейли, — отвечает он. — Ситуация была щекотливая. Она была вашей женой и моей бывшей. Я не сомневаюсь, что она вам наговорила обо мне кучу гадостей и вы еще до знакомства со мной относились ко мне с предубеждением.

— Если вам от этого будет легче, — признаюсь я, — то, вероятно, вы мне все равно бы не понравились.

Джим рассматривает мое лицо, прикидывая, насколько сильно я его раздражаю, и легонько фыркает.

— Мило. *Жалкий говнюк.*

Вот что получается, когда нам с Джимом приходится изображать дружелюбие. Джим ненавидит меня, потому что расценивает любовь Хейли ко мне как личное оскорбление, несмотря на то что мы с ней познакомились уже после их разрыва, а я воспринимаю как личное

оскорбление то, что Джим изменил Хейли, хотя это случилось задолго до того, как я появился на ее горизонте. Хронология должна была бы свести на нет или хотя бы смягчить взаимную неприязнь, но у нас с Джимом есть пенисы, и поэтому доводы разума не срабатывают. Нам были поручены эти роли, и хотя мне непонятно, почему мы бессильны изменить эту динамику, но зато ясно как день, что Джим с радостью бы меня поколотил. Если бы мир был совершенен, Джим встал бы, одним рывком отодвинул разделяющий нас столик и вцепился мне в горло. Он выше и сильнее меня, наверняка ему чаще приходилось драться. Но я бесстрашен и быстр, как молния, смазанная жиром, я увернусь от его неуклюжих замахов, я то наброшусь на него, то отступлю, нанося удар за ударом. Вокруг нас соберется толпа, я буду медленно и пунктуально его добивать, пока его глаза не закатятся и изо рта не польется кровь, пока он не утратит бдительность настолько, что я смогу подойти к нему, подняв руки и поигрывая бицепсами, как настоящий боксер, и проведу апперкот, который его добьет. Потом я извинюсь перед красавицей-барменшей, которая посмотрит на меня с небывалым уважением и протянет мне полотенце со льдом, а я сяду на табурет и молча приложу лед к кровоточащим костяшкам пальцев, пока Джима поднимают с пола и хлещут по щекам, чтобы привести в чувство.

— Сколько пальцев видишь? — спросит его врач, случайно оказавшийся в баре.

— Четверг, — ответит Джим, закатив глаза под лоб. Но наш мир несовершенен, и если вам нужны еще какие-то доказательства, то вот они мы, экспонаты А и Б, уютно устроились за липким столиком, столешница которого блестит, как отлакированная, от пива, пролитого не одним поколением посетителей. Нам с Джимом приходится сдерживать естественную и понятную неприязнь, сидеть сложа руки, чувствуя, как нутро распирает от ярости, которая мутит душу, не находя выхода.

— Вчера Расс ночевал у вас? — почти миролюбиво спрашивает Джим.

— Ага.

— Так я и думал.

Он осушает стаканчик виски и запивает его пивом.

— Запри я Расса на засов в его комнате, он все равно ухитрится улизнуть из дома.

Кажется, его это скорее забавляет, чем расстраивает, поэтому я просто молчу.

— Он говорил вам о переезде в Боку?

— Он упомянул об этом, — отвечаю я, попивая пиво.

— Он не очень-то рад.

— Точно.

Джим хмуро кивает.

— У брата Энджи там свой бизнес — они делают противоураганные ставни. После того что случилось в Новом Орлеане, быстро раскрутиться они не смогут.

— Что вы знаете о противоураганных ставнях?

Он пожимает плечами.

— Не думаю, что это так уж сложно.

Вероятно, он прав. Джим привык наживать на чужом горе. Он адвокат, навязывающий свои услуги людям, пострадавшим от несчастных случаев, стервятник, занимающийся преимущественно составлением исков по телесным повреждениям для многочисленного иммигрантского населения Рэдфорда. Джим годами всучивал свои визитки множеству поденных рабочих, каждый день приезжающих в Рэдфорд, нянькам, уборщицам, садовникам и строителям, и на этом сделал карьеру. У него есть свои люди во всех пунктах первой помощи; обычно он заявляется с Лусией, своей переводчицей по вызову, пока пациенты еще сидят в очереди к врачу. Он пользуется чрезвычайными обстоятельствами, договаривается со страховыми компаниями, а в редких случаях, когда дело может дойти до суда, Джим за определенный процент передает его более квалифицированным адвокатам. Джим не выступает в суде. В экосистеме правового сообщества Джим Клейн всего лишь ряска. Наживаться на возможном несчастье вместо несчастья действительно приключившегося — для него это шаг вперед.

— Думаю, Рассу придется нелегко, — говорю я.

— Если честно, мне кажется, в конце концов ему так будет лучше.

Мимо нашего столика, сконфуженно улыбаясь, протискивается длинноногая симпатичная девчонка с невероятно блестящей кожей, в коротких шортиках и топике; мы дружно оборачиваемся и провожаем

ее взглядом. Потом Джим поворачивается ко мне, ловит мой взгляд, подмигивает и говорит:

— Ну и задница! За такую ничего не жалко.

Но я не собираюсь обсуждать с ним задницы. Ладно, признаюсь, я тоже на нее смотрел, да, действительно, задница незаурядная, первый сорт, но я, в отличие от Джима, не женат и больше подхожу этой девушке по возрасту, а это значит, что я просто обязан на нее посмотреть, но если я отвечу Джиму, который буквально облизывается, то по ассоциации с ним буду грязным старикашкой, так что я говорю:

— Вы полагаете, после всего, что Рассу пришлось пережить за последний год, ему пойдет на пользу переезд в другой город, перевод в новую школу, расставание со всеми, кого он знает?

Джим хмурится, поднимает кружку с пивом и рассматривает ее на свет, словно ищет ответ на вопрос, а потом делает глоток.

— Он связался с плохой компанией. Школьный психолог говорит, что он прогуливает уроки и учится из рук вон плохо.

— С плохой компанией он может связаться в любой школе.

— Точно, — соглашается Джим, оборачиваясь и разглядывая стайку проходящих мимо нас девиц. — Так какая разница?

— Джим, он страдает. Он все еще оплакивает Хейли, ему нужно смириться с ее гибелью. Если вы увезете его во Флориду, это лишь добавит ему причин для злости. Разве вы с Энджи не можете чуть-чуть подождать? Через несколько лет он поступит в колледж, и вы сможете уехать.

— Мы и так уже отложили отъезд из-за Рассы. Мы собирались поехать еще в том году. Все было решено. Но потом умерла Хейли...

— Какая досада.

Я крепко сжимаю кружку, жалея, что не способен расколошматить ее о голову Джима. Вероятно, он забил бы меня до смерти своими кулачищами, а потом подал на мой труп в суд. Чертовы адвокаты.

Джим примирительно поднимает руки.

— Ладно, я не так выразился. Я имел в виду, что так как Хейли умерла и я принял опеку над Рассом... нам с Энджи было нелегко привыкнуть к такой перемене.

— А каково бы вам было, если бы ваша мать погибла в авиакатастрофе? Как быстро вы привыкли бы к этой перемене?

Джим опускает голову и делает глубокий глоток пива; когда он поднимает голову, я вижу у него на кончике носа пятнышко пивной пены.

— Не надо читать мне мораль, Дуг. Хейли годами настраивала мальчика против меня, и вы это знаете. Думаете, так просто взять к себе в дом, к своей жене и сыну ребенка, который привык тебя ненавидеть? Мой первый брак распался из-за меня, и знаете что: я не хочу, чтобы и второй развалился по моей милости.

— Поэтому вам наплевать на Расса.

— Разумеется, это не так. Но Энджи для меня тоже кое-что значит. — Он делает глубокий глоток. — Я все-таки не подлец.

— Ну нет. Вы, черт подери, герой.

Джим с грохотом опускает кружку с пивом на стол, он так сильно сжимает ручку, что у него белеют костяшки пальцев. Лицо багровеет от ярости, от прежней маски вежливости не осталось и следа.

— Послушай, ты, говнюк, — угрожающе произносит он низким голосом. — Я делаю скидку на твое горе, но ты начинаешь действовать мне на нервы. Я с Хейли немало дерьма хлебнул и не собираюсь терпеть взбрыки всякой срани вроде тебя. Я люблю Расса, но хочешь не хочешь, у меня есть жена и еще один сын, о которых я должен заботиться, а с Рассом куча проблем, которые не должны их касаться. Ты ни черта не знаешь о моей жизни, ты просто приперся сюда, и черт меня подери, если я позволю тебе меня судить. Ты не член этой семьи, ты лишь жалкий ее обломок, не пришей кобыле хвост, ты до сих пор болтаешься у нас под ногами только потому, что еще не решил, куда податься.

Мы пристально смотрим друг на друга через стол, и я вижу неприкрытую ненависть, которая, словно дикий зверь в клетке, бешено бьется в его глазах. Я два года жил с женщиной, которую он некогда любил, и с его ребенком, в доме, который купил он. Джим променял семью на секс, а потом секс променял на другую семью, которую, как мне иногда кажется, он не очень-то любит. Пока Хейли была жива, у Джима хватало наглости думать, будто единственное, что мешает ему вернуться к прежней, лучшей жизни, — мужик, который каким-то образом занял его место. И это не просто моя догадка: я сужу об этом по длинным пьяным сообщениям, которые Джим время от времени

посреди ночи оставлял на нашем автоответчике, слезно умоляя Хейли ему позвонить.

— Я не осуждаю вас, Джим.

— Черта с два.

— Дело не в вас и не во мне, — поясняю я. — Я думаю о том, что будет лучше для Расса.

Джим смотрит на меня долгим взглядом.

— Если вы думаете, что это так просто, почему же вы тогда не возьмете его?

— Что?

Джим пожимает плечами.

— Пусть живет у вас — и проблема решена.

— Он не мой сын.

— А мог бы им быть.

Он откидывается на стуле и допивает пиво, тут же доливая себе из кувшина.

— Как вы думаете, чего бы хотела Хейли?

— Дело не в этом.

— Разве?

— Меня можно в расчет не принимать. Как вы и сказали, я лишь обломок.

— А вы сказали, мы здесь обсуждаем, что будет лучше для Расса, — самодовольно ухмыляется Джим. — Похоже, мы оба несем чушь, да?

— Ради всего святого, он ваш сын! Вы не можете вот так просто его отдать.

Джим откидывается на спинку стула, закидывает руки за голову и напрягает бицепсы, чтобы понравиться дамам.

— Энджи несчастна, Расс тоже несчастен, — говорит он. — Моя задача — сделать их обоих счастливыми, и, как мне кажется, есть лишь один выход из ситуации: ваша помощь. Я знаю, что только лишний раз подтверждаю всеобщее мнение обо мне как об отвратительном отце, но в конце концов главное — чтобы сыну было хорошо, и неважно, как это выглядит в чужих глаза, правда?

— Вы полагаете, что отдать сына в чужие руки — благородный поступок?

— Я не отдаю его. Я просто даю ему свободу.

Я смотрю на Джима в мокрой от пота рубашке-поло, уверенного в том, что он одержал победу, и думаю о Хейли, о том, как широко распахивались ее глаза, когда она рассказывала мне о Рассе и о том, что она изо всех сил старалась быть хорошей матерью. Я вспоминаю, как Расс плакал на надгробии Хейли, я представляю себе, как он лежал в промозглом подвале у Джима дома и слушал, как Джим трахает Энджи. Я думаю о том, как я одинок: одиночество, точно раковая опухоль, опутывает мое нутро. У меня в голове раздается голос Клэр, но я уверен, что слышу, как говорю это сам:

— Да.

— В каком смысле «да»?

Просто согласись.

— В смысле, я согласен. Пусть живет со мной. Я его заберу.

Если Джим и удивился, то ничем этого не выказал. Он просто произносит: «Ладно», и протягивает мне через стол руку для рукопожатия, как будто только что продал мне машину. Сам не понимая почему, яжимаю ему руку, идиотски улыбаясь.

— Расс может приехать к нам в Боку на каникулы, — предлагает Джим.

— Он будет счастлив это услышать.

— Вот и отлично, — заключает Джим, поднимаясь на ноги. — Расс поживет с нами до января, пока мы не уедем. Может, если он узнает, что ему уже не надо ехать с нами, он успокоится и повеселеет, лучше сойдется с Энджи и своим братиком.

— Звучит неплохо, — соглашаюсь я.

— Ладно, — подытоживает Джим, протянув руку и похлопав меня по плечу. — Хорошо поговорили.

А потом он уходит, протискиваясь сквозь толпу, чтобы скорей добраться домой и сообщить Энджи хорошую новость. Наверняка он рассчитывает, что за это сегодня ночью она будет с ним особенно ласкова.

После его ухода я долго сижу в баре, уставясь в пространство и не обращая внимания на людей вокруг меня, я провожу языком по гладкому краю кружки с пивом. В музыкальном автомате играет старая песня Билли Джоэла: мне снова пятнадцать, и я только что разбил угнанный «мерседес». Я прикусил язык и чувствую вкус крови в горле, у меня кружится голова. Я вижу, как ко мне, словно в замедленной

съемке, подбегают копы, и в который раз удивляюсь: как же я ухитрюсь вляпаться во все эти передряги?

Глава 21

Спустя много лет после того, как грядущий ледниковый период погубит эту цивилизацию, археологи откопают центр Нью-Рэдфорда, и первым, во что ударят их лопаты, будет гигантская чашка кофе «Старбакс» из фибергласа, возвышающаяся над торговым центром на Бродвее, словно воздушный шар на параде по случаю Дня благодарения. Это, несомненно, самая высокая конструкция на улице, она уступает по величине только башне с часами над начальной школой в трех километрах отсюда. Изучив, как город разрастается концентрическими кругами от Бродвея, археологи, может статься, придут к выводу, что «Старбакс» был храмом, а кофе — нашим богом. Но, как и в Бога, я не верю в кофе. Мне наплевать, что его ароматизируют, варят на пару, добавляют карамель, заправляют взбитыми сливками или делают пенку. Кофе разъедает стенки желудка, приводит к одышке и сдирает кожу с нервов, оставляя их раздраженными и беззащитными. Исследователям пока еще не удалось доказать, что «Старбакс» вызывает рак, но судебные иски не за горами. Я в этом уверен.

Проблема с центром Нью-Рэдфорда в том, что он не так-то велик. Из-за маниакального стремления муниципалитета сохранить в городе сельскую атмосферу ближайший деловой район находится в пяти с половиной километрах к югу, где Бродвей становится Южным Бродвеем, а Нью-Рэдфорд — просто старым Рэдфордом. Но в Нью-Рэдфорде на Бродвее есть только один торговый квартал: «Пицца Антонелли», «Си-Ви-Эс», несколько на удивление заурядных ресторанов, семейный магазинчик канцелярских товаров, офисы двух конкурирующих городских агентств недвижимости, расположенных по соседству друг с другом, парикмахерская «Ривьера», салон маникюра «Розовые лепестки» и лавка «Мамочкино домашнее мороженое». За углом, на Роринг-Крик-роуд, находятся «Супер Стоп & Шоп» и видеосалон «Блокбастер». Кучка инвесторов хотела выкупить часть парковки «Стоп & Шоп», чтобы построить здесь пассаж, но совет по городскому зонированию подрезал им крылышки, точно так же, как раньше угробил планы «Икеи», магазина «Все для спальни и ванной», и поставил крест на расширении городской синагоги. Как и во всех

зажиточных пригородах, здесь главное, чтобы все оставалось по-прежнему, не развивалось и не росло.

Следовательно, практически невозможно пройти по центру Нью-Рэдфорда, не наткнувшись на какого-нибудь знакомого. Потому что так или иначе приходится идти мимо «Старбакса», и всегда кто-то из знакомых входит или выходит из кафе. До гибели Хейли я об этом как-то не задумывался, поэтому обычные походы в магазин за мылом и лезвиями для бритвы превратились в изнурительное преодоление полосы препятствий в виде жалости и навязчивого внимания друзей и соседей, которым не терпелось пожать мне руку, обнять меня, спросить, как дела. А еще они, проезжая мимо, сбрасывали скорость и показывали на меня пальцем, а кто-то любопытно глазел на меня на стоянке, словно я — сломавшийся тягач с прицепом на обочине шоссе.

Но сейчас утро, и Клэр не терпит выпить чашку обезжиренного «Венти мокко латте» или чего-нибудь еще, поэтому мы заходим в «Старбакс». Толпа служащих уже схлынула, сейчас в кафе сидят женщины, возвращающиеся из спортзала, и кучкуются молодые матери. Когда они наклоняются к своим малышам, из их джинсов на бедрах и дизайнерских тренировочных штанов выглядывают полоски тонких прозрачных трусиков. Я неловко киваю нескольким мимолетным знакомым; они улыбаются, кивают в ответ и тут же отводят глаза, хотя я в этом и не уверен, так как сам уже отвернулся.

— Что я здесь делаю? — бормочу я Клэр, стиснув зубы. — Я даже кофе-то не пью.

— Ты как вегетарианец в мясном ресторане, — говорит она.

— Как атеист в церкви.

— Здорово сказано, — одобрительно замечает Клэр. — Мощный подтекст.

— Спасибо.

И тут появляется Мэнди Сивер, одна из многочисленных нью-рэдфордских домохозяек, которая стала агентом по продаже недвижимости. У нее милое пухлое личико, как и Хейли, она была членом родительского комитета. Раньше по четвергам Мэнди приносила мне лазанью, овощной салат и бесчеловечно огромные куски пирога «Харви Уолбэнгер». Мэнди плакалась Хейли, что муж не прикасается к ней после того, как ей сделали кесарево сечение, а на похоронах ревела так громко и долго, будто хоронили ее жену.

— Дуг! — орет она через весь зал и пробирается к нам, стуча каблуками по кафельному полу. Она хватается за локти, но тут до нее доходит, что дальше с моими локтями ей делать нечего, поэтому она их выпускает и неловко вытягивает руки вдоль тела.

— Так приятно видеть, что ты поправился.

— Привет, Мэнди!

— Хорошо выглядишь, — говорит она и смотрит на меня, прищурившись, в ее взгляде читается участие.

— Хреново он выглядит, — парирует Клэр, поворачиваясь к стойке.

Она заказывает нечто, похожее на название сразу шести напитков, но оказывается, что это всего-навсего чашка кофе. Мэнди, нахмурясь, оглядывает Клэр с головы до ног, прикидывая с тревогой, в каких мы можем быть отношениях. Иногда я забываю, какой Клэр видят другие женщины: она великолепна и слишком вызывающе-сексуальна для пригорода.

— Не беспокойтесь, — произносит Клэр. — Если бы я не была его сестрой, вряд ли бы мы оказались здесь вместе.

— Ох, — вздыхает Мэнди, и меня невольно раздражает выражение облегчения на ее лице. — Вы очень похожи.

— Прикусите язык.

— Клэр, это Мэнди, Мэнди, это Клэр, — вступаю я.

— Рада с вами познакомиться, — говорит Мэнди, пожимая руку Клэр. — Вы живете неподалеку?

— В Гринвиче, — поясняет Клэр. — Сейчас я гощу у Дуга, чтобы помочь ему встряхнуться.

— Здорово.

— Ладно, — вмешиваюсь я, тихонько пихая Клэр локтем, — хватит.

— Ну, все-таки уже год прошел, — продолжает Клэр, с легкостью уворачиваясь.

— Неужели столько? — изумляется Мэнди. — О господи. А кажется, что намного меньше. Номер Хейли у меня до сих пор на быстром наборе.

А потом ее глаза внезапно наполняются слезами. Мне всегда казалось, что деланно убиваться сильнее тех, кто потерял родного человека, — дурной тон, все равно что хвалиться новеньким

«лексусом» перед парнем на «феррари». Думаете, дело в мощности? Вы ни черта не знаете о мощности.

— Вообще-то, — осуждающе произносит Клэр, оборачиваясь к Мэнди, — прошло даже больше года. Я думаю, Дугу давно пора возвращаться к нормальной жизни. Вы не согласны, Мэнди?

Клэр — одна из немногих известных мне людей, кто может понравиться насильно.

— Ну, если он чувствует, что готов, — нерешительно отвечает Мэнди. Похоже, Клэр ее напугала.

— Клэр готова, — криво ухмыляюсь я.

— Ему еще нет тридцати, — вступает Клэр. — Что ж ему, провести лучшие годы в одиночестве?

— Конечно, нет, — соглашается Мэнди.

— Вы наверняка знаете, что люди, которые были счастливы в браке, быстрее вступают в новый брак. Исследования это убедительно доказали.

— Да, я слышала об этом, — кивает Мэнди, как игрушка с качающейся головой, которую обычно ставят в машине над приборной доской.

— Скажите, Мэнди, — многозначительно произносит Клэр, — знаете ли вы каких-нибудь одиноких женщин здесь, в городе?

Мэнди широко улыбается, покоренная Клэр.

— Я риелтор. Я выставяла на продажу дома всех разведенных женщин в городе.

— Мэнди! — восклицает Клэр с улыбкой и берет Мэнди под руку. — Мы с вами отлично поладим.

И тут, слегка запыхавшись, в кафе заходит Майк.

— Привет, Дуг, — здоровается он, подходя ко мне и пожимая мне руку. — Извини, что опоздал. Утром нужно было подать записку по делу.

— Опоздал? Куда? — недоумеваю я и пихаю Клэр локтем, чтобы выяснить это.

— Просто соглашайся, — отвечает Клэр, улыбаясь мне самой ослепительной из своих улыбок.

— Постой-ка, — недоумевает Майк. — Она сказала, что ты хочешь встретиться со мной здесь.

— Она солгала. Она вечно врет.

— Это правда, — признается Клэр, довольно ухмыляясь, и ведет Мэнди к свободному столику. — Я такая.

Майк кивает, видно, что ему неловко.

— Ну, раз уж мы оба здесь, так, может, хотя бы кофе выпьем?

— Я не пью кофе.

— Господи, Дуг, — произносит он, в отчаянии качая головой. — Я готов снова и снова просить у тебя прощения, прежде чем мои слова потеряют всякий смысл.

Я медленно выдыхаю и киваю.

— Я выпью воды.

Майк улыбается — не торжествующе, а просто радостно — и быстро отворачивается, чтобы сгладить неловкость. Меня охватывает нежность к нему.

Женившись на Хейли и переехав в Нью-Рэдфорд, я познакомился с людьми, разительно отличавшимися от моих приятелей с Манхэттена, которые были моложе, больше пили и вели разгульную жизнь. Все мужчины, которых я встречал в кругу Хейли, были женаты и имели детей, одни были в расцвете сил, другие же неспешно причаливали в тихую заводь зрелости. Эти мужчины плыли по течению; чуждый мне пейзаж их жизни складывался из закладных и вторых закладных, браков и вторых браков, детей, алиментов, романов, пособий женам, учителей, платы за обучение и бесконечной череды вечеринок. А на себя им оставалось несколько часов по выходным, когда они не вкалывали, как проклятые, чтобы все это безобразие оплатить. Я всегда полагал, что люди, живущие в красивых особняках за городом, богаче меня, и только попав к ним в компанию, я понял, что все это не более чем сложная и продуманная разновидность банкротства. Огромное количество денег уходит на выплату ипотеки и кредитов на кухню и ванную, два или три раза в месяц нужно платить за дорогущую машину. Сам того не осознавая, ты потратил сотню тысяч (за вычетом налогов) и не успел куска хлеба себе отрезать. Проклятие среднего класса, черт бы его драл. Они так живут, потому что представляют себе жизнь по голливудским рождественским фильмам. Жалкое существование, строящееся на шатком основании из громадных долгов: малейший просчет, скромная премия, неудачное вложение денег или непредвиденные расходы — и вся конструкция рухнет. Со временем я начал понимать, что идиллические улочки Нью-

Рэдфорда — в значительной степени иллюзия. Понятно, что даже самые стойкие мужи, обязанные эту иллюзию поддерживать, рано или поздно зашатываются под тяжестью груза. И вот уже они полысели и растолстели, с лица пропал румянец, веки набрякли, юмор прокис. Некоторые из них были жизнелюбивы, остроумны и на удивление приятны в общении, с такими можно было вечерком пропустить стопку-другую и даже слегка перебрать, решая мировые проблемы. Но все-таки они до смерти меня пугали: ведь теперь я теоретически был одним из них, хоть и сбоку припека, казалось, мне ничего не остается, кроме как стать таким, как они. Я не хотел лысеть, толстеть и влезать в долги ради немецких машин и полов из твердых пород дерева с лучистым отоплением. И то, что я не бросил все это и не свалил обратно в город к молодым приятелям, в уютную и безопасную прежнюю жизнь, — лучшее доказательство моей любви к Хейли.

Вместо этого я начал ходить в спортзал и играть в рэкетбол с Майком Сендлменом, которого я повсюду встречал на бар-мицвах^[23]. Он был всего на несколько лет меня старше, в хорошей форме и понимал мои шутки. Мы напивались в бесплатном баре и потешались над всеми этими старыми толстяками, которые отплясывали, уперев руки в боки. Майк был адвокатом, однако же ему была свойственна некоторая небрежность, безответственность, благодаря чему мне с ним было легко; он был холост и поэтому мог строить глазки женщинам помоложе, заигрывать с официантками, не выглядя при этом развратником. Тусуясь с ним, я ощущал себя на свой возраст: я раньше и подумать не мог, что это важное условие для дружбы, но так оно и было. Так что я продолжал общаться с мужьями многочисленных подруг Хейли, ухитряясь находить интерес в разговорах о фондовой бирже и отупляющих описаниях лучших в мире сортов скотча, полей для игры в гольф и тропических курортов. Но если речь шла о том, чтобы посмотреть какую-нибудь фантастику или боевик, которые Хейли смотреть не хотела, или напиться и потрепаться о какой-нибудь экзистенциальной лабуде, которая спяну кажется важной, — тут Майк был незаменим. Когда Хейли умерла, именно Майк приехал, чтобы посидеть со мной и Клэр, помочь договориться с авиакомпанией, организовать похороны; он вместо меня общался со всеми, кто заявился позже. Он оказался хорошим и верным другом, и при обычных обстоятельствах я бы с радостью принял его в семью.

Но обстоятельства изменились, они уже не были обычными. Обстоятельства, по сути, испортились до неузнаваемости. Тут мне пришло на ум, что вернуться к нормальной жизни — это не только наблюдать, как Клэр охотится за случайными одинокими женщинами, с которыми я никогда не стану встречаться; бывают ситуации, когда просто согласиться не значит предать Хейли. Быть может, когда-нибудь мне снова захочется, чтобы у меня был друг, с которым можно пойти в кино, а не переться одному, как сейчас. Конечно, тогда Майк уже будет женат, и Дебби будет его все время пилить и никуда не отпустит. Но теоретически мы могли бы сходить в кино.

Так что мы садимся за столик. Майк пьет кофе — с обезжиренным молоком, без кофеина, как будто от этого что-то изменится, — а я попиваю воду из бутылки за два с половиной доллара. Мужчины почти никогда долго не держат друг на друга зла, потому что нам чертовски трудно помириться. Мы не приносим прочувствованных извинений и не обнимаемся крепко-крепко, как женщины, смеясь и плача, уткнувшись друг в друга, пока злоба и обида не растают без следа. Мы просто сидим, неловко киваем, избегая встречаться друг с другом взглядом, пожимаем плечами и бормочем что-то вроде «забудь», «будем считать, что мы квиты» или еще какие-нибудь бессмысленные клише, спасающие нас от откровенного разговора о задетых чувствах и гневе. В большинстве случаев мы скорее заведем нового друга, чем согласимся долго и неуклюже налаживать отношения со старым. Но тут случай особый: Майк станет членом семьи, и все предстоящие семейные и праздничные обеды просто не оставляют нам выбора. По крайней мере, мы единодушно хотим, чтобы этот разговор кончился, не начавшись; такие разговоры всегда не очень приятны, поэтому они не затягиваются надолго — десять минут спустя, вопреки собственному желанию и здравому смыслу, я уже согласился быть его шафером. Через несколько дней состоится примерка смокингов, а после нее — мальчишник. Его младший брат Макс позвонит мне и подробно все расскажет.

Майку пора возвращаться на работу, поэтому он сердечно пожимает мне руку и довольно бьет меня по плечу. Я иду через все кафе к Клэр, которая забрасывает Мэнди вопросами и что-то записывает на салфетке.

— Сколько детей?

— Двое.

— Сколько она весит?

— Не знаю.

— Ну хотя бы приблизительно.

Мэнди на мгновение закрывает глаза.

— Килограмм шестьдесят восемь-семьдесят.

— Какого она роста?

— Метр пятьдесят семь, метр шестьдесят.

— Кого она обманывает? Ей не по свиданиям надо бегать, а сесть на диету и считать калории. Следующая.

— Ты закончила? — спрашиваю я.

— Нет. Уходи, — она поворачивается к Мэнди. — Расскажите подробнее о танцовщице.

— В смысле об инструкторе по аэробике?

— Да какая разница..

Народу в «Старбакс» набилось битком, и я чувствую, как во мне растет страх, доводящий до бешенства. Мне до сих пор неуютно в толпе: я не выношу знакомых лиц, кивающих и улыбающихся мне, их добрые намерения и сочувствие целят мне в голову, точно стрелы. Мне не нужна их жалость, я не хочу снова и снова выставлять свое горе напоказ. Но мне не хочется, чтобы они думали, будто у меня все отлично, — по-моему, это неуважение к памяти Хейли. Вести себя так значит принижать все, чем она была для меня. Так что у меня вообще нет выбора, как себя вести; я прихожу в ужас и чувствую себя загнанным в угол. Мне хочется бросить бомбочку и исчезнуть, как волшебник, в клубах густого дыма. Интересно, где они берут эти бомбочки: я отмечаю в уме, что неплохо бы поискать в интернете, когда вернусь домой. Наверняка в индустрии скорби существуют заявки.

— Мне нужно идти, — говорю я Клэр.

— Так иди. Я уверена, Мэнди отвезет меня домой.

— Конечно, — подтверждает Мэнди, улыбаясь своей новой лучшей подруге, как степфордская жена^[24]. Я спасаюсь из «Старбакса» бегством, точно застигнутый врасплох первыми лучами солнца вампир, который летит сломя голову в надежное укрытие спрятанного в подвале без окон гроба. В моем случае сойдет и местный кинотеатр.

Глава 22

Тому, кто сидит в темном зале кинотеатра в самый разгар рабочего дня, жизнь кажется уроком, который он прогуливает. Море пустых кресел напоминает о том, что все нормальные, ответственные люди сейчас где-то в другом месте, делают нормальные, ответственные вещи, а это подразумевает, что ты-то ни нормальный, ни ответственный. Обычно в кинотеатре только ты и кучка случайных пенсионеров: бабульки с шлемообразными укладками, в морщинистых гольфах телесного цвета и тупоносых ортопедических ботинках. Старухи передвигаются маленькими сутулыми группками из двух-трех человек; их огромные сумки шуршат и прогибаются под тяжестью закусок и банок с газировкой, купленных в аптеке, чтобы не тратить лишних денег в кино. Одинокие кривоногие мужчины, сидящие рядом со своими поношенными пальто с большими стаканами попкорна на коленях. Эти мужчины выглядят дряхло и уныло, и я задаюсь вопросом: неужели я тоже кажусь скучным и одряхлевшим? Когда Хейли была жива, я время от времени втихаря в одиночку захаживал днем в кино, но после ее смерти это стало чем-то вроде пристрастия, еженедельной жажды получить утешение, забыться в кондиционированной прохладе кинотеатра.

Сегодня я выбрал боевик про похищение ядерных боеголовок и ожесточенного морпеха, запятнанного сомнительными преступлениями, но потом оправданного; теперь ему поручено сбрить бороду, заново собрать свою элитарную часть, выследить террористов и не дать им взорвать Чикаго. Я пришел рано, и кинотеатр почти пуст, только какая-то женщина сидит посередине ряда в конце зала. Проходя мимо, я вижу, что это Брук Хейз, школьный психолог Расса, она тоже замечает меня, и я не успеваю скрыться.

— Ну надо же, — говорит она взволнованно, — Дуг.

— Привет, Брук.

Сидящие вокруг люди глуповато ухмыляются. Ходить в кино одному можно только, если кругом одни незнакомцы. Знакомство с кем-либо, пусть даже отдаленное, выдает тебя с головой: это все равно что наткнуться на приятеля в приемной психолога. И что мне теперь делать, сесть рядом с ней? Брук, как и я, наверняка пришла сюда

посидеть в одиночестве в темноте, подальше от всех. Но если я перейду на другую сторону зала, она может обидеться и решит, что я груб и невежлив. Да и вряд ли нам удастся получить удовольствие от фильма, зная, что другой сидит неподалеку. Анонимность утрачена, и из этой ситуации нет достойного выхода.

— Неловко получилось, — говорит Брук, краснея от смущения.

— Да уж, — отвечаю. — Но думаю, что мы с этим справимся.

— Вы застали меня одну в кино. Вы поймали меня с поличным в тоске.

— Что с того, что вы тоскуете? — возражаю я. — Я хожу сюда раз в неделю.

— Раз в неделю? Правда?

— Мы с буфетчицей на «ты».

— И как ее зовут?

— Кармен.

— Вы это выдумали.

— Да. Но она похожа на Кармен. — Я переминаюсь с ноги на ногу. — Разве вы сейчас не должны быть в школе и опекать трудных подростков?

— Сегодня я сама трудный подросток, — отвечает она весело и кладет ноги на спинку переднего кресла. Расклешенные штанины ее тренировочных брюк задираются, обнажая изгибы гладких бледных икр. У Хейли тоже были красивые икры. Мне в женщинах всегда нравились ноги.

— Надеюсь, вы на меня не наябедничаете.

— Я никому не выдам вашу тайну.

— Спасибо. Хотя вы и не знаете мою тайну.

— Вы мне расскажете?

— Поживем-увидим. Может, вы сядете? Когда вы вот так стоите, это действует мне на нервы.

— Я думал, вдруг вы хотели побыть одна.

— Хотела. — В полумраке кинозала светлый блеск на ее веках сверкает и переливается, она хлопает по соседнему креслу. — Теперь не хочу. — Она бросает на меня смущенный взгляд. — Если только вы не хотите побыть один. Ну, вы ведь поэтому пришли сюда, так? Я все пойму.

— Хотел, — соглашаюсь я, проходя по ее ряду. — Теперь не хочу.

Вблизи она выглядит ниже ростом и кажется почти миниатюрной, у нее безупречная кожа. Брук смотрит на меня широко раскрытыми глазами, взгляд ее тверд. От страха ляпнуть глупость меня пробирает дрожь.

Она показывает на мой стакан с попкорном.

— С маслом?

— Ага.

— Замечательно.

Мы сидим в мирной благожелательной тишине, какая бывает только в огромных пустых местах, а на экране мелькает реклама и пробегают имена кинозвезд.

— Итак, — произносит Брук, жуя попкорн.

— Итак...

— Итак, после той нашей встречи в школе я думала, что вы пригласите меня на свидание.

Я не выплевываю газировку, которой полон мой рот, и не захлебываюсь ею, как это показывают в кино, но, вне всякого сомнения, момент именно такой, когда плюются газировкой.

— Правда? — спрашиваю я. — Извините.

— Не стоило мне это говорить, — замечает она обиженно. — Вот я всегда так, говорю, что думаю, как будто изумление искупает мою прямооту. Простите. Вы не обязаны мне отвечать.

— А вы ничего и не спросили.

— Вы правы, — она задумчиво кивает и тянется, чтобы взять еще попкорна. — Закончите фразу, предлагает она спустя минуту. — Когда я с вами познакомился..

— Что, простите?

— Это подсказка — я пользуюсь ими, чтобы заставить ребят рассказать о своих чувствах. Иногда ответить на вопрос сложно, а закончить предложение они могут.

— Значит, вы относитесь ко мне как к трудному подростку?

Она улыбается, глядя на экран.

— А почему бы и нет?

— По крайней мере, честно. Так что вы спросили?

— Это был не вопрос, а подсказка.

— Точно. Не могли бы вы ее повторить?

— Когда я с вами познакомился...

— Когда я с вами познакомился, мне захотелось пригласить вас на свидание.

— Так почему же не пригласили?

— Это сложно объяснить.

— Все и всегда так говорят, но на самом деле ничего сложного нет.

— Вероятно, вы правы.

— Итак, — улыбается она, — закончите фразу. Я не пригласил вас на свидание, потому что...

Кажется, у Брук что на уме, то и на языке, но со мной сейчас происходит то же, и наша встреча похожа на боксерский поединок.

— Я никогда толком не умел ухаживать за женщинами, — признаюсь я. — Я послушный ведомый, но не ведущий. Окажись вы плачущей у меня в кабинете, никто не сумел бы утешить вас лучше меня. Но начинать мне всегда было труднее. Неважно, что я говорю: вы ведь догадываетесь, что я говорю это, чтобы сделать первый шаг, а потом пригласить вас на свидание. И мы встретимся, а если все пойдет хорошо, мы займемся сексом. Го есть, по сути, из славного парня, которому толком ничего от вас не нужно, я становлюсь грязным ублюдком, жаждущим переспать с вами, едва успев познакомиться.

— А вам не кажется, что вы напридумывали лишнего?

— Так оно и есть, — соглашаюсь я. — А самое смешное, что я-то полагал, будто навсегда с этим покончил. Я думал, что в последний раз сделал первый шаг и мне уже никогда не придется так себя чувствовать. Поэтому я чертовски обиделся на покойную жену за то, что она испортила все дело и бросила меня тут одного, чтобы я снова сам о себе заботился, а потом я испытал чувство вины за то, что обиделся на нее, ведь она не специально умерла.

— Ладно, — произносит Брук. — Вы до сих пор не оправились от смерти жены. Это так понятно. Как по учебнику. Но, если честно, все это не очень сложно.

— Я только начинаю оттаивать, — говорю я. — А еще у меня в голове настоящая путаница из-за того, что со смертью Хейли открылись большие возможности.

— Что вы имеете в виду?

— Моя младшая сестра выходит замуж за моего друга, с которым она познакомилась у меня на шиве. Так что муж, еще не рожденные

дети, да и все ее будущее — следствие смерти Хейли, и у меня это просто в голове не укладывается. Колонка, которую я веду, принесла мне славу, открыла передо мной многие двери. Раньше я писал о книгах, которые никому не были нужны, а теперь издатели за мной бегают. Мои профессиональные мечты могут сбыться, и все потому, что Хейли погибла. Я прославился благодаря своему горю. А еще мне заплатит авиакомпания. Мне заплатят приличную сумму за скорбь. Я разбогатею, добьюсь успеха, но если бы я мог вернуться в прошлое и как-то ее спасти, помешать ей сесть в тот самолет, я бы сделал это. Ни секунды не раздумывая.

— Ну конечно, вы остановили бы ее, — говорит Брук.

— Но ведь однажды я снова влюблюсь, так? Я начну все заново с какой-нибудь женщиной, может, на все эти мои новые деньги мы купим большой старый дом, у нас будут дети, я стану профессиональным писателем, пожалуй, даже напишу несколько книг. Я буду жить счастливо, и все это благодаря тому, что Хейли погибла в авиакатастрофе. И я даже не знаю, когда это случится, но настанет время, когда я пересеку черту, за которой, быть может, мне уже не захочется вернуться в прошлое и спасти ее, потому что я буду знать, что, если бы она не умерла, у меня не было бы этой семьи, которую я люблю, и жизнь моя сложилась бы иначе. И сама мысль о том, что я стану человеком, который не захочет вернуться в прошлое, чтобы ее спасти...

Я хочу продолжать, но что-то случилось с моим голосом: я шевелю губами, но не слышно ни звука, и я, черт подери, чувствую, как у меня по щекам бегут слезы. Брук кивает и кладет мне ладонь на руку.

— Ну, — произносит она, — у вас проблемы с причинно-следственной связью.

— Настоящее мучение, — соглашаюсь я, вытирая ладонью слезы. — Извините меня. Обычно я плачу ближе к концу фильма.

Брук мягко стискивает мою руку и отворачивается, чтобы я мог прийти в себя.

— В каком-то смысле все так и должно быть, вы не находите? — спрашивает она. — Взгляните на это вот как: обеспечив вашу жизнь после своей гибели, она навеки останется с вами. Что-то вроде эмоциональной страховки.

— Эмоциональная страховка, — повторяю я задумчиво. — Этому вас учат на психфаке?

— Я выдумала это только что, — ухмыляется она. — Вы стали свидетелем моего извращенного остроумия.

— Отлично, — говорю я. — Мне нужно будет это обдумать. Спасибо.

— Не стоит благодарности.

Она дружески похлопывает меня по руке и убирает ладонь. Я чувствую тепло там, где была ее рука.

— Да, вы были правы, — признается Брук.

— В том, что это сложно?

— Нет, — тепло улыбается она. — В том, что вы ведомый.

Я киваю.

— А с вами что? Какова ваша печальная история?

— С чего вы взяли, что она печальная?

— Вы неоднократно на это намекнули. И у вас грустные глаза.

— Мой жених уверял, что они прекрасны.

— Жених?

— Ага.

— И что с ним случилось?

— Это сложно объяснить.

— Да ладно. Закончите фразу. У меня был жених, но...

Но тут гаснет свет и начинается фильм. В свете экрана я вижу ее радостную торжествующую улыбку.

— Время истекло, — произносит она. — У меня строгое правило: не болтать во время фильма. Спросите на следующей неделе.

— Откуда вы знаете, что мы увидимся на следующей неделе?

Она выуживает кусочек попкорна из моего стакана.

— Скажем, предчувствие.

Мы сидим в пустом кинозале в разгар рабочего дня, слегка касаясь друг друга локтями на подлокотниках, — два человека, на время сбежавшие от всех. Нас омывает льющийся с экрана мерцающий свет, мы, погруженные каждый в свое горе, смотрим, как Николас Кейдж спасает мир.

Глава 23

Вернувшись домой, я застаю на крыльце Стивена Айвза, который пытается выломать входную дверь. Он разбегается от ступенек крыльца и бросается вперед, ударяя в дверь плечом. Судя по его тяжелому дыханию и темным пятнам пота под мышками белой рубашки египетского хлопка, он ломится уже довольно долго.

— Клэр! — вопит он. — Поговори со мной!

— Иди домой, Стивен, — орет Клэр из окна над лестницей. — Ты расшибешься.

Я поднимаю голову и вижу Клэр и Расса, удобно усевшихся на подоконнике старой комнаты Расса.

— Эй, Дуг, — ухмыляется Расс. Он пьет кока-колу и явно наслаждается происходящим.

Клэр устало машет рукой и виновато поднимает брови.

— Он не уйдет.

Я поворачиваюсь к Стивену, который пытается выбить дверь ногой, как коп, но копы обычно не ходят в легких модельных туфлях за триста долларов. От ударов Стивена на двери остаются грязные полукруглые следы, но толку от его усилий маловато.

— Привет, Стивен, — говорю я. — Что новенького?

— Отойди, Дуг. Предупреждаю, — рычит он, бросая на меня грозный взгляд из-под насупленных бровей, и снова, разбежавшись, пинает дверь. На Стивена, который обычно безукоризненно выглядит, одевается, как Хьюго Босс, и потеет только на теннисном корте или в парилке загородного клуба, стоит посмотреть. Его потные волосы, слипшиеся от геля, висят сосульками на лбу, из-за чего он выглядит как Элвис — не толстый Элвис из Вегаса, но тощий киношный Элвис, который в забегаловке надрал задницы хулиганам, заставлявшим его подпевать музыкальному автомату.

— Ты расшибешься, — говорю я.

— Я зашибу тебя, если ты только ступишь на крыльцо.

— Стивен, это мой дом.

Он поворачивается ко мне лицом: его красивый подбородок дрожит от гнева, глаза широко раскрыты, взгляд сумасшедший.

— Ты думаешь, меня это колышет?

Его это явно не колышет, и я понимаю, что ему не нужен веский предлог, чтобы надрать мне задницу. Сколько я его знаю, он всегда меня ненавидел, и не только потому, что я облил его грязью в свадебной речи. По настоянию Клэр он взял меня на работу к себе в компанию, а это не могло кончиться добром. Через несколько месяцев я отличился — переспал с одной из его секретарей-референтов. Оказалось, что он собирался ее уволить, но после того, как я с ней переспал, он испугался юридических последствий, хотя, когда дело дошло до моего увольнения, его это не смутило. Я постоянно откалывал что-то в этом роде и не видел в этом ничего особенного. Сейчас я так не думаю, но не пойдешь же извиняться за то, что натворил пять лет назад. Даже если бы я и пошел, Стивен все равно ничего бы мне не забыл. Он мне помог, а я все испортил. Вскоре после этого я напился на ужине в День благодарения и заехал ему кулаком по носу. Нас растащили, прежде чем он успел мне ответить, а ничто так не раздражает мужика, как пропущенный удар от какого-то молокососа. Поэтому я остался стоять, где стоял, у подножия крыльца, и сказал: «Да хоть башку себе расшиби», а Стивен продолжал ломиться в дверь и звать Клэр.

— Черт подери, Стивен, убирайся отсюда. Я серьезно! — кричит Клэр.

— Я просто хочу поговорить с тобой! — орет он.

— Тогда надо было мне позвонить!

— Ты не отвечаешь на мои звонки!

Подожди, пока я захочу с тобой поговорить. Я не твоя подчиненная, Стивен. Ты не можешь запланировать меня, как совещание.

— Спустишь и открой эту долбаную дверь!

Он снова лупит по двери, и на этот раз я слышу, как дерево трещит — едва различимый звук, предупреждающий, что дверь вот-вот поддастся, но тут у Стивена подгибаются ноги, он падает на колени и, вскрикнув от боли, хватается за плечо.

— С ним все в порядке? — кричит мне Клэр.

— Бывало и лучше, — отвечаю я. — Почему бы тебе не спуститься и не поговорить с ним?

— Дуг, отвали.

— Хорошо. Извини.

Держась за разбитое плечо, Стивен с трудом поднимается на ноги и, пошатываясь, выходит из-под козырька, спускается по ступенькам и идет мимо меня на лужайку, чтобы оттуда взглянуть на Клэр. Взгляд его полон отчаяния.

— Клэр, пожалуйста, — произносит он хрипло. — Не делай этого.

— Я вынуждена, — отвечает она мягко.

— Я люблю тебя.

— Нет. Тебе нравится мной обладать. А на самом деле тебе все равно, кто я такая. А теперь езжай домой!

— У тебя кто-то есть? В этом все дело?

— Ладно, сейчас я в тебя чем-нибудь кину, — угрожает Клэр, в отчаянии взмахнув руками, и отходит от окна.

Стивен смотрит на меня.

— Ведь в этом все дело, правда? У нее роман.

— Это не так, — возражаю я, качая головой.

Краем глаза я замечаю темное пятно, и мы оба подпрыгиваем: прямо между нами на траву с глухим стуком приземляется пара роликовых коньков.

— О господи, Клэр!

— Нет, Стивен, — орет она ему. — У меня никого нет. Во-первых, должен быть хоть кто-то, чтобы потом был кто-то еще. А у меня вообще никого нет, и поэтому я от тебя ухожу.

— Ты несешь чепуху! — кричит он, подходя к окну. Клэр заставляет его отойти, швырнув вниз бейсбольную биту «Луисвилл Слаггер», которую ей услужливо подал Расс. Бита падает на рукоять и вырывает из лужайки кусок дерна величиной с кулак.

— Черт! — орет Стивен, бросаясь к стене дома. — Успокойся хоть на минуту!

— Езжай домой, Стивен. Клянусь богом, я позвоню в полицию.

Тут мне приходит в голову, что по крайней мере один из наших многочисленных соседей, которые стоят на своем крыльце и с растущим интересом любуются зрелищем, опередил Клэр. Такое в нашем квартале случается нечасто.

А Стивен тем временем, бормоча что-то неразборчивое, отходит от стены и снова подходит под окно.

— Я люблю тебя, Клэр, — кричит он ей. — Может, я не самый лучший парень в мире, но я всегда хорошо к тебе относился и пытался

сделать тебя счастливой. Если ты хочешь уйти, я не могу силой заставить тебя остаться, но я думаю, что после шести лет брака я заслуживаю хотя бы объяснения. Можешь швыряться в меня, чем хочешь.

Стивен падает на колени, как теряющий сознание боксер в последних раундах, и, тяжело дыша, глядит на Клэр. По его грязному потному лицу катятся слезы.

— Я с места не двинусь, пока ты не спустишься и не поговоришь со мной наедине. Мне надоело уворачиваться.

На мгновение воцаряется мертвая тишина. Клэр смотрит на него и швыряет из окна мое рабочее кресло. К счастью для Стивена, ему все-таки удастся увернуться. Я бросаюсь влево, а он вскрикивает и отскакивает вправо. Кресло с тяжелым металлическим скрипом приземляется ровно там, где стоял Стив, колесики шрапнелью разлетаются во все стороны. Кролики спасаются бегством, и я недоумеваю, почему мне раньше не приходило в голову нападать с воздуха. Стивен падает на спину и пронзительно кричит от боли, кажется, что он будет так кричать до следующей недели. А Клэр наверху заливается слезами и скрывается в доме.

Я рывком поднимаюсь на ноги и подхожу к Стивену, который все еще лежит на спине и тарашится в небо в кататоническом оцепенении: так бывает, когда укуришься и облака становятся похожими на героев мультфильмов и бывших девушек. Я нагибаюсь поднять колесико, а потом сажусь на траву рядом со Стивеном и от нечего делать кручу его в руках.

— Извини, что так получилось с дверью, — немного погодя произносит он.

— Забудь, чувак. У тебя были на то причины. Прости за сестру. Непонятно, с чего это она. Правда.

— Она действительно уходит от меня, да?

— Кажется, да.

Он поворачивает голову и смотрит на меня, от волнения у него трясутся губы.

— Почему?

Я потираю ладонью холодное металлическое колесико и глубоко вздыхаю.

— Потому что это Клэр, — поясняю я. — Она такая.

С минуту он обдумывает мой ответ, а потом снова смотрит на небо, медленно кивая.

— Я и правда ее люблю, знаешь?

— Знаю.

Он медленно поднимается на ноги, постанывая от натуги. Правая рука Стивена висит плетью, как будто внутри у него отключилось что-то жизненно важное. Прихрамывая, он идет к своему черному «порше», припаркованному у обочины.

— Ты уверен, что сможешь вести машину с ручным управлением? — спрашиваю я.

Он останавливается и оборачивается.

— Нет.

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

— Если не сложно.

Я не умею водить машину с механической коробкой передач, поэтому отвожу его на своем «саабе». За «порше» он кого-нибудь пришлет. Если у вас столько денег, сколько у Стивена, в такой ситуации всегда найдется, кого послать за машиной. Он устроился на пассажирском сиденье, закрыв глаза и прислонившись головой к окну, мурлычет что-то тихонько себе под нос, как будто поет дуэтом с двигателем. Улицы переходят в бульвары, потом в шоссе, и вот уже мы молча мчимся на север, к золотым лесам Гринвича, в самое тоскливое время суток, когда вот-вот начнет смеркаться. Стивен выглядит так, будто предпочел бы в случае аварии вылететь через ветровое стекло — мне знакомо это чувство. Я один из его первооткрывателей. Я смотрю на обессиленного, вялого Стивена, и неожиданно меня охватывает жалость к нему. Он женился на любимой женщине, заботился о ней как только мог и все-таки потерял ее. Это непостижимо и несправедливо, но и это чувство мне знакомо. Единственная ошибка Стивена была в том, что он думал, будто Клэр будет любить его всегда. Ошибка вполне понятная — ведь она тоже ее совершила.

— Мне хочется умереть, — говорит он хрипло, когда я, миновав ворота, въезжаю на дорожку, ведущую к его особняку в средиземноморском стиле.

Стивен богат, красив, хорошо сложен, и мне приходит в голову, что, наверное, его впервые бросила женщина. В его глазах стоят слезы, но как бы я ему ни сочувствовал, все-таки я последний, с кем бы он

мог об этом поговорить. Потом он пожалеет, что так раскрылся передо мной, но сказанного не воротишь, и он еще больше меня возненавидит.

— Послушай, — говорю я, паркуясь, — я знаю, сейчас тебе кажется, что все из рук вон плохо. Но у тебя шок. Ну, я имею в виду, от тебя ушла Клэр, да тут еще ребенок, — слишком многое нужно осознать и принять. Со временем все уладится.

Он медленно поворачивается ко мне лицом и сверлит меня суровым взглядом.

— Какой ребенок?

Я киваю, опускаю голову на руль, и в мозгу у меня крутится одно: «О, черт!»

Глава 24

Смеркается. Мы с Рассом стоим во дворе и перебрасываемся бейсбольным мячом в последних лучах солнца, а Клэр орет по телефону на Стивена, который трезвонит каждый час по нескольку раз и требует встречи. Вся округа полна приглушенных звуков пригородного вечера — стрекота сверчков, мелодичного лязга собачьих цепей, еле слышного брэнчанья воздушных компрессоров и эха шлепков кожи о кожу, когда бейсбольный мяч приземляется в плетеные ладоши наших потрепанных рукавиц. Обычно для меня это полночь — пора дня, когда меня охватывает ощущение абсолютной пустоты жизни, как правило, я сижу на крыльце, успев сделать три-четыре глотка «Джека Дэниелса».

Мне просто нужно немного времени, чтобы все обдумать! Из окна до нас доносится бесплотный голос Клэр — полуплач, полукрик.

— Звучит скверно, — произносит Расс, бросая мне мяч. Тот со звучным шлепком приземляется ко мне в рукавицу.

— Точно, — соглашаюсь я, прицеливаясь и бросая мяч обратно. Я слегка промахиваюсь, но Расс вытягивает руку и с легкостью ловит мяч.

— Есть хоть кто-то, кто еще не разошелся?

Вжик... шмяк.

— Не знаю. — Вжик... шмяк. — Похоже на эпидемию.

Стивен, прекрати со мной торговаться! Мы не в Средневековье. Брак не сделка!

— Как ты думаешь, вы с мамой остались бы вместе?

Вжик... шмяк.

— Хочется надеяться. Мы были счастливы вместе.

— Это точно. Но все-таки у вас тянулся медовый месяц.

Вжик... шмяк.

На мгновение я задумываюсь.

— Наши отношения не были идеальными. В смысле, иногда мы ссорились. Твоя мама любила, чтобы все лежало на своем месте, а я неряха и разгильдяй. Иногда ее смущало, что она намного старше меня, и мне не всегда удавалось ее успокоить. Иногда я даже подтрунивал над ней из-за этого.

— Почему?

— Потому что я скотина, — я пожимаю плечами. — Не знаю. Пожалуй, мне нравилось думать, что такая женщина, как она, боится меня потерять.

Вжик... шмяк.

— Наверное, это ее раздражало.

— Думаю, просто огорчало.

Вжик... шмяк.

— Так что еще неизвестно, что было бы дальше, — произносит Расс.

Ты думаешь, мне это нравится? Думаешь, однажды утром я проснулась и сказала себе: «Сегодня чудесный день, чтобы испортить Стивену жизнь»?

— Мне кажется, мы хотя бы попытались, — признаюсь я, бросая ему мяч. — У твоей матери уже был за плечами неудачный брак, и, казалось, она знала все подводные камни. Наши отношения могли закончиться, только если бы я все испортил.

Вжик... шмяк.

— И в этом было ваше преимущество, да? — спрашивает Расс, слегка ухмыляясь.

— Верно, — соглашаюсь я и внезапно чувствую себя так, будто из меня выпустили воздух.

Я не рассказываю Рассу, что иногда смотрел на Хейли и, к своему стыду, думал о том, каково мне будет, когда ей исполнится пятьдесят, а мне всего тридцать девять, захочется ли мне быть с женщиной старше меня, когда она состарится. Я не рассказываю ему, что время от времени — даже сейчас — я испытываю смутное облегчение от того, что мне никогда не удастся испортить наши отношения, что Хейли умерла до того, как по моей милости все неминуемо пошло бы прахом, потому что иногда мне кажется невероятным, что я ничего бы не испортил. Ведь я портил все и всегда. Я не рассказываю ему, что до сих пор изо всех сил пытаюсь забыть, как она иногда на меня смотрела, будто видела меня впервые и не могла понять, как же ее угораздило так сильно меня переоценить. Как в такие моменты я не думал, а знал, что в один прекрасный день она захочет от меня отделаться. Есть вещи, о которых не говорят вслух, даже наедине с

собой — грешные мысли, которые можно лишь хранить в душе в надежде на будущее отпущение.

Все, что я сейчас могу, — побороть отчаяние, которое готово обрушиться на меня, словно внезапный ливень, и приглашающе хлопнуть по бейсбольной рукавице. Расс усмехается и высоко бросает мяч, который я легко ловлю; слышно только, как стрекочут сверчки, мяч шлепается о рукавицы, да время от времени закричит Клэр. Все-таки приятно перебрасываться мячом с Рассом, теперь я понимаю, почему так повелось, что отцы играют в мяч с сыновьями. Мы вместе, мы заняты интересным делом, но держим дистанцию: мыверяем друг другу сокровенные мысли, не выдавая своих чувств, а если мы не можем о чем-то сказать вслух, мы бросаем мяч. Я слышу звонкие шлепки жесткой кожи о мягкую и знаю, что сообщение передано.

Стивен, я кладу трубку! Нет! Я кладу трубку!

— Спасибо, что поговорил с Джимом, — говорит Расс. — Мне намного легче, потому что я знаю, что скоро перееду сюда.

— Не за что.

— Я впервые чувствую себя чуточку лучше с тех пор как... ты знаешь.

— Я рад.

— Так что, похоже, ты теперь опять мой отчим.

— Похоже на то.

— И как тебе это?

На секунду я задумываюсь.

— Нормально, — отвечаю я.

— Вот и хорошо.

Вжик... шмяк.

Глава 25

Лейни Поттер хочет, чтобы я обсуждал с ней ее вагину. *Расскажи, как ты любишь мою влажную киску.* Она так и говорит, засовывая язык мне в ухо, когда мы голыми катаемся по кровати в комнате для гостей. Разговаривая о сексе, я всегда испытываю неловкость во всем, что касается вагины. Ну в самом деле, не называть же ее «вагиной». Но любые другие названия звучат грубо или как-то уж очень по-детски, так что я чувствую себя актером в дешевой порнухе. В итоге я никогда прямо о ней не упоминаю, а говорю околичностями, как раньше о теще. «Мама» — об этом и речи быть не могло. «Шарлотта» — звучало до смешного формально. Поэтому я просто кивал и говорил «Привет», как будто хотел сказать: «Привет, принести вам еще чаю?» Теперь же, занимаясь сексом, я думаю о своей бывшей теще, а ни от чего так не пропадает эрекция, как от подобных мыслей. Поэтому я просто гоню их из головы и стараюсь сосредоточиться на том, чем сейчас занимаюсь, но с тех пор, как Лейни освоилась настолько, что начала во время секса говорить сальности, это не так-то просто. Если хотите знать, она ведет себя уж слишком по-свойски.

Лейни любит поговорить. *О да!* — произносит она и признается: *Я так по тебе соскучилась! О боже, ты такой страстный! Я хочу, чтобы ты вошел в меня прямо сейчас!* — стонет Лейни. А потом, вырубивая на взлетную полосу оргазма, она подробно и в красках комментирует происходящее: *О боже, я кончаю! Не сейчас, не сейчас. О-о-о-о-о-о-о!* *Так приятно, что ты во мне, о боже, о боже, моя киска такая влажная, я истекаю соком. Да, да, не останавливайся, не останавливайся! Не убирай оттуда пальцы, о боже, да! Я кончаю! Я кончаю! Я кончаю!*

Я не привык, чтобы партнерша комментировала секс, меня это отгалкивает. Я задумываюсь о том, действительно ли я лежу меж ее бедер, потому что, если это так, зачем ей надо мне об этом сообщать? Почему она не может просто мычать, стонать и визжать, как взрослая?

Когда мы закончили, она обвивает меня ногами, массирует пальцами мою задницу и покусывает меня за шею.

— М-м-м-м-м, — мурлычет она и лижет мой подбородок, словно это сливочный рожок. — Я так по тебе соскучилась.

— Я тоже по тебе скучал, — говорю я.

Она улыбается и поднимает на меня глаза.

— Это ложь, — возражает она, — но ложь во благо. — Она целует меня в нос и опрокидывает на спину, мы лежим бок о бок. — Я знаю, Дуг, тебе это кажется странным. Каждый из нас получает что-то свое от того, чем мы занимаемся. Но ты красив, ты сногшибательный любовник, и я не хочу, чтобы ты считал себя обязанным мне врать. Я уже большая девочка, и я изо всех сил попытаюсь в тебя не влюбиться, ладно?

— Ладно, — соглашаюсь я и целую ее веко.

— А сейчас, — продолжает она, — я тебя все время хочу. Я ни о чем другом не думаю.

— Я тоже тебя хочу, — признаюсь я.

Она наклоняется и целует меня в губы.

— В это я верю.

Какое-то время мы лежим молча, а потом, к нашему общему удивлению, я говорю:

— Я думал о том, чтобы снова начать ходить на свидания.

— Ого! — произносит она, не в силах скрыть испуг, отразившийся на ее лице. — Ты считаешь, что готов к этому?

— Не уверен, — отвечаю я. — Я сам не знаю, к чему готов.

Она облизывает пальцы, лезет ко мне между ног и обхватывает мой член влажным кулачком.

— Я знаю кое-что, к чему ты, кажется, готов, — говорит она, опираясь на руки, и целует мой живот, опускаясь все ниже и ниже. — Знаешь, как говорят?

— Нет, — отвечаю я, перекатываясь на спину. — И как же?

Из-под одеяла доносится ее приглушенный голос; я чувствую ее груди на своих ляжках. Ее губы дрожат, и у меня снова встает.

— Зачем покупать корову, если можно доить ее бесплатно?

Потом она принимается за меня всерьез, и я закрываю глаза, подчиняясь ее влажным горячим губам, а Лейни изо всех сил старается заглотить член целиком.

Спустя некоторое время мы поднимаемся по лестнице и застаем на кухне Клэр и Расса, которые втихую едят мясной рулет Лейни прямо с противня.

— Привет, — неловко говорю я. — А я и не знал, что вы дома.

— Мы сидели тихо, — отвечает Расс. — Не то что некоторые.

— Я Клэр, — Клэр машет нам со своего места. — Сестра-близнец этого долбоеба. Наверняка он вам все обо мне рассказал.

— Приятно познакомиться, — говорит Лейни, заливаясь румянцем, характерным для рыжих; похоже, будто она сейчас самопроизвольно загорится. — Привет, Расс.

— Привет, миссис Поттер, — кивает Расс. — Отличный рулет.

— Рада, что тебе нравится.

— Поужинаете с нами? — предлагает Клэр.

— Нет, — отказывается Лейни громче, чем хотела. — Думаю, мне лучше уйти. Мне надо... идти. Спасибо за приглашение.

— Ну что ж, спасибо вам за то, что вы были моему брату таким верным другом, — произносит Клэр без малейшей иронии.

— Не стоит, — отвечает Лейни, буквально спасаясь бегством с кухни.

— Извини, что так получилось, — говорю я ей в дверях.

— Я до сих пор дрожу.

— Испортили нам всю музыку, да?

Она стремительно обнимает меня и шепчет мне на ухо:

— А мы еще сыграем.

Она выходит из дома и мчится по лужайке, как будто за ней гонится стая бешеных собак.

Вернувшись на кухню, я вижу, что для меня оставлено место, а Клэр и Расс молча едят мясной рулет.

— Ладно, — произношу я. — Она ушла.

Они продолжают есть, притворяясь безразличными; потом Клэр указывает на меня вилкой.

— Ну все, — говорит она. — С этого дня я сплю в комнате Расса.

И тут они оба теряют самообладание, стучат по столу, хохочут, как ненормальные, до слез, и мне ничего не остается, как присоединиться к ним.

— Послушай, Расс, — говорю я спустя некоторое время. — Мне жаль, что ты это видел.

— К счастью, я ничего не видел, — возражает Расс, вытирая глаза. — Но кое-что слышал.

— У меня просто уши завяли, — признается Клэр.

— Я не хочу, чтобы вы это неверно поняли.

— Я так понял, что ты натягивал миссис Поттер, которую я всегда считал самой горячей и соблазнительной домохозяйкой Нью-Рэдфорда. И что из этого неверно?

Я валюсь на стул наискосок от Расса.

— Все, — устало отвечаю я. — Все неверно.

— Если тебе так с ней плохо, отправь ее ко мне, чувак. Я тоже страдаю, ты знаешь. И такой шанс не упущу.

— Верно или неверно, но если она трахается так же, как готовит, я готова сама с ней спать, — произносит Клэр, пододвигая ко мне тарелку. — Рулет просто объеденье.

— Ты его честно заработал, — говорит Расс, и они опять заливаются смехом.

— Послушай, — спустя некоторое время продолжает Клэр, — нет ничего плохого в том, чтобы время от времени заниматься сексом, но нам с Рассом кажется, что тебе пора искать себе более подходящую партию.

— И ты тоже в этом участвуешь? — спрашиваю я Расса.

— Как она и сказала, — ухмыляется Расс и отрезает себе еще один кусок рулета.

— Итак, результаты моего масштабного исследования показали, что лучшая партия для тебя — некая Сабрина Баркли. Ты ее знаешь? — интересуется Клэр.

— Нет.

— Вот и хорошо. Тогда это будет свидание вслепую.

— Нет уж, спасибо.

— У тебя нет выбора, Дуг. Ты согласился меня слушаться, так будь добр. Просто согласись.

— А твое масштабное исследование учитывает информацию помимо той, что ты узнала из разговора с Мэнди Сивер?

— Эта женщина — риелтор. Она знает толк в деталях.

— С чего ты взяла, что эта Сабрина вообще захочет пойти со мной на свидание?

— У тебя нет бывшей жены и детей. Ты закален случившейся трагедией, отмечен Божьей волей, а не запятнан тяжелым разводом. И

у тебя все волосы целы. Ты молод, строен и печален. Поверь мне, — заканчивает она, дожевывая кусок хлеба, — ты прекрасен.

— Молод, строен и печален, — повторяю я. — Кто бы мог подумать?

— И к тому же я уже с ней поговорила.

— Ты договорилась о свидании за меня?

Клэр откусывает кусок мясного рулета.

— Я веду дела, Дуги.

— Клэр!

— Я всю жизнь Клэр. Ты ничего не теряешь. В самом худшем случае, если она тебе совсем не понравится, вы быстро поужинаете и разбежитесь в разные стороны. В лучшем случае ты сможешь переспать с незамужней женщиной, а это, мне кажется, шаг в правильном направлении, ты не думаешь?

Я вздыхаю.

— Что ты о ней знаешь?

— Она инструктор по аэробике, сложена как модель, и по договору после развода у нее осталось собственное неплохое состояние.

— В общем, толком ничего.

— Дуг, это всего лишь свидание. Я думаю, ты можешь урвать пару часов из своего напряженного графика — спать, пить, тарашиться в пространство. К тому же благодаря тебе Стивен знает о ребенке, и мне теперь не будет ни минуты покоя, поэтому ты мой должник.

— Но это все равно бы случилось, тебе не кажется?

— Это и случилось.

Я вздыхаю и перевожу взгляд на Расса.

— А ты к этому как отнесешься?

Минуту он задумчиво жует, а потом решительно бьет ладонью по столу.

— Чувак, ты спас меня от Джимбо. По-моему, ты не можешь ошибаться.

— Нет, серьезно, — говорю я, — я хочу знать, как ты отнесешься к тому, что я начну ходить на свидания.

Расс откидывается на стуле и смотрит на меня, слегка зардевшись.

— Моя мать была классная, правда? Тебе понадобится немало времени, чтобы найти женщину, которая сможет хоть в чем-то с ней

сравниться, так что, я думаю, пора начинать искать.

— Ты уверен?

Он кивает.

— Ага.

— Ну ладно, — говорю я Клэр. — Когда?

— В пятницу вечером.

— Договорились. В пятницу вечером.

Клэр улыбается и поднимает бокал:

— За Сабрину Баркли. Пусть она окажется сердечной, открытой, страстной и равнодушной к печальным худым мужчинам.

Расс поднимает банку кока-колы и улыбается.

— За Сабрину Баркли, — повторяет он.

— За Сабрину Баркли, — присоединяюсь я, поднимаю бокал и чокаюсь с ними. Мы пьем за Сабрину Баркли, едим рулет Лейни Поттер, а я все время думаю о Брук Хейз, и эта густая мешанина из женщин значит одно из двух — либо я пока отнюдь не готов вернуться к нормальной жизни, либо уже созрел окончательно.

Глава 26

— Я поклялась, что никогда больше не пойду на свидание вслепую, но, видите ли, ваша сестра была так убедительна... Вам с ней повезло. Вот бы и обо мне кто-то так заботился! Но дело в том, что, если ты разведена и живешь здесь, надо быть очень открытой и общительной. То есть я пыталась знакомиться по интернету, но это же одна головная боль. Часами просиживаешь за компьютером, пытаюсь отсеять всяких уродов, и когда наконец тебе кажется, что ты нашла кого-то достойного встречи, выясняется, что мужчина прислал фотографию десятилетней давности, сделанную до того, как он полысел и набрал килограмм пятнадцать весу, или что он живет в подвальном этаже в доме у своей матери, или что он женат и просто ищет приключений на стороне — вы не поверите, сколько женатых мужчин знакомятся через интернет. Почему бы им просто не вызвать проститутку? Да, так о чем это я говорила? А да, что, когда представляется такая возможность, нужно быть открытой для хороших знакомств, ведь кругом столько придурков, ой, извините, да, пожалуйста. Я буду лосося, зажаренного на огне и без соуса, а вместо картофельного пюре — овощи на пару, а то я сейчас стараюсь есть поменьше углеводов. Спасибо. Ну так вот, ваша сестра мне сказала, что с тех пор, как ваша жена умерла, вы практически не выходили из дома, — ничего, что я говорю о вашей жене? Простите, я поклялась себе, что не буду, терпеть не могу, когда на свидании мужчина только и говорит, что о своей бывшей. Это так скучно, правда? У каждого свои проблемы, каждый начинает рассказывать, что развелся не по своей вине, что он потерпевшая сторона и тому подобное. Я сама в разводе и достаточно повидала: я знаю, что в большинстве случаев виноваты оба, а если мужчина утверждает, что невиновен, я просто не смогу ему доверять, так что пусть не рассказывает. Может, он и не изменял, но ведь, помимо измены, есть куча способов испортить брак, верно? Просто так получается, и если мужчина что-то вынес из пережитого, мне все равно, по чьей вине они развелись. Меня не волнует ни прошлое, ни будущее, мне важно то, что происходит здесь и сейчас, — какой мужчина сейчас, чего он ищет, понимаете? Я не изменяла Гари, хотя, видит бог, возможности у меня были. Когда работаешь в

спортзале и ходишь в обтягивающей одежде, подворачивается куча случаев. И Гари мне не изменял, по крайней мере он на этом настаивает, хотя, на мой взгляд, он слишком быстро завел новый роман. Все мои подруги уверены, что его роман начался еще до того, как мы развелись, но знаете что? Мне сейчас до этого совсем нет дела. Если и так, флаг ему в руки. Наши отношения испортились задолго до этого. Думаю, после того как у меня родился Джейсон, это мой сын, ему уже семь лет... Что? Я знаю. Никто не верит, что у меня есть ребенок. Вот что значат приседания, хотя, думаю, я генетически худая. Моя мать была очень худая; у меня такая же фигура, вот только у меня, слава богу, есть грудь. Мать абсолютно плоская. Да, так о чем это я? Точно, после рождения Джейсона мы с Гари стали совсем чужими. Нам хотелось разного, понимаете? Он хотел, чтобы у нас были еще дети, хотел сидеть дома и потихоньку стареть, а мне снова хотелось жить... ой, отлично, спасибо. Выглядит восхитительно. Это обезжиренный бальзамический соус? Замечательно. Ну, так о чем я говорила? Я слишком много болтаю. Давайте поговорим о вас. Мне так нравится ваша колонка. Я восхищаюсь теми, кто пишет. Мне трудно даже писать благодарственные записки после празднований дня рождения Джейсона. Вы всегда хотели быть писателем?.. А чем занималась ваша жена, если не секрет? Черт! Я снова заговорила об этом. Я поклялась перед Богом, что не упомяну о ней, если вы сами не заговорите. Нет ничего хуже, чем на первом свидании обсуждать первый брак. Думаю, это потому, что вы первый вдовец, с которым у меня свидание, это совсем другая динамика. На вас не давит груз, который тяготит разведенных, верно?.. О, я уверена, что у вас свое время, я имею в виду, у каждого своя ноша, правда? Есть что-то необычное в мужчине, который был женат и при этом не испытывает ненависти и злости... Правда. К кому, к Богу? О! Правда? Мне кажется, я не знаю ни одного атеиста. То есть, конечно же, я могу это понять, после всего, что вы пережили... Знаете, я, как и все, сомневалась, но я не представляю, как можно не верить, что Он так или иначе там есть, ведь все имеет свою причину. В смысле, я должна в это верить, иначе все лишь хаос. Я не в восторге от официальных религий, я имею в виду, я ходила в католическую школу, но только потому, что мои родители полагали, будто там я получу лучшее образование. Для меня все едино. Иисус, Всевышний, Аллах, Будда,

кто угодно. Кто-то должен управлять космическим кораблем, вот и все. Иначе какой во всем этом смысл?.. Да, пожалуй, не обязательно должен быть смысл, но мне спокойнее думать, что он есть. Вот это да. Религия, бывшие супруги — да, мы нарушаем все правила первого свидания, вы согласны? Надеюсь, я не выгляжу полной дурой. Я не такая, просто трудно вот так сидеть с кем-то, кого ты совсем не знаешь, понимаете?.. Спасибо. Вы намного приятнее, чем я полагала, особенно по сравнению со всеми этими неудачными свиданиями. Скажите, я правда первая, с кем у вас свидание после того, как, ну, ваша жена умерла? Правда? О господи. У меня просто от сердца отлегло! Шучу. Я шучу. Но все-таки мне кажется, я обязана сделать так, чтобы у вас осталось положительное впечатление. Ведь первое свидание не забывается, правда? Первого мужчину, с которым у меня было свидание после развода, звали Чарли, мы познакомились в спортзале. Это было что-то ужасное. Он весь вечер в подробностях рассказывал мне всю свою сексуальную жизнь — с тех пор, как он впервые онанировал, до девушки, с которой трахался неделю назад, а когда я отказалась с ним переспать, он был просто в шоке. А теперь я первая женщина, с которой у вас свидание. И что вы обо мне скажете?.. Что? Ха-ха! Вы очень забавный, вы знаете это? Нет, спасибо, я не буду десерт. Спасибо, я не хочу. Но если хотите, вы себе закажите.

— Все было здорово. Спасибо. Я обожаю эту песню, пожалуйста, сделайте погромче, ладно? Я люблю Бейонс. Вот там налево, на Блэкстоун. Правильно. В смысле, не направо, а вы правильно повернули. Вот мы и приехали. Спасибо. Я знаю, для нас двоих дом великоват, но я к нему привязалась. К тому же, если я его продам, половину придется отдать Гари, а я, черт подери, не собираюсь оплачивать новый «мерседес» его невесты... Ну, может, вы зайдете ненадолго? На этих выходных Джейсон у Гари... Послушайте, Дуг, вы мне нравитесь. Вы красивы и милы, и я уже поняла, что вы добры и великодушны. Не стану скрывать, вы мне очень понравились; думаю, нам будет хорошо вместе. Я знаю, что вы только-только возвращаетесь к нормальной жизни. Я не хочу, чтобы вы думали, будто что-то обязаны делать. Я вовсе не шлюха, которая прыгнет в кровать к любому, кто пригласит ее поужинать. Если мужчина мне не нравится, я с ним не лягу, а вы мне нравитесь. Не хотите — не надо, я пойму. Я

просто предложила. Это вас ни к чему не обязывает. Если мы станем друзьями — отлично. Конечно, я очень страстная, очень сексуальная, и мне говорили, что в постели я супер, так что... Вы уверены? Ладно, я понимаю. Нет, все в порядке. Для того Господь и придумал вибраторы, правда? Шучу, шучу! Послушайте, я надеюсь, вы не думаете, что я потаскуха, я не такая, честно-честно. Просто достойные мужчины попадаются так редко, поверьте мне, поэтому, когда мне встречается такой мужчина, я стараюсь не притворяться... Ладно. Все в порядке. Поверьте мне, я все понимаю. Дайте-ка я вас поцелую... М-м-м-м. Вы точно не передумали? Ладно. Ну что ж, было очень приятно с вами познакомиться. Позвоните мне, хорошо? Можно я вас еще раз поцелую?.. Я тоже. Ладно. Спокойной ночи. А вы не могли бы подождать и посмотреть, что я благополучно дошла до дома? Ненавижу возвращаться в пустой дом. Спасибо. Ладно, пока. Поцелуйте меня еще раз... М-м-м-м. О боже, вы потрясающе целуетесь. Ладно. Я ухожу. Передавайте привет сестре...

Глава 27

В Нью-Рэдфорде одна из лучших государственных средних школ в стране. У нас богатые библиотеки, красивые парки, чистые улицы, образцовый полицейский участок, отличные магазины. Но чего нет нигде в округе, так это ни одного достойного стриптиз-клуба. Несколько лет назад кто-то пытался открыть один, но ничто так не будоражит спальный район, где обитает верхушка среднего класса, как угроза сисек и задниц. Местные адвокаты бесплатно предлагали свои услуги по подаче ходатайств в суд, зажиточные горожане субсидировали оппозицию, несколько минивэнов пикетировали место предполагаемого строительства, а представители объединившихся местных семейств и религиозных организаций буйными толпами осаждали заседания совета по зонированию, чтобы удостовериться, что заявления и все последующие апелляции будут отклонены. Теперь по иронии судьбы те же самые мужчины, которые не жалели времени и денег на то, чтобы не допустить появления в городе стриптиз-клуба, вынуждены сорок минут ехать до Манхэттена, когда им хочется полюбоваться, как гологрудые девицы в набедренных повязках вертят задом.

Даже до женитьбы я не любил ходить в стриптиз-клубы. Не в силу каких-то высоких моральных соображений и не потому, что это низводит женщину до положения вещи — я верю в право женщины выбирать, быть ей вещью или нет, — но потому, что не могу не смотреть на себя глазами танцовщиц: холодная бессловесная жертва, слишком жалкая, чтобы самостоятельно завести знакомство с женщиной. Однако после смерти Хейли все женатики сочли меня идеальным оправданием для такого рода походов. Пойти в стриптиз-клуб — гнусное и убогое проявление женоненавистничества, но стоило им взять с собой меня, как это превращалось в гуманитарную миссию, благородное доказательство дружбы и сострадания, встречу мужчин, которые хотят подбодрить грустного одинокого вдовца. Оправдание довольно слабое, но когда дело касается голых женщин, это все, что нужно мужчине. И поэтому, надежно припрятав это объяснение как возможное средство самозащиты, которое они никогда не предъявят своим женам,

женатики звонили мне и убеждали, что мне только пойдет на пользу, если я пойду с ними развлечься. Я знал, что от общества женатых мужиков средних лет, болтающих на интимные темы с обнаженными танцовщицами, которые извиваются у них на коленях, мне станет только хуже, но иногда было проще согласиться, сжав зубы, и потерпеть, чем все это им объяснить. Так что однажды вечером меня, словно талисман команды, затащили в один из таких маленьких клубов — не играть, но поднимать командный дух.

Сначала я решил, что просто посижу у барной стойки или на диване, накачаюсь разбавленным водой спиртным, постукивая по полу ногой в ритм хард-року восьмидесятых, и отключу мозги, пока все не кончится. Но тут я понял еще одно: каждый готов заплатить стриптизерше, чтобы та станцевала на коленях молодого убитого горем вдовца. Как будто, если у меня перед носом какая-то девица будет размахивать своими блестящими напудренными сиськами, это как-то облегчит мою боль. Я вдруг обнаружил, что кричу на мужиков из моей компании, бросающих девушкам деньги, уговаривая показать мне небо в алмазах, а потом отбиваюсь от настойчивых заигрываний стриптизерш, которые почуяли наживу и готовы выжать из ситуации по максимуму. Тогда я пошел за танцовщицей, выбранной для меня приятелями, по полутемному коридору в VIP-кабинет, но, едва очутившись вне поля их зрения, я тут же улизнул из клуба, на пачку двадцаток, которую эти доброхоты сунули мне для танцовщицы, поймал такси и вернулся в Нью-Рэдфорд. Больше меня в стриптиз-клубы никто не приглашал.

— Мы идем к телкам, — заявляет Макс. — Как только все закончим.

Макс — младший брат Майка, симпатичный парень лет двадцати пяти, из тех, кто до сих пор говорит «клево», «чувак» и «телка»; он уже успел мне рассказать, ни к селу ни к городу и нимало не смущаясь, что у одного парня из их студенческого братства «громадный дом в Хэмптонсе и по выходным там моделей, как сельдей в бочке. Вот бы типа тебе там побывать, чувак. Я тебя впишу». Мы разговариваем, и я представляю, как Майк в футболке с эмблемой своего студенческого братства посасывает пиво через шланг, похлопывает первокурсниц по голым задницам и насилует находящихся в полубессознательном состоянии девчонок из университетского женского клуба.

В понедельник днем все участники брачной церемонии Майка собрались в примерочной «Ателье смокингов Геллерса» в Нижнем Манхэттене на подгонку серых жилетов и фалд. Я надеялся, что Майку хватит ума не заставлять шаферов вырядиться как на парад, но я забыл, что командует этим парадом не Майк, а Дебби, и она хочет, чтобы все шаферы разоделись, как Кеннеди. Кроме меня и Макса в свадебной церемонии со стороны Майка участвуют парень по имени Пол, который работает в хедж-фонде, и Рич, инвестиционный банкир, они живут по соседству с Майком. Оба не переставая отвечают на звонки по мобильным и то и дело проверяют свои КПК. А еще, к моему смущению, здесь Дейв Поттер, муж Лейни, он партнер Майка по работе. Мне следовало ожидать, что он тоже будет, но я как-то ухитрился об этом забыть — может, потому что приучился не думать о его существовании.

Пол и Рич слишком озабочены собственной важностью: они болтают по мобильным и неистово трясут КПК, как будто вот-вот побьют рекорд в какой-то компьютерной игре. Я единственный из шаферов, кого Дейв знает, и поэтому он устремляется ко мне, во время примерки мы болтаем.

— Я читаю твою колонку, — говорит он. — Просто удивительно, как у тебя получается писать так откровенно, но при этом с юмором. У тебя настоящий талант.

— Спасибо.

— Точно-точно. Надеюсь, Лейни не достает тебя своими вечными визитами и обедами.

Странно слышать ее имя, которое он произносит так непринужденно.

— Нет, — отвечаю я, — это очень мило с ее стороны.

— Иногда она немножко перебарщивает.

Я вспоминаю, как Лейни сидит на мне, зажмурившись и открыв рот; золотисто-каштановые волосы растрепались и спадают ей на лицо, а она подпрыгивает на мне и стонет от наслаждения.

— Все в порядке, — говорю я. — Она хороший товарищ.

Дейв снимает рубашку, которую примерял, и при виде жировых складок на животе и обвисшей груди мужчины, который не подозревает, что я сплю с его женой, мне становится еще хуже. Для своих сорока пяти Дейв выглядит недурно, но он женился на молодой

секс-бомбе и расслабился, и мне очень хочется схватить его, подтащить к зеркалу в примерочной и сказать: «Посмотри на себя, придурок. Чего же ты ждал?» Я ловлю себя на том, что делаю было шаг вперед и открываю рот, чтобы сказать ему это, потому что в перспективе так будет лучше для нас обоих, но тут Макс заявляет про телок. Дейв кивает головой, произносит: «Вот это другой разговор!», и заговорщически мне улыбается, в эту минуту мне становится уже не так неловко перед ним, а позыв рассказать ему все проходит раньше, чем я успеваю вляпаться в большие неприятности, чем те, в которые уже попал.

Макс ведет нас в дорогой мужской клуб в нескольких кварталах от ателье — с пунцовыми бархатными шнурами и колоннами. Открывший нам дверь тяжеловес в костюме от «Армани» здоровается с ним по имени. Я обдумываю, как бы половчее извиниться и сбежать, но мы с Майком только-только зарыли топор войны, и мне не хочется, чтобы по моей вине между нами возникли новые недоразумения. Поэтому вскоре я вместе с другими парнями уже сижу на длинном угловом диване в полутемном клубе. Макс направляется к бару, чтобы предъявить карточку члена клуба, и останавливается поглазеть на двух женщин, танцующих у шеста, тогда как другие танцовщицы, работающие в этой комнате, кружат вокруг нас, словно хищные птицы, в туфлях на высоких каблуках, едва прикрытые кружевами. Спустя несколько минут Рич вытаскивает пачку денег и покупает для Майка первый танец на коленях. Брюнетка с маленькой грудью и начесом, в расшитой блестками набедренной повязке наклоняет к нему свой обнаженный торс, гладит, медленно двигаясь в такт музыки, его бедро и что-то шепчет на ухо. Весь клуб мгновенно облетает слух о мальчишнике, и вскоре нас окружает больше танцовщиц, чем нужно. Пол хватает высокую блондинку и отправляется в комнату для шампанского, не переставая трепаться по телефону, а Майк, Макс, Рич и Дейв довольствуются танцем на коленях прямо на кушетке.

Я скучаю по жене.

— Эй! — кричит Майк, выглядывая из-за своей стриптизерши, которая сидит у него на коленях спиной к нему, вращает бедрами и трется о его промежность. — Кто-нибудь, позаботьтесь о Дуге.

— Я в порядке, — отвечаю я, поднимая бокал. — Сегодня твой день, а не мой.

— Фигня, — не соглашается Майк. — Макс, найди ему девушку.

— Я сейчас немного занят, чувак, — отвечает Макс. Он полулежит на кушетке и пожирает сладострастным взглядом миниатюрную рыжую стриптизершу, прыгающую у него на коленях.

— Ты мой шафер, Макс, — настаивает Майк. — Займись делом.

— Не дергайся, Макс, — говорю я и быстро встаю. — Я сам о себе позабочусь.

Я иду к барной стойке в дальнем конце зала и заказываю виски с колой. Штука в том, чтобы не останавливаться ни на минуту и не стать неподвижной мишенью для слоняющихся по залу танцовщиц. Я жду выпивку и наблюдаю в зеркало позади стойки за тем, как Майк и остальные флиртуют с девицами, которые сидят у них на коленях: парни что-то им шепчут, балагурят и хлопают друг друга по руке. Дейв, кажется, совершенно очарован своей танцовщицей, азиаткой с непропорционально большой грудью, он шарит руками по ее заднице — возмутительное нарушение этикета стрип-клубов, но Дейв, должно быть, не скупится на чаевые, потому что девушка, похоже, не имеет ничего против.

— Привет, — произносит брюнетка с плоским некрасивым лицом, длинными лошадиными ногами и в прозрачном топике; касаясь моего плеча, она боком садится на стул рядом со мной. — Я Шони.

— Привет, Шони, — здороваюсь я.

— А тебя как зовут?

— Джек.

Она первая солгала.

— Джек, хочешь пойти со мной в комнату для шампанского?

— Нет, спасибо.

— А как насчет танца на коленях?

Я вытаскиваю из бумажника двадцатку.

— Вот, — говорю я. — Видишь того парня с брюнеткой на коленях?

— Ага.

— Его зовут Майк. Иди, станцуй у него на коленях и скажи, что это от меня.

— Майк, — повторяет она.

— Верно, — соглашаюсь я. — Но скажи ему, что тебя зовут Дебби, ладно?

— Кто такая Дебби?

— Кто такая Шони?

Она ухмыляется.

— Дебби так Дебби.

Я допиваю виски, заказываю еще и поворачиваюсь посмотреть, как она снимает топик и залезает к Майку на колени. Он наклоняется, чтобы из-за нее взглянуть на меня, и я поднимают бокал. Майк недоуменно смотрит на меня, но тут начинается песня, что-то из «Блэк-айд пиз», и Майк скрывается за изгибающейся спиной Шони.

Двадцать минут спустя я все еще сижу в баре и с отвращением осознаю, что, выжидая, когда можно будет уйти, перебрал с выпивкой и не смогу вести машину. Тут ко мне подходит Майк.

— Дуг, — пьяно выговаривает он, — я хочу тебе что-то сказать.

— Ладно, — соглашаюсь я. Сейчас я уже и сам изрядно пьян.

— Мне как-то не по себе, что мы с тобой оказались тут, — признается Майк, садясь рядом со мной на табурет у стойки. — Ну, я женюсь на твоей сестре, а вот поди ж ты — я в стриптиз-клубе.

— Не переживай, — успокаиваю его я, — это всего лишь невинное развлечение.

— Точно, — кивает он, — я просто хочу, чтобы ты знал: я очень люблю Дебби и никогда не сделаю ничего такого, что может ее оскорбить.

— Я верю.

— Все это какая-то фигня про мужскую дружбу.

— Я знаю, Майк. Не переживай.

— Дебби в сто раз сексуальнее, чем все эти цыпочки, — гордо признается он, широко обводя рукой клуб.

— Как и Лейни Поттер. Но Дейва это не останавливает, — отвечаю я. Мы оборачиваемся и смотрим на Дейва, который зарылся лицом меж гигантских грудей танцовщицы и подбрасывает ее на коленях в такт музыке. — Видели бы его сейчас ваши клиенты!

— Так ты думаешь, Лейни Поттер красивая? — интересуется Майк.

Я опускаю глаза на свой бокал и недоумеваю, зачем вообще я о ней заговорил.

— Не знаю, — отвечаю я. — В общем-то, не в этом дело.

— Точно, — соглашается Майк, уводя меня от барной стойки, — дело в том, что ты мой приятель, тебе пришлось многое пережить, и мы с парнями хотим оплатить тебе танец.

— Не стоит беспокоиться, правда, — возражаю я.

— Сядь и получай удовольствие, — настаивает Майк, толкнув меня на кушетку, остальные подбадривают меня пьяными криками. Макс наклоняется ко мне и шепчет, словно доверяя государственную тайну, что за лишнюю сотню кое-кто из девушек согласится перепихнуться в комнате для шампанского. Я не успеваю опомниться, как у меня на коленях сидит обнаженная крашеная блондинка с металлической заклепкой в языке. От девицы пахнет джином, лавандовым лосьоном для тела и детской присыпкой; ее длинные десны заставляют меня на секунду задуматься о том, у какого стоматолога стриптизерши обслуживаются по страховке.

— Привет, — говорит она, — я Ванесса.

— Джек, — представляюсь я, стараясь не встречаться с ней взглядом. Ей едва ли больше двадцати, от лосьона ее упругий живот блестит, как тротуар, и я с грустью вспоминаю тени для век, которыми пользуется Брук. А потом начинается песня — старая композиция «Ван Халена», которая напоминает мне о Джули Баскин, моей первой девушке в старших классах школы. Ванесса раскачивается и вертит бедрами у меня на коленях, а я закрываю глаза и вспоминаю вечеринку у кого-то дома: мы с Джули, крепко обнявшись, стояли на улице в тени дома, целовались и ласкали друг друга, а в доме играла та же песня. От нее пахло чистотой, как от душистого мыла, и на вкус ее губы были как жвачка «Джуси фрукт». Я до сих пор помню, как сильно был влюблен, как было невинно, возбуждающе и замечательно стоять на улице прохладным весенним вечером и целовать красивую девчонку, какими мы тогда были цельными, наивными — ни один удар судьбы не обрушился еще на наши головы. И как все было просто, потому что все это должно было длиться вечно. Мы даже не расстались — мы мирно разошлись, и несколько недель спустя, на другой вечеринке, каждый из нас уже был с кем-то другим и снова был влюблен.

— Эй, — тихо окликает меня Ванесса, все еще машинально вращая бедрами.

— Что? — спрашиваю я, открывая глаза.

— Ты плачешь.

— Аллергия, — отвечаю я, вытирая лицо тыльной стороной руки.

Ванесса наклоняется ко мне, так что ее лицо оказывается в паре сантиметров от моего, и я вижу тонкий выпуклый шрам над ее бровью. Он почти незаметен, скорее всего, она получила его еще в детстве. Я гадаю, как же она ухитрилась пораниться, и представляю себе молодую миловидную мамашу, которая прижимает к голове дочурки мокрую тряпочку, бежит с ней к доктору, а потом держит ее за руку, пока девочке зашивают рану, и чувствует боль дочери, как будто ей самой делают больно. Я недоумеваю, что же заставило ту милую малышку, у которой была такая любящая мама, свернуть с пути истинного, что привело ее в этот темный клуб, на колени к унылому, вялому парню.

— Извини, — говорю я, и она даже не может себе представить, за что я прошу прощения.

— Тебя не цепляет, — отвечает она, — что-то не так?

И, не успев опомниться, я признаюсь ей:

— Я скучаю по жене, — выпаливаю я так резко, что мы стукаемся лбами. — Я так по ней скучаю, что у меня словно шлакоблок в груди, который давит на легкие с такой силой, что я не могу дышать.

Я указываю на Дейва, который все еще сидит, зарывшись лицом в громадные сиськи азиатки.

— Видишь вон того парня? Я трахаю его жену. Никогда не думал, что способен спать с чужой женой. Платить симпатичной девушке за то, что она на мне поерзает, очень грустно даже при самых лучших обстоятельствах, но сейчас это грустно, потому что пара титек у моего лица — не самое печальное, что есть в моей жизни, и от этого еще грустнее, а мне уже надоело страдать, понимаешь? Я просто хочу снова дышать. Я устал засыпать каждую ночь, страшась проснуться, но я боюсь перестать страдать, потому что это будет значить, что я обо всем забыл и живу дальше, и она уйдет навсегда.

В продолжение этой тирады Ванесса, не переставая, медленно покачивает бедрами, а когда я умолкаю, она нежно проводит ладонью по моей щеке, касаясь мягкими пальчиками колючей щетины, и тихо прижимается лбом к моему лбу. Минуту мы сидим так, пока затихают последние такты песни.

— Джек, — нежно произносит она.

— Что? — отвечаю я, глядя в ее широко распахнутые зеленые глаза. И не успевает она заговорить, как я уже знаю, что она скажет.

— Хочешь пойти со мной в комнату для шампанского? Я станцую только для тебя.

Глава 28

На автоответчике моего мобильного четыре сообщения, и все от Лейни. По дороге домой из стриптиз-клуба я перезваниваю ей; мне удалось смыться сразу же после неудавшегося танца. Она берет трубку после первого гудка.

— Ты все еще с Майком и остальными парнями? — спрашивает она.

— Я ушел.

— Только что позвонил Дейв и сказал, что будет очень поздно.

Это уж точно.

— Вероятно, — отвечаю я.

— Ну и...

— Ну и?

— Я хочу увидеть тебя в своей постели.

Лейни открывает мне дверь в красном шелковом белье; длинные золотисто-каштановые волосы разметались по ее плечам. Я знаю, что должен порвать наши отношения, но она так чертовски красива, а по сравнению со стриптизершами выглядит такой чистой и цветущей, что мне вдруг кажется, будто я сегодня был на войне, так что я буквально падаю ей в объятия. Ее спальню освещает мерцание ароматических свечей, она усаживает меня на край высокой кровати с балдахином и медленно раздевает, целуя мою грудь и живот, а потом стаскивает с меня штаны и целует мои бедра. Раздев меня донага, она забирается ко мне на колени, обвивает ногами мою поясницу и языком раздвигает мне губы, а я изо всех сил стараюсь не думать о танце на коленях, который был всего час назад. Потом, не отрывая от меня взгляда, Лейни, извиваясь, сбрасывает с плеч бретельки пеньюара и стаскивает его, ее груди внезапно оказываются прямо перед моим лицом, словно двойной взрыв плоти. Она прижимает мою голову к своей груди. Поглаживая ее попку, я не могу не вспомнить о руках Дейва на заднице стриптизерши, о том, как жадно он зарылся лицом в ее груди. Кажется бы, он получил по заслугам, но мне все равно грустно, потому что мы все одинаковы. Дейв, стриптизерша, Лейни и я — все мы попались на одну удочку, все мы хотим того, чего у нас нет.

Когда мы кончаем, Лейни засыпает, и я тихонько подбираю с пола одежду. Я пробираюсь по покрытому ковром коридору и вдруг слышу, как в туалете спустили воду, и я замираю. Из туалета выходит четырехлетняя дочка Лейни, Ребекка, такая же рыжеволосая, как мама. В розовой пижамке она похожа на маленького ангела. Она смотрит на меня мутными от сна глазами, подходит и неожиданно тянется ко мне, чтобы я взял ее на руки.

— Уложи меня в кроватку, — говорит она сонно.

Я беру девочку на руки, она крепко обнимает меня и утыкается лицом мне в шею, так что я чувствую щекой ее пухлую щечку. В тусклом свете ночника в виде феи Динь-Динь я оглядываю розовые стены, плюшевое белое одеяло в розовых сердечках, набор мягких игрушек вокруг кровати. Я укладываю ее в постель и плотно укутываю одеялом. Я хочу выпрямиться, но тут она поднимает голову и, не открывая глаз, целует меня в подбородок.

— Я тебя люблю, — говорит она и отворачивается к стене Горячая дрожь в моей груди поднимается к горлу. Я на цыпочках выхожу из комнаты, пробираюсь по коридору и бегом спускаюсь на первый этаж.

Я возвращаюсь домой около полуночи, обнаруживаю, что у тротуара припаркована машина матери, и снова чувствую себя, как в шестнадцать лет: я вернулся домой после «комендантского часа» и попался, я занимался черт-те чем и недоумеваю, что именно известно родителям. Мать сидит на диване в гостиной и дремлет под Лено^[25], Клэр спит, положив голову ей на колени. Мать сидит, откинув голову на спинку дивана, ее прическа сбилась и смялась, макияж размазался, так что кажется, будто она не в фокусе. Левую руку она запустила в волосы Клэр, а в правой держит полупустой бокал вина, который каким-то чудом стоит вертикально у нее на груди, как будто мама заснула, не донеся бокал до рта. На столе пустая бутылка мерло, других бокалов не видно, и это хорошо (значит, Клэр ответственно относится к своей беременности), но и немного печально, потому что мать явно уговорила всю бутылку в одиночку.

Я тихонько берусь за ножку бокала, чтобы забрать его, но мать тянет бокал на себя.

— Возьми свой, — бормочет она, шевельнувшись.

— Привет, мам.

Она открывает глаза.

— От тебя пахнет сексом.

— Что ты здесь делаешь?

Она допивает вино в бокале и протягивает его мне.

— Но если ты занимался сексом, — зевнув во весь рот, продолжает она, — почему же ты не остался на ночь?

— Мама!

— На ум приходит несколько предположений, и ни одно из них не сулит тебе ничего хорошего.

— У меня все отлично, — возражаю я, падая в кресло.

— Хорошо выглядишь, — замечает она язвительно и сверлит меня суровым взглядом. — Ладно, Дуглас. В нашей семье секретов нет.

Я смеюсь.

— В нашей семье вагон секретов.

— Нет. Мы лжем. В семье ложь необходима. Иначе мы не смогли бы смотреть друг другу в глаза. Но поверь мне, секретов у нас нет.

На экране взвинченный Лено, подвывая, вещает таким голосом, словно он наглотался гелия.

— Я думал, ты Лено терпеть не можешь, — недоумеваю я.

— Я сижу на пульте.

Я протягиваю руку и выключаю телевизор.

— Так что же тебя сюда привело?

Она нежно убирает волосы с лица Клэр.

— Клэр нужно было со мной поговорить.

— И она позвонила тебе?

— А что, в это так трудно поверить? — обиженно парирует мать. — Ей сейчас нелегко, и она хотела поговорить со своей мамой.

— Ну что ты, я уверен, что все так и было.

Она с любовью смотрит на Клэр.

— Бедняжка несколько суток не спала. Она всегда так переживала стресс, еще с детства. А когда все совсем плохо, она может заснуть только так. Я приезжала к ней, и когда она жила в городе, и к ним со Стивеном. Я знаю, как ее успокоить.

— Я никогда об этом не слышал.

— Это точно. Ты не можешь знать все.

Я откидываюсь в кресле и закрываю глаза; мне грустно, и я испытываю чувство вины из-за несчетного количества причин.

— Прости, мам. Я не хотел тебя обидеть.

Она поднимает глаза и смотрит на меня.

— Не извиняйся. Ты же мой любимый сынок. Просто будь немного добрее. Не у тебя одного горе, знаешь ли.

— Я знаю.

— Вот и славно. А теперь будь так добр, налей мне еще вина.

Я поднимаю пустую бутылку и переворачиваю вверх дном.

— Может, хватит?

— Мне кажется, я только что попросила тебя быть добрее.

— Ты останешься на всю ночь?

— Я уеду на рассвете. Если, проснувшись утром, твой отец не увидит меня, он расстроится.

— Ты же устанешь.

— Посплю днем. Потренируюсь для дома престарелых.

Она закрывает глаза. В темноте не видно ее морщин, и она снова выглядит как моя мама, женщина, лежавшая ночами на моей кровати и рассказывавшая мне истории, которые всегда начинались словами: «Когда я была молода и красива...» Тут я всегда прерывал ее и говорил: «Ты и сейчас такая», а мама целовала меня в нос и продолжала: «Ну так представь себе, как я выглядела тогда». А потом, после рассказов, чтобы я уснул, она пела мне песни из мюзиклов. Иногда, засыпая, я все еще слышу, как она поет «Не плачь по мне, Аргентина». Сейчас она дремлет на диване у своего овдовевшего сына, убаюкав разведенную дочь, а потом уедет домой, чтобы ее больной муж в панике не разнес весь дом.

— Мам, — хрипло зову я, помотав головой.

Она открывает глаза.

— Все в порядке, Дуглас.

— Не все.

— Жизнь есть жизнь. Не бывает счастливых концов. Бывают счастливые дни, счастливые минуты. Единственный конец — это смерть, и поверь мне, никто не умирает счастливым. А за то, что ты не умер, приходится платить: жизнь все время меняется, и единственное, в чем можно быть уверенным, так это в том, что ты ничего не можешь с этим поделать.

— Жаль, что у нас все так вышло, — говорю я. — Тебе, наверно, больно за нас.

Она пожимает плечами.

— Если бы все было так просто, я никому не была бы нужна, и кто бы тогда обратил на меня внимание?

— Все дело в тебе, да?

— Жизнь — это сцена, а я — звезда спектакля.

— Хочешь, я тебе постелю?

— Просто принеси одеяло. Я останусь здесь, — отвечает она, глядя на Клэр с такой нежностью, что я отвожу взгляд. — Кстати, Дуглас...

— Что?

— Не забудь принести мне вина.

Глава 29

Слух о том, что городской вдовец начал ходить на свидания, разнесся как зараза, и вот уже на моем автоответчике полно сообщений от друзей и соседей: им не терпится рассказать мне о разведенках и вдовах, с которыми я просто обязан познакомиться, об одиноких сестрах и кузинах, которые непременно должны мне понравиться. Клэр, не дрогнув, сужает поле поиска: сначала она удаляет все сообщения, не отвечающие ее критериям, а потом планомерно обзванивает оставшихся, лаконично и до смешного дотошно составляет словесный портрет, требуя фотографий и подробного рассказа о претендентках.

— В конце концов, я лишь хочу, чтобы никто не остался разочарован. Адрес моей электронной почты у вас есть. Поговорим, когда я посмотрю фотографии.

— Вы уже рассказали мне о том, какое у нее милое личико. А я вас спрашиваю о ее заднице. Отвечайте, да или нет. Послушайте, позвоните к телефону мужа.

— Так это было кесарево сечение или обычные роды? Ладно. Выясните это и перезвоните.

— Дело не в том, что я вам не доверяю. При всем уважении, ребе, ваша профессия ни в коей мере не является гарантией того, насколько у вас развито чувство прекрасного.

Наконец она останавливается на Сьюзен Джаспер, разведенной даме лет тридцати, чью кандидатуру отстаивал Майк. Она его ближайшая соседка, и если бы он не был по уши влюблен в Дебби, он бы сам встречался со Сьюзен. Я быстро догадался, что занятые мужчины хотят свести меня с женщинами, которых сами втайне вожделеют, чтобы я таким образом встречался с этими женщинами за них. Если бы могли, они бы сами завели с ними роман, но, коль скоро они не могут, придется это делать мне. По словам Майка, жизнь Сьюзен пошла под откос несколько лет назад, когда четырнадцатилетняя девчонка, с которой ее супруг познакомился в чате и договорился встретиться в мотеле в Коннектикуте, оказалась агентом ФБР, занимающимся ловлей сексуальных хищников на живца. Судя по нервному поведению Сьюзен за ужином в итальянском

ресторанчике «Минео», она до сих пор не оправилась от шока. Улыбка у нее натянутая, будто она под столом поднимает гирю, она смеется — кстати, слишком поспешно — пронзительным, возбужденным смехом. Но у нее копна длинных светлых волос, дымчатые голубые глаза и острый ум, значение которого она склонна приуменьшать. Я ей сразу же понравился, потому что у меня все волосы целы, нет бывшей жены и детей от первого брака. Я отмечен Божьей волей. Мои страдания трогательны, я молод, строен, печален и прекрасен.

Проблема свиданий в том, что всегда приходится рассказывать о том, чем занимаешься, а в моем случае это значит говорить о колонке, которую я веду, то есть о Хейли, чего мне совсем не хочется. Вместо этого мы рассказываем друг другу о нашем детстве, братьях и сестрах — обычно мне удается извлечь выгоду из того, что у меня есть сестра-близнец, — а потом о кино, и это отлично, потому что я смотрел все, а потом об университетах, в которых мы учились. Напоследок, поскребя по сусекам, мы болтаем о неудачных свиданиях.

Все идет хорошо — по крайней мере настолько, насколько это возможно в случае с двумя неуверенными в себе, сломленными людьми, чья предыдущая жизнь неожиданно разлетелась на куски. Она, несомненно, сексуальна и со своими глазами навывкате красива немного блеклой красотой. Я пытаюсь вообразить, как она целуется, какое на ней белье, но тут звонит ее сотовый.

— О черт, — бросает она, с щелчком закрывая телефон. — Сэм заболел.

У Сьюзен два маленьких сына, Сэм и Мейсон; когда я час назад за ней заехал, они выглядели довольно мило. Но когда мы входим в дом, пятилетний Сэм стоит на стуле и неудержимо блюет в кухонную раковину, а трехлетний Мейсон сидит на кухонном столе и ревет в три ручья. Приходящая няня, пухлая старшеклассница со скобками на зубах и прыщами размером с десятицентовую монетку, выглядит перепуганной и буквально кидается Сьюзен в ноги, когда мы входим в дом.

— О боже! Как он ухитрился столько наблевать? — недоумевает Сьюзен, разглядывая большую лужу рвоты на полу в коридоре.

— Это я, — смущенно поясняет девица. — От запаха рвоты меня тошнит.

— Чудесно, — мрачно произносит Сьюзен и достает из сумки двадцатку. — Иди домой, Дана.

— Вы уверены? — спрашивает Дана, но тут же сует деньги в карман и направляется к двери.

Сьюзен бежит на кухню и кладет руки на плечи Сэму.

— Все в порядке, малыш. Мама здесь.

Сэм смотрит на нее; его лицо и рубашка заляпаны высохшей рвотой. Он хнычет, поворачивается к раковине и снова блюет.

— О господи, — говорит Сьюзен, щупая его шейку. — Он весь горит.

А Мейсон тем временем ревет не умолкая, поэтому я подхожу к нему, чтобы успокоить, но он уворачивается от меня и падает со стола, ударившись головой о край. Я думал, что громче орать он не может, но у мальчика широкий диапазон: Мейсон глубоко вздыхает и издает леденящий душу вопль, от которого у меня встают дыбом волоски на шее. Он верещит так долго, что я волнуюсь, как бы он не задохнулся и не отключился или его не хватил какой-нибудь детский удар. Сьюзен подхватывает его на руки и говорит: «Дыши, маленький», а Сэм продолжает блевать в раковину.

— Все хорошо, Мейсон, дядя просто хотел тебе помочь.

— Лед! — орет Мейсон.

— Не могли бы вы принести ему льда из морозилки? — просит Сьюзен.

— Конечно, — отвечаю я. — Хотя, думаю, он не сильно ударился.

— Лед! — верещит Мейсон, глядя на меня сердитыми глазами поверх маминого плеча.

— Он любит лед, — поясняет Сьюзен, приглаживая ему волосы.

В морозилке я нахожу твердый синий пузырь со льдом, из тех, что обычно бросают в ведро для шампанского. Едва он касается лба Мейсона, мальчик мгновенно утихает, словно кто-то повернул выключатель. Сьюзен передает его мне и, к моему удивлению, он охотно идет на руки и льнет к моей груди, важно и настойчиво прижимая к своей голове пузырь со льдом. Сьюзен мочит кухонное полотенце и трет шею и спину Сэма, одновременно снимая с него заляпанную рвотой рубашку, при этом она что-то нежно ему нашептывает. Кому как не мне должно понравиться это проявление материнской заботы, непринужденное сочетание жалости и сноровки

— ведь я сам был женат на матери-одиночке, но оно оставляет меня равнодушным, хотя, возможно, в этом виноват стойкий запах рвоты.

У Сэма температура сорок, его лихорадит. Послав сообщение врачу, Сьюзен решает отвезти мальчика в пункт неотложной помощи. Она отпустила наблевавшую нянюку раньше времени, и теперь перед ней стоит незавидный выбор: взять Мейсона с собой или попросить меня с ним посидеть.

— Мне так не хочется вас утруждать, — говорит она, натягивая на Сэма чистую футболку. — Но я просто не знаю, что делать.

— Не волнуйтесь, — успокаиваю я. — Я отлично лажу с детьми.

— Ему давно пора спать. Я уложу его наверху, а вы просто посидите в гостиной, посмотрите телевизор. Его будет не видно не слышно.

— Хорошо. Я рад помочь вам. Только скажите, где у вас швабра.

— Швабра?

— Обычно я не вытираю рвоту до третьего свидания, но, похоже, мы с вами нашли друг друга.

Она улыбается.

— Простите, что так получилось со свиданием. Я все наверстаю, честное слово, — обещает она и бледнеет при мысли о том, что я могу понять это как намек на секс.

— Все в порядке.

— Правда, не стоит убираться.

— Поверьте мне, стоит.

Она несет Мейсона в спальню, оставив меня с Сэмом в коридоре; мальчик выглядит как самая юная жертва похмелья в мире. Он прислонился к стене и ошеломленно трет глаза.

— Я знаю, каково тебе, — сочувственно признаюсь я.

Несколько минут спустя возвращается Сьюзен, она в спешке набрасывает на Сэма пальто и тащит его к двери.

— Чувствуйте себя как дома, — говорит она мне. — Угощайтесь, чем хотите.

И уходит.

На то, чтобы отмыть рвоту, у меня уходит больше времени, чем можно было предположить. Швабра только размазывает ее по всему полу; я перехожу на бумажные полотенца и расходую три рулона. Потом я еще раз протираю пол шваброй, собираю все бумажные

полотенца в мешок для мусора и бросаю его в гараже вместе со шваброй, которую уже вряд ли удастся отмыть. Но даже после того, как я вымыл пол и попрыскал его «Лизолем», меня преследует запах рвоты, и я обнаруживаю у себя на штанах, прямо под коленом, пятно засохшей рвоты, очертаниями напоминающее Италию. В чуланчике за кухней я нахожу стиральную машину и сушилку, снимаю штаны, засовываю их в машину и засыпаю порошок. Поставив машину в режим стирки несминаемой ткани, я какое-то время брожу по дому в трусах и разглядываю фотографии, на каждой из которых заметны следы того, что супруга Сьюзен удалила хирургическим путем. Потом в поисках еды я обшариваю буфет и холодильник. В шкафчике над холодильником я обнаруживаю бутылку «Джонни Уокера» и какое-то время раздумываю, но впереди явно долгая ночь, а Сьюзен сказала, чтобы я угощался, чем захочу, поэтому я беру бутылку, крекеры «Ритц», пакет сока «Улица Сезам» на запивку и устраиваюсь в гостиной перед телевизором. У Сьюзен только основные кабельные каналы, и ей хватило ума об этом умолчать: знай я это раньше, вряд ли согласился бы тут остаться. Кажется, по всем каналам идут либо какие-то мелодрамы о врачах, либо фильмы о полицейских, где одетые с иголки копы полфильма проводят в полутемных лабораториях, оборудованных по последнему слову техники и больше похожих на ночной клуб, стараясь выудить сенсационную информацию путем непрерывного исследования клочка одежды. Коллекция дисков Сьюзен, похоже, ограничивается диснеевскими мультфильмами. С полчаса я безуспешно переключаю каналы и, сам того не замечая, выпиваю треть бутылки «Джонни Уокера». Когда я встаю, мои ляжки с чмоканьем отлипают от кожаного дивана, как будто я чищу какой-то фрукт.

Чувствуя себя слегка под мухой, я иду проверить, как там мои штаны. Стирка закончена, поэтому я достаю их из машины, бросаю в сушилку и отправляюсь на поиски ванной комнаты. Перед входом в туалет висит кусок пластика, и сквозь него мне видно ободранные стены, незаделанные косяки, проводку; все говорит о том, что здесь идет ремонт. Тогда я иду наверх, утопая ногами в плюшевом ковровом покрытии, когда я случайно прикасаюсь к обоям, мои пальцы легонько бьют током от статического электричества. В нижней ванной комнате полно резиновых игрушек; на сиденье унитаза лежит странная

штуковина в форме пончика — очевидно, для того чтобы мальчики не провалились в толчок. Все это выглядит не очень-то чисто, и я решаю сходить в туалет Сьюзен. Значит, мне придется пройти через ее спальню, что может быть истолковано как вторжение в личную жизнь, но я вытер с пола блевотину и сижу с ее сыном, так что мы это уже явно проехали, верно? Кроме того, она настаивала, чтобы я чувствовал себя как дома, а дома я не сажусь задницей на закапанный мочой пластиковый пончик, который гаденько скалится на меня, словно туалетный идол.

Спальня Сьюзен оформлена в темно-серых тонах. Двухспальная кровать со стеганым кожаным изголовьем накрыта атласным бордовым одеялом, подушки и простыни того же цвета. Постель выглядит сексуально, что заставляет меня слегка изменить мнение о Сьюзен — как и наличие в верхнем ящике ее тумбочки, который я открыл абсолютно случайно, не одного, а целых двух одинаковых вибраторов: это говорит о том, что Сьюзен — женщина, которая серьезно относится к оргазму, раз уж у нее есть запасной вариант запасного варианта.

— Ай да Сьюзен! — потрясенно произношу я вслух.

Я делаю большой глоток из бутылки «Джонни Уокера» и иду в ванную. Собираясь на свидание, Сьюзен оставила здесь беспорядок: по всей ванной разбросаны клипсы, расчески, фен, карандаши для глаз, тубики с губной помадой и другие орудия красоты. Я немного пьян, и, наверно, поэтому меня до глубины души трогает, что она так хлопотала, чтобы всего лишь пойти со мной поужинать.

Выйдя из ванной, я на минутку ложусь на кровать и утопаю в мягком матрасе, наслаждаясь прикосновением прохладного шелка к голым ногам. На тумбочке у кровати стоит фотография в рамке: Сьюзен с подружкой, обе в бикини, на каком-то тропическом курорте, в руках у них коктейли с яркими зонтиками. Я ставлю фотографию себе на грудь и какое-то время рассматриваю ее. Я невольно задумываюсь о том, очутились бы мы здесь, в этой мягкой, сексуальной постели, если бы наше свидание прошло как положено. Такой вариант не кажется логичным продолжением ужина, но сейчас, очутившись здесь, я чувствую, что, может быть, так бы оно все и было. Я закрываю глаза и стараюсь вспомнить ее лицо за ужином, я ищу подсказку, пытаюсь различить скрытую чувственность, представляя

вероятное развитие событий, которое привело бы от натянутого разговора за ужином к тому, чтобы раздеть друг друга и лечь рядом на эту бордовую мягкость. Сьюзен. Кажется, у группы «Джони» есть старая песня с таким названием. Я напеваю несколько тактов, но не могу вспомнить слова. Все это было так давно.

— Боже мой!

Ее голос выдергивает меня из сна, как рыболовный крючок, зацепившийся за глаз; прищурившись от ослепительно-яркого света, я понимаю, что в дверях стоит Сьюзен. Она прижимает Сэма лицом к своему бедру; от изумления у нее глаза вылезают из орбит, челюсть отвисла, подбородок дрожит.

— Сьюзен, — говорю я и, покачиваясь, сажусь на кровати. Фотография летит с моей груди на пол, «Джонни Уокер», который, как я позже осознаю, торчит меж моих ног наподобие фаллоса, проливается на одеяло.

— Какого черта вы здесь делаете? — орет она.

— Послушайте, — отвечаю я, потирая глаза, а комната кружится, словно карусель. — Все в порядке.

— Мразь! Надевай штаны и уматывай из моего дома ко всем чертям!

Ее лицо искажает гримаса гнева и отвращения. Я скатываюсь с кровати и, пошатываясь, подхожу к ней. Защищаясь от меня, Сьюзен выбрасывает вперед руку и с отвращением шарахается к стене.

— Не подходи ко мне!

В коридоре ревет Мейсон.

— О боже, Мейсон!

Волоча за собой Сэма, она выбегает из комнаты. Словно в замедленной съемке, в похмельном тумане я сбегая вниз по лестнице; голова гудит, ноги дрожат. Рывком я открываю сушилку. Штаны тяжелые и мокрые — я понимаю, что забыл включить машинку. Я натягиваю штаны как есть, мокрые и холодные, и бегом поднимаюсь по лестнице. Сквозь приоткрытую дверь в спальню Мейсона я вижу, что Сьюзен сидит на кровати и держит обоих мальчишек у себя на коленях.

— Сьюзен, — зову я.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд, который несет такой ядерный заряд ненависти, что все органы моего тела сжимаются, как

губка.

— Уходите, — приказывает она, и я понимаю, что ничего исправить нельзя: она не захочет слушать никаких объяснений. Для Сьюзен я навсегда останусь парнем, которого она нашла в своей постели пьяным и без штанов. Когда в следующий раз она будет рассказывать другому мужчине о неудачных свиданиях, мое имя будет первым в списке; собеседник Сьюзен сочувственно покачает головой, а она пожмет плечами и самокритично признается, что, кажется, просто притягивает всяческих негодяев и извращенцев. Несправедливо, конечно, что я окажусь в такой компании, но, похоже, мой приговор обжалованию не подлежит. Да уж, наломал я дров. Мне ничего не остается, как грустно кивнуть, застегнуть сползающие сырые штаны и спастись бегством: этот случай — очередной экспонат в моей быстро пополняющейся коллекции постыдных отступлений.

По дороге домой я истерически смеюсь — или плачу. Я не уверен, как точнее определить высокие гортанные вопли, которые пулеметной очередью вылетают из горла. Как бы то ни было, я чувствую острую боль от уколов в груди — зазубрины блуждающих чувств, что разбились, и мне никак их не склеить.

В следующие недели у меня было столько паршивых первых свиданий, что можно смонтировать музыкальный клип. Включайте какую-нибудь популярную песню и смотрите, как Дуг примеряет костюмы и позирует перед зеркалом во весь рост, а Клэр валяется на кровати, дает ему указания и хохочет. А вот Дуг ведет разных привлекательных и не очень женщин из основного списка в рестораны и кафе, а потом провожает их домой. Мелькает нарезка кадров с сидящими за столом женщинами: они говорят или молчат, усердно счищая приправу с листика латука, сердито постукивая пальцем, подчеркивают какой-то (очевидно, важный) аргумент в разговоре, горько плачут, всасывают спагетти, которые, кажется, никогда не кончатся. А потом — в более быстром темпе — нарезка кадров с Дугом: вот он отвозит каждую из этих женщин домой, жмет им на прощание руку или смущенно колеблется между рукопожатием и целомудренным поцелуем. Камера замирает, и мы видим на заднем плане грустное женское лицо, на котором читается уверенность в том, что и этот мужчина тоже не перезвонит. На переднем плане в фокусе

появляется Дуг: он идет к машине, и на его лице написано, сколь тщетны подобные затеи. Тут главное — правильно выбрать музыку: что-нибудь медленное, но ритмичное. Хриплый прокуренный голос поет пронизанную иронией романтическую песню, которая выражает пустоту и ничтожность всего этого: скука, потраченное впустую время, неловкое начало и конец, мгновенно ускользающие из памяти разговоры с истекшим сроком годности, печальные истории сломанных жизней, нечаянным свидетелем которых теперь стал и Дуг. Песня кончается постепенно затихающими минорными аккордами фортепиано; Дуг с печальным отсутствующим видом едет домой в машине с открытыми окнами и безучастно смотрит на пустую дорогу впереди.

А потом одной бессонной ночью я достаю из бумажника визитку Брук Хейз и набираю номер ее сотового. После пятого гудка она берет трубку.

— Это Дуг, — говорю я. — Паркер.

— Привет, Дуг Паркер, — сонно произносит она.

— Я вас разбудил. Простите.

— Нет, все в порядке. Что случилось?

— Ничего.

— А сколько времени?

— Час ночи.

— Ого.

— Ладно, я сделал глупость. Простите. Ложитесь спать.

— Вы смешной.

— Я немного пьян.

— У вас все в порядке?

— Да.

— Вот и хорошо.

— Я соврал. Ничего у меня не в порядке.

— А в чем дело?

— Я снова хожу на свидания.

— Ух ты. Ну, это шаг вперед, так?

— Не знаю. Все это как-то неправильно, неловко и абсолютно бесполезно.

— Но вы ходите на свидания, значит, все в порядке.

Мы умолкаем, и я слышу, как она сонно дышит.

— Эй, — зовет она спустя минуту.

— Я просто хотел сказать, что завтра иду в кино, примерно в полдень. Ну, вдруг вы тоже собирались.

— Здорово. И на какой фильм?

— На любой, какой захотите.

Она смеется и отвечает:

— Посмотрим. Как получится.

Глава 30

Брук приходит в кино в длинной, лежащей свободными складками цыганистой юбке и короткой футболке, она высоко заколола волосы, так что видны многочисленные гвоздики и кольца в ушах. Она красива, и кажется, что красота не стоит ей никаких усилий: Брук раскованна и спокойна, и я с трудом подавляю порыв протянуть руку и погладить ее по щеке.

— Меня изнасиловали.

Она сообщает мне это без предисловий в середине фильма про зомби — ремейк какого-то классического кино про зомби. Очевидно, больше про зомби рассказать нечего. Брук выбрала этот фильм. В зале мы одни.

— Что? — переспрашиваю я.

— Вы хотели знать мою тайну, — продолжает она небрежно и тянется к моей банке газировки. — Меня изнасиловали. Почти два года назад.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее, но она, не отрываясь, глядит на экран: там зомби прижались к стеклянным дверям супермаркета, где спрятались последние оставшиеся в живых люди.

— Хотите, уйдем отсюда? — предлагаю я. — Пойдем куда-нибудь, поговорим?

— Нет, — отвечает она. — Здесь хорошо.

— Я вас с трудом слышу за пулеметной стрельбой.

— Мне так нравится.

— Так что случилось?

— Этот человек ходил со мной на йогу. Бенни. Крупный такой, настоящий тяжеловес. Он обычно провожал меня после занятий домой, если Грег не мог меня забрать.

— Грег?

— Мой жених.

— А...

— Бенни всегда со мной заигрывал, но вполне невинно. Я думала, он относится ко мне как к младшей сестренке, он всегда вел себя так покровительственно, присматривал за мной. Ну, он же был почти в два раза меня старше. И много лет занимался йогой. Это не то чтобы

важно, но человека, который занимается йогой, почему-то не воспринимаешь как потенциального насильника. Однажды вечером он провожал меня домой и спросил, можно ли ко мне зайти — ему нужно было в туалет. Я не подумала ничего такого, но как только мы вошли в квартиру, он прижал меня к стене и заявил, что любит меня и сейчас мне это докажет. Я велела ему прекратить, но он меня не слушал, а когда я попыталась его оттолкнуть, залепил мне пощечину — не сильно, но так, что было ясно: он может ударить сильнее, и от следующей оплеухи у меня голова отвалится. Понимаете, он был очень крупный, крупнее многих инструкторов. А потом он посмотрел мне прямо в глаза и снова ударил меня, чтобы дать понять, что первая пощечина не была случайной. Потом он взял меня за руку, как будто был моим парнем, отвел в спальню и изнасиловал.

— О господи, — произношу я.

Она кивает.

— Вы сами хотели это услышать.

— А что же Грег? Не смог с этим смириться?

— Ну что вы, он нормально отнесся к тому, что меня изнасиловали. — Она оборачивается ко мне. — Не просто нормально: он готов был спустить все на тормозах. Он только не смог смириться с тем, что я после всего не сошла с ума от горя.

— В каком смысле?

Она вздыхает.

— Думаю, я была нетипичной жертвой изнасилования. Предполагалось, что у меня будут все симптомы посттравматического стресса, как их показывают по телевизору: ночные кошмары, непрекращающиеся истерики, потеря веса, паранойя. Но я довольно быстро оправилась. Я не закрывала глаза на очевидное: я помнила, что со мной случилось. Но я не пострадала, не забеременела, у меня была куча хороших друзей, любимый человек, и жизнь была прекрасна, понимаете? Несколько дней я грустила, а потом решила, что мне просто не повезло, ну, как будто я попала в аварию, так что я обо всем забыла и стала жить дальше. Мне казалось (и кажется), что это абсолютно здравая позиция, но Грег с этим смириться не мог. Как будто его обманули, не дали сыграть роль любящего парня. Он рассердился и решил, что мне, наверно, в каком-то смысле это понравилось, что, может, я сама соблазнила Бенни и он меня

изнасиловал. И это были не шутки: Грег перестал спать со мной, он вел себя так, словно я ему изменила. Вскоре я поймала себя на том, что думаю: а вдруг он прав? И от этого мне стало так тошно, словно меня еще раз изнасиловали. Мы попали в ловушку и не находили выхода из этого издевательского лабиринта. Мы бы смогли пережить мое изнасилование, только если бы я не смогла этого выдержать.

— Так вы расстались?

Она кивает.

— Разумеется, только после этого я поняла, что вообще-то перенесла травму, что очень зла на Грега за то, что он меня не защитил, и что я все так спокойно воспринимала, только чтобы его проучить, потому что знала: это сведет его с ума. А как только он ушел, я до конца осознала, что произошло, и тут-то все и началось — и ночные кошмары, и непрерывные истерики, и все прочие прелести. Я сломалась.

— И как вы очутились в Нью-Рэдфорде?

— Квартира была Грега, а снять свою мне было не по карману. Поэтому я вернулась домой, — она усмехается. — Мне двадцать семь лет, а я до сих пор живу с родителями. Отличный пример для детей, правда?

— У вас был кто-нибудь после Грега?

Она качает головой.

— Несколько неудачных романов. В какой-то момент я полагала, что непременно должна рассказать им об изнасиловании. После этого они либо боялись ко мне прикасаться, либо вели себя как тупые мачо. Так что я решила ничего не рассказывать, но поняла, что держусь на расстоянии, как будто что-то скрываю.

— Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть.

— Мне просто надо было все рассказать кому-то, кто поймет и при этом будет ко мне относиться, как прежде.

— Вы рассказали мне.

— Но мы не встречаемся.

— А это чем не свидание?

— Дневной сеанс, фильм про зомби и попкорн?

— Я не говорил, что это хорошее свидание.

Она поворачивается боком и долго на меня смотрит. Взрывы на экране, точно падающие звезды, отражаются в ее темных глазах, от ее

проницательной доброй улыбке лед в моей груди тает. Я раньше не замечал, что слева на краешке верхней губы Брук есть маленькая оспинка — старый след от угря, который слегка заходит на кожу губы, ломая изгиб и образуя маленький бледный рубец. Но меня это не отталкивает. Совершенство искусственно, холодно, неподвижно. Настоящая красота — электрический ток, который нужно заземлить, и небольшие изъяны как раз и созданы для этого. Необходим контекст, ориентир. Шрамик на ее верхней губе — приманка, ядро клетки, излучающее сияние.

— Нет, — отвечает она. — Это точно не свидание. Если бы это было свидание, мы бы держались за руки.

Она смотрит, как я медленно протягиваю руку, вытягивает ладонь и переплетает пальцы с моими. Брук нежно поглаживает большим пальцем тыльную сторону моей кисти и кладет голову мне на плечо.

— Давай пойдем на другой фильм, — предлагает она.

— На какой?

— Который подлиннее.

Она не отпускает мою ладонь, даже когда мы идем по ярко освещенному холлу в другой зал, и я решаю, что это добрый знак.

Глава 31

На следующее утро я схожу вниз и вижу Клэр в блейзере, юбке и на каблуках. Она торопливо поправляет макияж перед зеркалом в холле.

— Чего это ты так разоделась? — интересуюсь я, присаживаясь на нижнюю ступеньку.

— Я не разоделась, — отвечает она, не отрывая глаз от своего отражения, — а просто нормально оделась. Не всем удастся выглядеть, как ты, — словно спал в джинсах и футболке.

Она слегка поправляет прическу, выпячивает губы, как это делают женщины, накрасив губы помадой, а потом втягивает губы и чмокает, так что на секунду они скрываются из вида. Я сижу на лестнице в трусах и чувствую себя ребенком, который смотрит, как мать собирается на прослушивание. Накрасившись, она подолгу простаивала у зеркала, и я повторял с ней роль, читал сценарий, в котором не понимал ни слова, а она, отвечая мне, изучала свое отражение в зеркале, делала гримасы, отрабатывала поворот головы. Потом она говорила: «Пожелай мне удачи», и я отвечал: «Ни пуха, ни пера», она чмокала губами рядом с моей щекой и шла к двери, а я молился, чтобы мать взяли на роль, она стала звездой и мы переехали в Голливуд. Я стал бы одним из крутых голливудских парней, начал стильно одеваться, ходить на премьеры и зависать с красивыми шепутными девчонками в ночных клубах. Сейчас, глядя на Клэр, я пораженно замечаю, до чего же она похожа на мать. Я открываю рот, чтобы сообщить ей об этом, но красота нашей матери уже вышла в тираж, поэтому я не уверен, что Клэр воспримет мои слова как комплимент.

— Куда ты идешь?

— Я записана к гинекологу.

— Все в порядке?

— Обычный осмотр и ультразвуковая диагностика.

— А чего это ты так наряжаешься к доктору?

— Для доктора я сделала эпиляцию воском. А наряжаюсь я для себя.

— Хочешь, я поеду с тобой?

— Не-а. Я уже опаздываю.

— Я соберусь за пять минут.

Она поворачивается и ерошит мои грязные, свалявшиеся от сна волосы.

— Тебе понадобится десять минут, только чтобы привести в порядок голову.

— Я серьезно.

— И я серьезно, — отвечает она и улыбается мне в дверях. — Ты видел, что у тебя на голове?

После ее ухода я прокручиваю в голове наш разговор, и меня беспокоит ее тон, поэтому я набираю номер сотового Дебби.

— Я иду на совещание, — говорит она вполголоса.

— Не ходи, мне нужно у тебя кое-что спросить.

— Перезвони потом.

— Мне надо было поехать с Клэр к гинекологу?

— Что?

— Она только что уехала.

— Подожди минуту... — В трубке слышен приглушенный шум и стук закрытой двери, потом снова появляется Дебби. — Она уехала одна?

— Она сказала, ничего серьезного.

— Ну разумеется, это серьезно. Когда она уехала?

— Только что.

— Ты знаешь, кто ее доктор?

— Нет.

— Я позвоню маме с папой. Встретимся на месте.

— А как же твоё совещание?

— Дуг, — вздыхает она, — Клэр сейчас плохо, разве ты не заметил?

Я вспоминаю, как Клэр спала, свернувшись калачиком на диване, будто маленькая девочка, положив голову матери на колени, и тут до меня доходит, что я что-то упустил.

— Черт, — говорю я, чувствуя себя последним идиотом.

— Дуг, — мягко произносит Дебби.

— Я знаю, — обрываю я. — Я стараюсь.

— Старайся лучше. Ты ей нужен.

— Ага.

— И мне тоже.

— Пух, — зову я, но она уже повесила трубку.

Час спустя мы с Дебби уже в больнице Ленокс-Хилл. В помещении, где мы сидим, принимают пять врачей, имена которых написаны на непрозрачной стеклянной двери, в приемном отделении полным-полно молчаливых женщин, которые улыбаются тихо и терпеливо. Я никогда не был в приемной гинеколога. Здесь буквально видны излучины витающего в воздухе эстрогена. Как и Клэр, все женщины приодеты и накрашены, и меня осеняет курьезно-сентиментальная мысль, что им хочется хорошо выглядеть для любого, кто собирается залезть к ним под юбку, даже если дело происходит в больнице. Многие женщины находятся на разных сроках беременности, рядом с некоторыми из них неловко пристроились встревоженные мужчины. Они ерзают, как дети, смотрят на часы, читают газеты, бессмысленно нажимают на кнопки сотовых или вполголоса беседуют с женами, а те спокойно листают женские журналы о здоровье, отвечают мужьям, не поднимая глаз, и тихонько подпевают популярной мелодии, которая доносится из колонок, благоразумно установленных порознь друг от друга.

Мы пытаемся договориться со стервозной секретаршей, когда в приемную торопливо входит раскрасневшаяся и слегка запыхавшаяся мать.

— Мама, — удивленно говорю я, — что ты тут делаешь?

— Где Клэр? Я опоздала?

— Мы как раз с этим разбираемся, — отвечает Дебби и поворачивается к секретарше, угрюмой девице с накладными ресницами. Ее рот намазан губной помадой так, что она выходит за контуры губ; на носу секретарши, точно сверкающий прыщ, торчит крошечный гвоздик с бриллиантом, а ногти изгибаются, как накрашенные когти.

— Я не могу никого впустить, пока идет обследование, — твердо заявляет девица.

— Понимаю, — в тон ей отвечает Дебби. — Но мы — ее семья, и она хочет, чтобы мы были с ней. Мы просто немного опоздали.

— Она мне ничего об этом не говорила. Я могу пропустить только отца будущего ребенка.

— Отец пока не в курсе дела, — заявляет Дебби. — Она фактически мать-одиночка, и вы можете себе представить, как ей сейчас нужна наша поддержка.

— Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь. Мать подходит к стойке и мерит девицу взглядом.

— Я мама Клэр.

Девушка равнодушно кивает и берет трубку телефона.

— Приемная врача, — говорит она, глядя матери в глаза.

Мать смотрит на нее долгим взглядом, потом медленно кивает, мило улыбается и, не отрывая глаз от секретарши, во весь голос кричит:

— Клэр!

Девица от изумления чуть не падает со стула. Не дожидаясь, пока она придет в себя, мать поворачивается и шагает по длинному коридору к смотровым.

Все, кто сидит в приемной, поднимают глаза, секретарша вскакивает и кричит матери вслед:

— Эй, леди, вам туда нельзя!

— Клэр! — орет в ответ мать и пропадает из вида. Мы с Дебби переглядываемся и быстро устремляемся за ней, за нами по пятам несется секретарша.

— Вам туда нельзя! — выкрикивает она, хватая Дебби за локоть.

Дебби стремительно поворачивается, ее глаза сверкают от ярости.

— Бы уверены, что вам уже не нужна эта рука? — интересуется она.

Девушка выпускает ее руку и, воинственно пожав плечами, отступает на шаг.

— Ну и ладно, — произносит она.

Из смотровой выходит парень примерно моих лет, с лицом, заросшим щетиной, и биркой «медбрат», видит нас и интересуется:

— Извините, я могу вам чем-то помочь?

— Клэр! — орет мать ему в лицо.

— Эй! — кричит он в ответ.

И тут из-за одной из дверей доносится голос Клэр.

— Мама?

— Клэр, дорогая!

— Мама!

Я обхожу парня, иду на голос Клэр и рывком распахиваю дверь. Верещит какая-то полуголая женщина, лежащая на гинекологическом кресле. Доктор, орудующий между ее ног, словно механик, поднимает голову и откидывается на табурете, так что я вижу все ее влагалище; теперь это зрелище будет терзать меня в кошмарных снах, точно злой дух.

— Кабинетом ошибся, — произношу я и захлопываю дверь под ее возмущенные вопли. Медбрат оттаскивает меня от двери.

Мать открывает следующую дверь, за ней на столе навзничь лежит Клэр в бумажном халате. Живот ее обнажен; Клэр вытягивает шею, чтобы заглянуть в монитор. Доктор прикладывает к ее животу датчик, оборачивается и смотрит на нас.

— Привет, — озадаченно говорит он. — Я могу вам чем-то помочь?

— Это мои родственники, — поясняет Клэр и мгновенно заливается слезами.

— Маленькая моя! — произносит мама, подбегает к Клэр и обнимает ее, перепачкав всю блузку синим гелем.

— Все в порядке, Уилл, — говорит доктор, и медбрат меня отпускает. — Заходите.

Мы окружаем Клэр, и доктор продолжает обследование.

— Итак, — замечает он, — я показывал Клэр сердце ее ребенка.

На экране появляется растущий светящийся треугольник, как будто кто-то открыл люк в подвал. В луче света показываются две пересекающиеся белые линии, а между ними — крохотная пульсирующая горошина. Доктор прикладывает к животу Клэр второй прибор, и комнату наполняет ритмичное журчание, к которому присоединяется быстрый отрывистый стук.

— Ох, Клэр, — произносит мать и кладет ладонь Клэр на плечо, в глазах ее стоят слезы.

— Я знаю, — всхлипывает Клэр.

— Послушайте, как стучит сердечко малыша, — говорит Дебби и берет Клэр за руку.

Врач поправляет датчик, и мы видим очертания эмбриона: круглая, слишком большая голова, нос-кнопочка, вытянутые вперед тонкие руки с молитвенно сложенными ладонями.

— О господи! — визжит Дебби.

— Уже примерно двенадцать недель, — поясняет врач.

— У меня будет ребенок, — говорит Клэр, изумленно глядя на экран.

Я смотрю на экран и внезапно испытываю нехарактерную для меня уверенность, что я бы тоже так мог. Я бы мог зачать ребенка и наблюдать, как он растет в утробе, ждать, когда он, невинный и прекрасный, выйдет в мир, а потом приложить все силы к тому, чтобы он как можно дольше оставался таким. Я чувствую, что есть более глубокие, сильные чувства, чем радость и грусть. Я знаю, что сейчас переживаю не лучшие времена, но, быть может, в конце концов вся эта боль и неуверенность в сумме даст хоть немного мудрости, которая сделает меня хорошим отцом. И в первый раз на моей памяти такой вариант кажется мне вполне приемлемым — при мысли о нем я не покрываюсь холодным потом.

— Это мальчик или девочка? — спрашиваю я.

— В таком положении не видно, — отвечает доктор.

— Девочка, — заявляет Клэр и смотрит на меня, улыбаясь сквозь слезы.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я назову ребенка Хейли. Так что если это мальчик, ему придется научиться драться.

У меня перед глазами все плывет. Клэр берет меня за руку и притягивает к себе, а я закрываю глаза, и не остается ничего, кроме стука новехонького, только формирующегося сердца, чье неустанное биение наполняет комнату ритмом крохотной, жадной жизни.

Глава 32

Родители Брук живут в скромном приземистом доме с комнатами на разных уровнях, который напоминает жилище семейки Брэди^[26]. Он расположен в самой южной части Нью-Рэдфорда, в нескольких кварталах от дома Джима и Энджи, где здания стоят теснее и не так далеко от улицы. Отец Брук — инженер, а мать входит в Коллегию присяжных. Когда я заехал за Брук, ее родители еще были на работе. На Брук темные широкие брюки и белый свитер в резинку, волосы собраны в хвостик на макушке. Она отходит на шаг, чтобы меня впустить, но не отстраняется от меня. Наверно, нужно было поклониться и чмокнуть ее в щеку, но я замялся, и момент был упущен, а сейчас это вышло бы неловко и натянуто. Я знаю мужчин, которым это дается легко, но я также знаю и то, что к ним не отношусь.

Вместо этого я говорю:

— Не помню, когда в последний раз заезжал за девушкой домой к ее родителям.

— Не дави на больную мозоль.

— Да нет, все отлично. Я снова чувствую себя школьником.

— И родителей нет дома, — продолжает она и поднимает брови, как будто хочет меня соблазнить. — Мы могли бы пойти в подвал и заняться петтингом.

Наверно, я краснею, потому что она тут же хлопает меня по плечу и поясняет:

— Шутка.

— Понятно, — отвечаю я.

Брук подходит ко мне и заглядывает мне в глаза.

— В чем дело, Дуг? — мягко спрашивает она.

— Все нормально, — отвечаю я, встряхнувшись. — Просто ты очень красивая, вот и все.

Она берет меня за руку, поднимается на цыпочки и целует меня в щеку.

— Ловкая отмазка. Ну да ладно.

Там, где она коснулась губами, кожа саднит, как от ожога.

За ужином она рассказывает мне о своем детстве, о том, что ее родители вечно ссорились, да и сейчас ссорятся, девочкой она каждый вечер молилась, чтобы они развелись. О том, что отец бил ее старшего брата Рона, а потом Рон вырос и стал давать сдачи, под тщетные вопли матери они набрасывались друг на друга, как тигры в клетке, ломали мебель, разбивали тарелки и оставляли в стенах выбоины от кулаков. О том, что со временем матери надоело заделывать эти дыры и она просто завешивала их фотографиями, так что в конце концов все стены оказались покрыты развешенными наобум фотографиями в разных рамках — детские портреты румяной Брук на испещренной трещинами штукатурке, красивый обман прошлого, скрывающий неприглядную правду. Брук рассказывала, что ребенком научилась распознавать тревожные знаки: она уходила к себе в спальню и включала музыку на полную громкость, пока драка не прекращалась или не приезжали копы. О том, что каждый раз, как ее отец и старший брат внизу швыряли друг друга на стены, игла царапала пластинку, и скоро щелчки на любимых песнях стали их неотъемлемой частью, и даже сейчас, когда по радио передают эти композиции, она подпеваает и удивляется, почему мелодия не прыгает там, где должна была бы. В ее памяти правильный вариант тот, что поцарапан. Даже сейчас, когда ее брат уже давным-давно съехал, всякий раз, как он приезжает в гости, вспыхивает ссора, и обычно День благодарения и Рождество оканчиваются тем, что соседи вызывают полицию.

— О боже, — говорю я. — Как же ты не сошла с ума?

— Я сумасшедшая, просто никто этого не замечает, — отвечает она. — Мне не терпелось закончить колледж и свалить отсюда ко всем чертям. И вот я снова там, откуда уехала.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — признаюсь я. — Свалив отсюда, я никогда не думал, что уеду из Нью-Йорка. И вот я снова здесь, в Вестчестере.

— Ты здешний?

— Из Форест-Хайтс. Это через два города отсюда.

— Ого! Богатенький мальчик.

— Ну, мы жили обеспеченно.

— Ты не похож на парня, у которого есть сбережения в трастовом фонде.

— А у меня их и нет. Папа не хотел нас баловать. Он говорил, что, если у ребенка есть деньги, он никогда не научится отвечать за свои поступки.

— Понимаю.

— И все-таки я был раздолбаем.

— Может, и так, но раздолбай с деньгами намного опаснее. Кто знает, до чего бы ты докатился, если бы для тебя деньги были не вопрос? Я каждый день наблюдаю в школе богатеньких деток: их карманные деньги больше моей зарплаты; их уверенность в том, что так и должно быть, словно врожденный порок развития. Твой отец просто умница.

— Был.

— Ой, он умер?

— Нет. Но он теперь... другой.

— Как это?

— У него был удар, после чего он немного повредился в уме.

— Прости.

— Да ладно. Вообще-то сейчас мы ладим намного лучше.

Брук вздыхает с легкой завистью.

— Жаль, что у моего отца не было удара.

Я смеюсь, вслед за мной смеется и она. Мы едим, смеемся, люди входят и выходят, позади нас официант роняет поднос, какое-то семейство поет «С днем рожденья», а за окном идут прохожие, проезжают дети на скейтбордах, люди выгуливают собак, прогуливаются, держатся за руки, наслаждаясь последними погожими деньками, а тем временем между нами что-то происходит, словно образуется магнитное поле — невидимое, но вполне осязаемое, оно окружает нас, отделяя от остальных, и вот уже кажется, что есть мы с Брук, а есть весь остальной мир. Я вспоминаю открытку, которая была популярна у нас в школе: на ней были нарисованы два цыпленка в яйце, или два котенка в пакете из-под молока, или две обезьянки на ветке, а под рисунком была подпись: «Мы вместе против всего света», а на обратной стороне надпись: «Думаю, мы всех одолеем». На гладкую фарфоровую кожу лица Брук ложится отблеск свечи; я смотрю на нее и задаюсь вопросом, захотелось бы мне в школе подарить открытку такой девушке, как она, и захотела бы она получить открытку от такого парня, как я: пожалуй, нет. Но то было тогда, а то

сейчас. Может, только после того, как Брук изнасиловали, а моя жена погибла в авиакатастрофе, мы стали такими, какие есть. Ничего этого не должно было быть, но это произошло. И вот мы едим, смеемся, люди входят и выходят, и мы с ней вместе против всего света, быть может, мы всех одолеем, но мы и так уже всех одолели, и в этом есть что-то утешительное. Я поднимаю глаза на Брук и испытываю сильное, но еще неопределенное, незрелое чувство, от которого горят мои щеки: я вижу его отражение в темном космосе ее глаз.

— Когда я за тобой заехал, мне хотелось тебя поцеловать, — признаюсь я.

— И мне, — отвечает она.

Вдруг становится очень тихо, как будто в ресторане сплошь актеры массовки, которым велели притворяться, что они разговаривают.

— Я волновался. Не знаю почему.

— Я знаю. Все хорошо.

— Я уже не волнуюсь.

Звенящая тишина.

— Мне нравится, как ты на меня смотришь, — тихонько шепчет она.

— Иди ко мне, — зову я.

Она прижимается нежными влажными губами к моим губам; подбородком я ощущаю тепло стоящей на столе свечи. Наши губы чуть-чуть приоткрываются, чтобы слиться крепче, от Брук пахнет белым вином и базиликом из салата, но я различаю и другой вкус — ее собственный, душистый и сладкий. Я знаю, что каждый раз, как мы будем целоваться, я буду чувствовать этот вкус. Наш поцелуй нежен и нетороплив, это скорее подтверждение, чем открытие. Когда все заканчивается, мы не отстраняемся друг от друга, наши головы нависают над столиком, как воздушные шары, надутые гелием: глаза широко распахнуты, щеки разрумянились.

— Это было замечательно, — выдыхает она.

— Ага, — соглашаюсь я.

— Думаю, тебе стоит попросить счет.

— И сколько ты за это возьмешь?

Она смеется и снова целует меня. И только сейчас, оглядывая ресторан в поисках официанта, я замечаю Лейни Поттер, которая

сидит за угловым столиком в глубине зала с Дейвом и какой-то семейной парой. Ее взгляд мечет молнии, она неотрывно смотрит на меня, отвечая на реплики собеседников. Мне следовало бы знать, что, если в городе всего три приличных ресторана, обязательно случится что-нибудь такое, но от этого холод, внезапно сковавший мой желудок, не тает. Я стараюсь сфокусироваться на Брук, но вдруг слышу ее голос словно издалека и чувствую, что момент, который только что был между нами, потерян. От присутствия Лейни меня передергивает, как будто у меня что-то зудит, а почесаться при всех я не могу; я чувствую, как ее глаза обжигают меня, словно два лазера, прожигают кожу слой за слоем, и я вот-вот вспыхну. Я попался, как пацан из комедийного сериала: предполагается, что он сидит дома и делает уроки, а он вместо этого умотал на свидание, и тут в ресторан заходят его родители, ему приходится прятаться за меню и уверять свою девушку, что все в порядке, хотя он сам тащит ее под стол.

Чтобы сгруппироваться, мне нужно минутку побыть одному. Я извиняюсь перед Брук и иду в туалет, который находится в нише в конце узкого коридора, украшенного обрамленными фотографиями красоток в духе пятидесятых годов. В мужском туалете, кроме меня, только один посетитель: у писсуара стоит приземистый лысый мужик в костюме и треплется по сотовому.

— Надень кружевные трусики, которые мне так нравятся, — говорит он. — Черные.

Он разговаривает не с женой: она осталась в зале за столом и ждет его, чтобы заказать десерт. А я ничем не лучше этого многостаночника, который одной рукой держит член, а другой — сотовый телефон и болтает с любовницей о сексе, вытащив жену в ресторан.

— Именно, детка, — произносит он, переступая с носков на пятки и стряхивая последние капли.

Я захожу в дальнюю кабинку, прислоняюсь к стене, туалетной бумагой вытираю с шеи пот и глубоко дышу, пытаюсь достичь буддийского умиротворения. Мне слышно, что мужик с сотовым телефоном ушел: этот ублюдок даже не вымыл рук. И этими самыми руками он будет прикасаться сначала к одной женщине, а потом к другой. Тут я слышу, как дверь туалета снова открывается и по кафельному полу цокают каблук. Женские каблуки. Они проходят

через весь туалет и останавливаются напротив моей двери. В щелку мне видно блестящие рыжие волосы.

— Я войду или ты выйдешь? — интересуется она.

— Лейни, — говорю я, — что ты делаешь?

— Ловлю момент.

— Но сюда могут войти.

— Тогда лучшепусти меня.

Я открываю дверь кабинки, и Лейни входит, закрывает дверь и запирает ее на замок. Она поворачивается ко мне лицом, ее щеки пылают румянцем, глаза сверкают.

— Почему ты не отвечаешь на мои звонки?

Я смотрю на нее, раздумывая, как бы успокоить Лейни, чтобы та не вышла из себя.

— Мне было очень хреново, — отвечаю я.

— А я думала, Дуг, что мы с тобой друзья. Кем бы мы ни были, я думала, что мы друзья. Я заботилась о тебе. А ты оттрахал меня и свалил. Из-за тебя я чувствую себя шлюхой.

— Прости. Я не хотел.

— Что случилось? Это из-за той девушки?

— Нет. Она тут вообще ни при чем.

— Так в чем же дело? Думаешь, я не знаю, что ты ходишь на свидания? Да об этом весь город знает. Куда бы я ни пошла, мне непременно об этом рассказывают, все судачат о том, с кем бы тебя еще свести. А я лишь киваю и улыбаюсь, как будто мне ни капельки не больно при мысли, что ты встречаешься с кем-то еще. На прошлой неделе ты занимался со мной любовью, а сейчас ты ужинаешь с женщинами, которых едва знаешь, и мне приходится отлавливать тебя в мужском туалете. Мне противно, что из-за тебя я забыла гордость. Неужели я для тебя ничего не значу?

— Ну конечно же, значишь, но, если честно, чем все это, черт подери, может кончиться? Это ни к чему не приведет.

Она подвигается ко мне, так что мы стоим практически вплитирку в узкой кабинке.

— Я тебя люблю, — признается она, и в ее глазах внезапно набухают слезы, готовые вот-вот пролиться. — Я обещала, что не влюблюсь в тебя, но все-таки влюбилась.

— Лейни, — говорю я и беру ее за руку. — Ты замужем.

— Раньше тебя это не останавливало.

— А теперь останавливает.

— Я могу и развестись.

Я качаю головой.

— Не надо.

— Я все равно рано или поздно хотела его бросить.

— Возможно, но не стоит делать этого ради меня. Я не лучший вариант.

— То есть спать со мной ты можешь, а завести роман — нет.

— Я не стану ни спать с тобой, ни завести роман.

— Ты меня использовал.

— Ты меня тоже.

И тут слезы переполняют ее глаза и проливаются, они текут по щекам, оставляя линии, похожие на двойной черный след от реактивного самолета, и мне ничего не остается, как легонько утереть ее слезы большими пальцами. Лейни ошибочно принимает мой жест за призыв, прижимается ко мне, обвивает руками мою поясницу, пальцами поглаживая мне спину.

— Дуг, — произносит она и прикивает ко мне.

Дверь туалета открывается, и мы замираем в кабинке, как спрятавшиеся дети. Мы задерживаем дыхание; шаги приближаются к писсуарам. Лейни кладет руки мне на плечи, опирается о них и забирается с ногами на стульчак. Мы стоим неподвижно, прислушиваясь к журчанию мочи, льющейся в фарфор писсуара. Потом Лейни трогает языком мочку моего уха и зажимает ее между зубов.

— Дуг, — шепчет она, жарко и влажно дыша мне в ухо.

Я отклоняюсь от нее, но в кабинке очень тесно. Лейни приоткрывает рот, медленно трогает губами мой подбородок. Ее ладонь скользит по моему животу за ремень, и вот уже она сжимает и гладит мой член. Я хватаю ее за руку, чтобы вытащить ее ладонь из штанов, но она сопротивляется, улыбаясь мне, как будто это игра. Тогда я выкручиваю ей руку и прижимаю к ее спине, нечаянно притиснув Лейни сильнее к себе; она наклоняется и целует меня в шею.

— Ты же сам знаешь, что хочешь этого, — шепчет она.

В писсуаре спускают воду, слышно журчание воды в раковине. Потом дверь туалета открывается и закрывается. Я выдыхаю и, извиваясь всем телом, отчаянно пытаюсь отделаться от Лейни, ее нога со всплеском соскальзывает со стульчака в унитаз.

— Вот дерьмо! — вскрикивает Лейни и вытаскивает ногу из унитаза, обрызгав мне штанину.

— Черт! — выпаливаю я, и мы вываливаемся из кабинки.

— О господи! — произносит Лейни, отряхиваясь, и неуклюже ковыляет к выходу. — У меня нога вся мокрая.

— Извини.

Она поднимает на меня глаза и глубоко вздыхает.

— Так мне и надо.

Ее взгляд тускнеет, она устало прислоняется к стене. Лейни выглядит маленькой, печальной и побежденной, и от этого мне становится хреново.

— Послушай, — начинаю я.

— Пожалуйста, не надо. Хватит с меня унижений. — Она стаскивает туфлю, дорогую эспадрилью песочного цвета, и, припадая на одну ногу, как калека, бредет к сушилке. — Знаешь, я ведь и правда собираюсь от него уйти.

— Лейни!

Я делаю шаг к ней, но она протягивает руку.

— Уходи, — просит она и нажимает серебристую кнопку.

Туалет заполняет шум сушилки, похожий на рев реактивного двигателя.

Позже мы сидим с Брук в машине на какой-то стоянке, поцелуй затягивается и перерастает в нечто большее, жаркое, от чего у нас перехватывает дыхание и запотевают стекла моего «сааба». Мы ненасытно открываем рты, прижимаемся губами к губам, гладим друг друга по лицу, наши языки танцуют и переплетаются, а руки с легкостью скользят под майками по обжигающе-горячей коже. Мы задыхаемся и стонем — диалог наслаждения, всем понятный без слов.

В конце концов мы оказываемся у меня в холле. Прижавшись к стене, мы целуемся и ласкаем друг друга, и если с минуты на минуту не разденемся, то жар движений спалит одежду, прикрывающую наши тела. Но я просто не знаю, куда идти. Я не хочу вести ее вниз, в

гостевую комнату, как Лейни, но и боюсь вести ее к себе в спальню: это значит нарушить неприкосновенность последнего святилища Хейли, заявиться с бульдозером в единственный нетронутый тропический лес, убить целый вид, чтобы выстроить отели и торговые центры.

«*Хейли*, — мысленно произношу я. — *Хейли, Хейли, Хейли*». От двух слогов ее имени у меня предательски бьется сердце.

Но Брук мила, сексуальна, она само совершенство. В ресторане, когда мы целовались, я почувствовал, как что-то во мне, доселе болтавшееся без дела, встает со щелчком на свое место, почувствовал, как планета на мельчайшую долю секунды остановила вращение, залюбовавшись нами...

Хейли, Хейли, Хейли...

И вот влажные губы Брук блестят в рассеянном свете, льющемся из кухни, ее глаза подернуты пеленой, веки полуприкрыты и чуть дрожат от страсти...

Хейли, Хейли, Хейли...

Ее кожа сверкает, словно освещенная внутренним светом. Мы молоды и прекрасны, мы не всегда будем такими, но сейчас это так. Где надо — у нас мягко, где надо — твердо, и мы просто обязаны заняться сексом, как положено, и от нее пахнет корицей, сексом, и, черт подери, мы просто обязаны заняться этим, мы созданы для этого, каждая молекула наших тел этого требует, нам не остается ничего другого.

Поэтому я веду ее наверх, к себе в спальню. Мы срываем майки, я трогаю губами гладкую кожу ее живота, нежную и горячую. От прикосновения к телу Брук меня словно бьет током. Я не думаю о Хейли, о том, как мы в последний раз ночью лежали в этой кровати, а днем она улетела, о том, как она кончила и легла на меня, прижавшись коленями к моим ребрам, ее лицо раздурмянилось, она улыбалась мне в рассеивающемся тумане нашего секса. Как мы обнялись и прижались друг к другу, голые и потные; мы думали, что это всего-навсего еще один прекрасный день, а впереди у нас целая счастливая жизнь. *У меня была жена. Ее звали Хейли.*

— Что не так? — спрашивает Брук и, задыхаясь, отстраняется, чтобы взглянуть на меня.

— Все в порядке, — отвечаю я. Но что-то изменилось — какой-то неизвестный, но жизненно важный элемент нашей химической системы, и она чувствует это.

— В чем дело?

— Не знаю.

— Ты не хочешь?

— Хочу.

— Может, мы слишком поспешили?

— Нет.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Нам ведь не обязательно.

— Я знаю.

Вот оно: мы слишком долго обсуждали секс, чтобы просто им заняться. Я чувствую, как проседают слои почвы, стрелки циферблата бешено вращаются в обратную сторону, исчезают молекулы и воздух становится разреженным.

— Прости, — говорю я и скатываюсь с нее.

— Не надо извиняться, — отвечает она.

Мы лежим на спине рядом друг с другом и смотрим в темноту. Ни звука, только наше успокаивающееся дыхание. Сердца стучат медленнее, надежды пропадают. В комнате все еще пахнет сексом и потом, но это уже не наши запахи, и они меня раздражают.

— Просто скажи, если дело во мне, — произносит она.

— Ты тут ни при чем, — отвечаю я. — Не знаю, почему все так.

Она поворачивается на бок, смотрит на меня и кладет мне руку на грудь.

— Пожалуйста, поговори со мной, Дуг.

Но я не хочу разговаривать, не хочу проводить очередное болезненное вскрытие, которое с неизбежностью следует за неудавшимся сексом. Я хочу, чтобы у нас все было хорошо, я знаю, что, может, завтра все получится, но что бы мы ни сказали, сегодня ничего не будет — так зачем же причинять друг другу боль? А раз я не хочу разговаривать, то мне не остается ничего другого, как натянуть одежду, лежащую в куче в ногах кровати, и молча отвезти Брук к ее родителям, в дом, похожий на жилище семейки Брэди.

У двери она обнимает меня.

— Ты позвонишь?

— Конечно.

— Я просто хочу удостовериться: ведь это никак не связано с тем, что я тебе рассказала про изнасилование?

— Вообще никак не связано.

— Так почему ты на меня не смотришь?

Я поднимаю на нее глаза. Брук глядит на меня, и какое-то время мы стоим и смотрим друг на друга. Я не выдерживаю ее взволнованного взгляда и отворачиваюсь. Я наклоняюсь и целую ее на прощанье, она отвечает на поцелуй, но в нем уже нет страсти — лишь нежное признание разлуки.

Когда я сворачиваю на подъездную дорожку к дому, в свете фар вдруг появляются два темных глаза, точно полированные камни, потом я вижу бешеный зигзаг белого пушка и не успеваю нажать на тормоза, как из-под колес раздается отвратительный хруст — скорее ощутимый, чем слышный. Я вылезая из машины и вижу раздавленного кролика, распростертого на потрескавшемся асфальте. Кролик еще жив, он лежит на боку и тяжело дышит, белый животик поднимается и опадает. Искалеченная передняя лапа слегка царапает дорожку, словно кролик все еще рефлекторно пытается убежать. Глазки — кофейные зернышки широко открыты, взгляд устремлен в никуда, усики дрожат. Я в нерешительности стою возле умирающего животного. Меня подташнивает, и я чувствую себя абсолютно беспомощным. Мне бы следовало его добить, прекратить его страдания, но у меня нет пистолета, а вынести бейсбольную биту и размозжить кролику голову у меня не хватит сил. Все, на что я способен, — быть с ним до конца, присесть рядом с кроликом на ночном холоде, смотреть ему в глаза, снова и снова утешительно повторять: «Прости». Ран почти не видно, кролик не корчится от страха и боли. Он спокойно лежит, смирившись, как будто смерть — всего лишь одна из вещей, которые нужно сделать сегодня. Мне ничего не остается, кроме как сидеть и наблюдать, как прерывается его дыхание. Кролик задыхается, его тело бьет дрожь, он закрывает глаза и умирает.

Я беру в гараже тяжелую садовую лопату и хороню кролика в неглубокой, незаметной могилке на краю заднего двора. Я несю лопату обратно в гараж, и внезапно к горлу подкатывает ком горечи. Я падаю

на колени и обильно блюю на изгородь, пока наконец во мне ничего не остается, пока меня не выворачивает наизнанку. Меня сотрясает еще несколько тщетных рвотных позывов, от которых внутренности буквально переворачиваются. Все кончилось, у меня кружится голова и кисло во рту. В доме я споласкиваю рот виски и иду наверх. Вида сброшенного одеяла и смятых простынь на моей кровати мне сейчас не вынести, и я иду в комнату Расса. Там под одеялом лежит Клэр и читает один из принадлежавших Хейли романов в розовой обложке. У Клэр воспаленные глаза, значит, она либо рано легла спать, либо плакала.

— Привет, — удивленно произносит она. — Как прошло свидание с Брук? У меня было хорошее предчувствие.

Я медленно киваю. Грустно.

— О черт, — говорит Клэр.

— Ага, — устало соглашаюсь я и поднимаю край одеяла. Она двигается к стене, чтобы я тоже мог лечь. Я снимаю ботинки и ложусь рядом с Клэр.

— Ты дрожишь, — замечает она, и я вспоминаю предсмертную агонию кролика. Неужели я проклят, думаю я, неужели я никогда не перестану дрожать. Но Клэр кладет на меня руку и обнимает меня; она теплая, от нее пахнет тоником для лица и слезами, и спустя несколько секунд дрожь проходит. Клэр бывает властной, назойливой, высокомерной, но когда я расклеиваюсь, только она знает, как привести меня в чувство.

— Я все испортил, — признаюсь я.

— Ну разумеется, — необидно заявляет она. — Но попробуй взглянуть на ситуацию иначе. Зато тебе было, что портить. Потихоньку, Дуг. Не все сразу.

— Похоже, ты плакала.

Она пожимает плечами.

— Гормоны.

— Ну да, — соглашаюсь я. — Ладно.

Мы по очереди плачем и успокаиваем друг друга в темноте, мы выговариваемся, пока не опухают языки и не пересыхает во рту, и нам становится нечего сказать. Потом мы молча лежим, свернувшись калачиком, как эмбрионы, как инь и ян, поменявшись местами в импровизированной утробе. Я чувствую, как меня, точно теплая

патока, заливает тяжелое забытьё. Последнее, что я вижу, перед тем как, убаюканный легким дыханием Клэр, проваливаюсь в черный сон без сновидений, — розовые сполохи зари, протянувшиеся в ночном небе, точно нашаривающие что-то пальцы.

Глава 33

— Какого черта? — спрашивает Расс.

Я все еще в полусне, поэтому он откашливается и спрашивает снова:

— Какого черта?

Похоже, буквально все сговорилось меня будить. Если бы мне дали чуть-чуть поспать, быть может, я проснулся бы со свежими силами и новым, трезвым взглядом на жизнь, был бы готов принять свою жизнь и решить мириады проблем. Может, дело не в том, что я запутался, грущу или сам себе враг, просто я дошел до ручки от усталости.

— Уходи, — бормочет Клэр хриплым со сна голосом.

— Я пытаюсь понять, с чего это вдруг вы двое спите в моей комнате, в одной кровати, — отвечает стоящий в проеме двери Расс, — пытаюсь, но у меня ничего не получается.

— Сколько времени? — интересуюсь я.

— Девятый час.

— Чудесно. Приходи завтра.

— Завтра точно будет поздно.

Я перекатываюсь на спину и открываю глаза, пытаюсь хоть чуть-чуть сосредоточиться.

— В чем дело?

— Надеюсь, ты не против, но я перееду к тебе досрочно. Если, конечно, в этом доме не происходит что-то странное, если никто не предаётся каким-нибудь извращенным утехам; в этом случае мне придется уехать из города, вступить в секту и продавать цветы на автовокзалах или что-то вроде того.

Я поднимаю одеяло, чтобы продемонстрировать, что с вечера не раздевался.

— Слава богу, — произносит Расс.

— Так когда ты переезжаешь? — спрашиваю я, скатываясь с кровати на пол.

Расс смотрит на часы.

— Хорошо бы сейчас.

— Нельзя ли потише, — стонет Клэр и отодвигается к стене, ударившись головой.

— Что случилось?

— Легкое недоразумение с отцом семейства, — поясняет Расс, входит в комнату и прислоняется к письменному столу. Новый стул я еще не купил, а ошметки старого до сих пор валяются на лужайке перед домом.

— И насколько все плохо?

— По десятибалльной шкале?

— Ага.

Он кивает.

— Пятьдесят.

— Похоже, дела и в самом деле плохи.

— Ты даже не представляешь насколько.

— Ну так расскажи.

— Обязательно. Но после.

— После чего?

Снаружи слышно, как хлопает дверь машины; потом кто-то настойчиво трезвонит в дверь. Клэр вздыхает и прячет голову под подушку. Стоящий у окна Расс пригибается и выглядывает из-под подоконника, как снайпер.

— После того, как ты спровадишь Джимбо.

Я подхожу к окну. Джима мне не видно, но я слышу, как внизу, под карнизом, он колотит в дверь:

— Расс, черт тебя подери, выходи! Я тебя убью!

У обочины, прислонившись к машине, стоит Энджи и ошарашенно смотрит на мужа. Как обычно, она вырядилась, точно девочка-подросток: на ней обтягивающие джинсы на бедрах, короткий топик, открывающий немаленькую грудь, подтянутый живот и мускулистые руки; как всегда, тело Энджи лоснится от медового загара. Заметив в окне меня, она сексуально ухмыляется и машет мне рукой с безупречным французским маникюром, как будто ее муж вовсе не пытается выбить дверь.

— Расс! — орет Джим.

Я вижу, что соседи выглядывают в окна и выходят на дорожку у дома, наблюдая развитие очередной драмы в своем некогда тихом квартале.

— Выходи!

— Кто-нибудь, пристрелите этого мудака, ну пожалуйста, — хнычет Клэр из-под одеяла.

— Джим! — ору я из окна.

Он спускается с крыльца и смотрит на меня. Он небрит, в джинсах, тапках и грязной футболке. Очевидно, то, что случилось сегодня утром, поважнее утреннего омовения.

— Дуг, я знаю, что он там!

Сидя под подоконником, Расс трясет головой и бешено машет руками.

— Он здесь, — признаюсь я, и Расс в отчаянии закрывает лицо ладонями. — А в чем дело?

— Я до него доберусь! — кричит Джим.

— Я спущусь, и мы поговорим, — отвечаю я.

— Тебя это не касается.

— Как скажешь.

Я отхожу от окна.

— Дуг! — верещит Джим.

— Что же ты, черт подери, сделал? — интересуюсь я у Расса.

— Украл несколько дисков из его коллекции порнухи.

Я гляжу на него.

— И он так бесится из-за того, что ты украл какие-то там диски с порнухой?

— Ну...

— Расс.

— Это было домашнее видео.

Клэр выглядывает из-под одеяла.

— И что же там было?

— Ровно то, что вы подумали.

— Они у тебя с собой?

— Клэр!

— Я просто спросила.

— Пожалуйста, не вмешивайся, — прошу я. — Так, значит, на этом диске...

— Дисках.

— Дисках. На них Джим с Энджи?

— Угу.

— Ты ловишь кайф, глядя, как твой отец занимается сексом? — интересуется Клэр.

— Нет, черт подери. Там в основном была Энджи.

— Одна Энджи? — переспрашивает Клэр.

— У нее есть игрушки.

— И где сейчас диски?

— Оригиналы на своем месте в комод.

Внизу Джим снова начинает ломиться в дверь. Из — за Расса и Клэр нам придется ставить новую дверь — покрепче, со стальной арматурой.

— Ты сделал копии?

— Чтобы он их не потерял.

— Ай молодец, — одобрительно произносит Клэр.

— Заткнись, Клэр. И сколько копий?

— Достаточно.

— Расс. Я хочу тебе помочь.

Расс вздыхает и запускает пальцы в волосы.

— У меня есть сайт.

— О черт.

Он пожимает плечами.

— Мои приятели без ума от Энджи. Они меня умоляли. Джимбо ничего бы не узнал, если бы не пошарил у меня на харде. Так ему и надо. Нечего было вторгаться в мою личную жизнь.

— Ты выложил записи с голой женой своего отца в интернет, и он же вторгается в твою личную жизнь?

— Минус на минус не дает плюс.

Я качаю головой.

— Ладно, пошли со мной.

— Мне там находиться небезопасно.

— Знаю. Запрещь за мной дверь.

Снаружи Джим пытается взобраться по водосточной трубе в комнату Расса, что выглядело бы очень смешно, если бы он и правда не был способен по ней залезть.

— Джим, — окликаю его я. — Слезай оттуда.

— Я прибью этого поганца, — задыхаясь, рычит Джим.

Он подтягивается повыше, с него градом льет пот. Джим неистово скребет ногой по кирпичной стене и наконец неловко опирается о торчащий кронштейн трубы. Мускулы на его руках напрягаются, угрожая прорвать упругую кожу. Я оборачиваюсь к Энджи за поддержкой, но, похоже, она умеет только стоять, лениво прислонившись к машине, и демонстрировать хорошенькое личико. Меня осеняет догадка: похоже, она не сильно расстроена из-за того, что какие-то распаленные подростки дрочат под видео с ее обнаженной.

— Соседи, должно быть, уже позвонили в полицию, — сообщаю я заднице Джима, которая находится на уровне моих глаз. — Они скоро прикатят, и тебе вряд ли будет приятно, если они застанут тебя за попыткой вломиться в чужой дом.

— Это мой дом, — фыркает он и подтягивается еще выше. Скоро он уже сможет дотянуться до козырька над входной дверью, а оттуда через открытое окно легко пролезть в комнату Рассы.

— Энджи, — говорю я, — ты мне не поможешь?

— Слезай, Джим, ну что ты как дурак, — неуверенно зовет она, переводит взгляд на меня и пожимает плечами. Когда развалился первый брак Джима, Энджи тоже делала вид, что она тут ни при чем — так, случайный свидетель. Извиваясь и ворча, Джим карабкается по трубе в мокрой от пота футболке, а из сползших джинсов нам улыбается его жопа. Он уже почти в двух метрах от земли и вот-вот доберется до козырька.

— Черт подери, Джим, спускайся, — кричу я. — Я не шучу.

Он с презрением смотрит на меня.

— Или что, Дуг?

— Или я тебя оттуда стащу.

Джим кривит губы в насмешливой ухмылке.

— Дорого бы я дал, чтобы на это посмотреть, — хрюкает он.

Не знаю, чем бы вся эта дичь закончилась, если бы он не смерил меня взглядом, в котором читалось: «И что ты мне сделаешь?» Но его ухмылка вывела меня из терпения. Он не оставил мне выбора.

Я забираюсь на перила крыльца, глубоко вздыхаю и, не успев даже испугаться, прыгаю на него. Я думал вцепиться ему в плечи, но не тут-то было; я сжимаю в кулаке клочья его потной футболки, которая громко трещит, когда я сползаю у него по спине. В последний

момент я ухитряюсь обхватить его за поясницу. Джим мгновенно теряет опору, его ноги срываются со стены, тапочки сползают и валяются на землю. Джим мертвой хваткой вцепляется в водопроводную трубу, и только поэтому мы с ним не падаем вслед за тапочками.

— Мудак! — орет он, пытаюсь меня стряхнуть; труба ходит ходуном, а кронштейн прогибается под нашей тяжестью. — Слезь с меня, черт тебя подери!

— Вали из моего дома ко всем чертям! — рычу я на него. А потом изогнутое колено трубы, на котором мы висим, хрустит, как куриная косточка, и мы, описав в воздухе дугу, срываемся со стены на землю. Джим тяжело приземляется на меня, расплющив меня, точно кусок мясного рулета, я буквально чувствую, как рвутся легкие, когда из них выходит весь воздух. Не успеваю я перевернуться, как Джим рывком поднимает меня на ноги и снова швыряет на землю.

— Сукин сын! — ревет он, и все, что я вижу, — его босые ноги на траве.

Джим приближается ко мне, и вот я снова лечу по воздуху и приземляюсь лицом в траву. Я бы мог за себя постоять, но двор кружится, словно карусель, рот разучился дышать, и воздух не доходит до легких. В конце концов, подростком я занимался карате с сэнсэем Гольдбергом из «Ассоциации молодых христиан». Верхний блок, ответный выпад, удар ногой сбоку в колено, рубящий удар ладонью по шее. Я могу причинить боль. Но перед глазами все плывет, отрывочно, под косым углом, я вижу лишь дом, небо, Энджи, бегущую ко мне с перепуганным лицом, и Джима, у которого из носа идет кровь — неужели я разбил ему нос? Тут Джим снова надвигается на меня. Где-то вверху я слышу, как Клэр верещит:

— Отстань от него, ублюдок!

Пошатываясь, я поднимаюсь на ноги, Джим тут же вцепляется мне в горло и швыряет меня на стену дома. Я и представить себе не мог, что мы так близко к дому. Может, он меня сюда приволок за шиворот? За его плечом я замечаю лицо Энджи, вижу, как ее губы шевелятся. Со мной такого не могло случиться: ведь я хороший, я вдовец, и где это видано, чтобы с такого парня семь шкур спускали на собственной лужайке у соседей на виду? Земля плывет у меня под ногами, меня шатает. Джим промахивается, его массивный кулак со свистом пролетает мимо моего носа, не задев меня.словно в

замедленной съемке, я вижу следующий кадр, различаю удар, могу вычислить кривую его траектории. На этой руке Джим носит вызывающе-крупное кольцо на память о колледже — такое большое, что хочется преклонить колени и поцеловать кольцо, будто Джим — патриарх Роклендского колледжа. Но я не поднимаю рук, чтобы поставить блок, и не наклоняю голову. Я понимаю, что сейчас Джим меня ударит, и удар будет мощный и целенаправленный — всем ударам удар, с его-то весом, он разmozжит мне лицо. Но, тем не менее, мои руки бессильно висят вдоль тела. Краем глаза я замечаю в воздухе чей-то темный силуэт и тут же оказываюсь на земле, как и Джим с Рассом, который прыгнул с крыльца, чтобы нас разнять. Расс бешено молотит Джима кулаками, а Джим катается по земле, схватившись за голову: они сцепились, как Годзилла с Кинг-Конгом, а я — словно белокурая цыпочка, разрывающаяся между ними. Я пытаюсь оттащить Расса, и он заезжает кулаком точнехонько мне в скулу, в дюйме от глаза. У меня рябит в глазах, и я тяжело оседаю на землю. Расс соскакивает с Джима и несется ко мне, ругаясь и прося прощения, а Энджи подбегает к Джиму. Всем влетело, победивших нет. Драка прекращается, словно по волшебству — так же молниеносно, как началась. Я хватаю ртом воздух и чувствую, как у меня под глазом набухает свежий синяк — там, куда Расс заехал кулаком. Я чувствую во рту привкус крови. Расс плачет, Энджи плачет, Джим дрожит, вдалеке слышна сирена. Я хватаю ртом воздух, двор кружится медленнее, и если бы мне удалось вдохнуть, то я бы мог все уладить — если бы мне только удалось открыть рот и пустить воздух в легкие, если бы кислород попал в кровь, то я бы точно все уладил, но сирена звучит громче, и вот уже во двор выскочила Клэр, она стоит на коленях возле меня, что-то говорит, но я не слышу ни слова: в ушах у меня, словно водопад, шумит кровь. Я переворачиваюсь на бок и вижу — за коленом Клэр, за ногами Расса, за переплетенными силуэтами Джима и Энджи — коричневого кролика на том конце двора. Кролик сидит в тени туй, разделяющих участки, и смотрит на меня. Кролик думает обо мне всякую чушь, он молча осуждающе глазеет на меня, а я хватаю ртом воздух. Я просто пытаюсь вдохнуть.

Энджи и Клэр убалтывают копов. Вместе они ослепительно красивы, так что молоденькие, стриженные под ежик копы не знают, с

кем из них сначала заигрывать. Слышны извинения, объяснения, игривые смешки, Энджи и Клэр улыбаются и кивают копам, а те пялятся на их грудь. Смущенным полицейским на пальцах объясняют сложные взаимоотношения, связывающие таких разных членов нашей семьи. Отец, мачеха, отчим, сестра, которая у него гостит, — с первого раза не понять. Но в конце концов становится ясно, что обвинения нам никто не предъявит и протокола составлять не будет. Наши дамы трогают копов за плечо, щурятся, благодарножимают им руки. Обычная семейная ссора, которая немножко вышла из-под контроля, но сейчас все, конечно, уже в порядке. Копы оглядывают Джима, Расса и меня: мы так и сидим там, куда приземлились в рукопашной. Мы киваем, изо всех сил пытаюсь выглядеть пристыженно и покорно, но мы не красавцы, так что копы с нами не говорят. Я отключился, и речь зашла было о скорой, но я быстро пришел в себя, и Клэр убедила всех, что скорую вызывать не нужно. И вот, бросив прощальный жадный взгляд на объединенный фронт Энджи и Клэр, копы неохотно забираются в патрульную машину и уезжают. Энджи запикивает Джима на пассажирское место «БМВ», и, как только дверь захлопывается, он закрывает лицо руками и захлебывается от рыданий. Мы с Рассом отводим взгляд — так инстинктивно поступают мужчины, когда другие мужчины плачут.

Наконец мы остаемся втроем. Мы сидим на крыльце, возбужденные от избытка эндорфинов и адреналина, который все еще бродит по нашим венам. Мы болтаем, как обычно болтают люди, пережившие потрясение. Мы соединяем три точки зрения в единый рассказ, которому суждено стать официальной версией событий, первоисточником всех будущих обсуждений.

Клэр идет в дом и возвращается со льдом в двух пластиковых пакетах на молнии — для моего лица и кулака Расса.

— Ну и фингал у тебя, — сообщает мне Расс.

— Нашел чем гордиться.

— Я случайно. Ты под руку попался.

— Ты должен был сидеть в доме.

— Я не мог тебя бросить. Тебе бы надрали задницу. Со мной это не прокатит, чувак.

— Я сам со всем разобрался.

— Не стоит благодарности. О боже!

— Ладно. Спасибо, что разозлил Джима, а потом появился сюда, чтобы я расхлебывал кашу, которую ты заварил. Спасибо, что врезал мне по морде и навесил фонарь за два дня до свадьбы сестры.

— А еще я спас твою задницу. Мы бы до сих пор твои зубы с газона собирали.

Я вздыхаю сквозь пакетик со льдом.

— И за то, что спас мою задницу.

— Пожалуйста.

Со всех сторон доносится ежедневный саундтрек пригородного утра; квартал оживает. Ритмичный шепот дождевателей, вой газонокосилок и машин для удаления листьев, жужжание гаражных дверей, визг тормозов школьных автобусов. Из домов выходят люди — свежесбрившиеся, с вымытыми шампунем волосами — и начинают новый день. Им есть, чем заняться, есть, куда пойти и с кем встретиться; они добились относительного успеха, они активны и стремятся достичь большего. Мы наблюдаем из партера, словно балетный номер, как они занимаются своим обычным делом — живут. А мы трое сидим на заднице и удивляемся, откуда у них столько сил.

Глава 34

Мы с Рассом покупаем продукты в «Супер Стоп & Шоп». Мы набираем бутылки с газировкой, пакеты чипсов, спагетти, банки с томатным соусом, белый хлеб в больших количествах, пасту для сэндвичей и замороженные полуфабрикаты. Все, что мы покупаем, содержит максимальное количество химикатов и требует минимального приготовления. Мы не сравниваем бренды, не ищем рекламные листовки и купоны на скидку, ведь мы скоро станем миллионерами, так что цена не имеет значения. Мы не думаем о калорийности: мы молоды, стройны, печальны и прекрасны, сияем от горя и будем есть все, что захотим, когда захотим, и абсолютно без вреда для себя. Мы несемся по супермаркету, как юные принцы крови, как лучшие летчики-истребители, хватая все, что заблагорассудится; нас опьяняют безграничные возможности созданной нами новой альтернативной семьи. На нас обрушились удары судьбы, нам обрезали крылья, но мы восстали из пепла и возвысились над домохозяйками из пригорода, которые не сводят с нас обожающих глаз, накладывая в тележки свежие овощи и курицу. Мы — семейка из комедийного сериала, из диснеевского фильма, смелый социальный эксперимент. Мы покупаем мешки замороженных куриных наггетсов и картофеля фри. Нам понадобится еще одна морозилка.

На моей левой скуле красуется фиолетовый синяк, который саднит не переставая. Я то и дело хватаюсь за него, вынужденно исследуя новый рельеф плоти — так раскачиваешь языком шатающийся зуб. В отметине насилия, несомненно, есть что-то приятное — своего рода подтверждение мужественности, даже несмотря на то, что появилась эта отметина от случайного удара того самого парня, которого я вроде как защищал. Мне пустили кровь во время жестокого обряда инициации, я заслужил новый статус в племени. С момента героического сражения с Джимом прошел всего лишь день, и через меня все стороны договорились, что для Рассы будет лучше переехать ко мне, желательно немедленно. Теперь я отвечаю за этого мрачного, запутавшегося, озлобленного парня, за это длинноволосое татуированное вместилище гнева и скорби. Я отчим. Дурная шутка, мерзость, мина замедленного действия. Все отлично.

Мы набираем продукты и подначиваем друг друга — наша собственная специфическая разновидность тонкой иронии, приправленной любовью. Мы будем оттачивать остроумие до совершенства, пока оно не станет нашим отличительным знаком, как у Хепберн и Трейси^[27]; если честно, я никогда не видел Хепберн и Трейси, но уверен — мы гораздо смешнее. Я беру продукты с полок и бросаю их Рассу, как футбольный мяч, все идет без сучка без задоринки, но в конце концов Расс промахивается, и обернутая пленкой половинка арбуза с глухим стуком шлепается на пол и раскалывается.

— Черт, — произносит Расс.

— Невероятно. Ты промахнулся.

— Чувак. Он и рядом не пролетал.

— Я думал, ты возьмешь влево.

— Я притворился, что возьму влево.

— Неплохо.

— Бери другой.

— Мы не можем вот так просто положить этот обратно на полку.

Ты разве не слышал: разбил — покупай?

— А ты разве не знаешь, что покупатель всегда прав?

— И что бы сделал Иисус?

— Иисус бы не уронил арбуз, как девчонка.

— Положи в тележку.

И вот в этом загвоздка. Мы по-дружески болтаем, по-товарищески делим кров, по-братски общаемся, но в какой-то момент я как опекун обязан настоять на своем. Рассу, как никому другому, нужен хороший пример, и раз уж я в это ввязался, то должен соответствовать — неважно, гожусь я для этого или нет. Допустим, это был аванс на будущее, и все-таки, несмотря на всю неубедительность моих полномочий, надеюсь, что, к собственному удивлению, я открою в себе доселе неведомый кладезь зрелости, копившейся, словно проценты с капитала, что позволит мне проявить мудрость и установить дисциплину, но так, чтобы это не сказалось на моей общей безбашенности. Я пока не решил, как именно ступлю на территорию таких сложных вопросов, как секс, наркотики, прогулы и порнуха в интернете, но, ей-богу, в ситуации с расколовшимся арбузом я могу подать добрый пример: несколько секунд побуду белым и пушистым,

чтобы все пошло удачно и мы с честью вышли из первого нравственного испытания.

По дороге домой (Расс за рулем) мы впервые официально беседуем как отчим и пасынок.

— Я хочу машину, — заявляет он.

— У тебя нет прав.

— Скоро получу.

— Тогда и поговорим.

— Но ведь деньги не проблема, — произносит он, смущенно отводя глаза.

— Думаю, что деньги — довольно большая проблема.

Мы никогда не обсуждали компенсацию от авиакомпании — огромную кучу денег, которую нам предстояло получить.

— Это почему?

— Потому что ты мрачный злой парень, который потерял мать и ненавидит отца. А теперь ты еще и разбогатеешь. Если нужен рецепт, как испортить ребенка, то лучшего не придумать. И я просто обязан позаботиться о том, чтобы ты не вырос богатым засранцем, который тусуется с себе подобными, встречается с уродливыми звездульками и покупает ночные клубы, — одним из тех, кому еще нет двадцати пяти, а они уже попали в реабилитационный центр.

— До чего же приятно, что ты так в меня веришь.

— Ты еще ребенок, Расс. И все это серьезно. Знаешь, тебе неплохо бы сходить к психологу. Наверняка есть такие, которые на этом специализируются.

— О боже, Дуг, это же всего лишь машина.

— Следи за дорогой.

— Слежу.

Несколько минут мы едем молча, и постепенно моя паника проходит.

— И вот еще что, — продолжаю я. — Вполне возможно, что я принимаю все близко к сердцу. Дай мне время на раздумье, ладно?

— Ладно.

Ты клянешься себе, что никогда не станешь таким, как родители. Слушаешь тяжелую музыку, одеваешься по молодежной моде, трахаешься стоя и на кухонном столе, постоянно повторяешь «черт» и «дерьмо», но в один прекрасный день без предупреждения из твоих

уст вылетают их слова, словно долго бездействовавшие агенты, которые внезапно активизировались. Ты еще молод и способен услышать эти слова ушами подростка, который сидит рядом с тобой, и поэтому осознаешь, насколько жалки и бесполезны твои усилия — несколько мешков с песком против приливной волны наследственности.

Дома Клэр руководит разгрузкой пакетов, заполнением холодильника и буфета. Потом Расс идет в свою прежнюю комнату, чтобы разобрать вещи. Утром позвонила Энджи и сказала, что Джима нет дома и чтобы, пока он не вернулся с работы, мы вывезли вещи Расса. На сотовом мигают многочисленные сообщения от Брук, Лейни и неугомонного Кайла Эванса, но я не перезваниваю. Я теперь отчим, и мне нужно хорошенько сосредоточиться.

— Да пусть купит машину, — говорит Клэр. — В старших классах без машины и сексом не заняться.

— Не знаю, хочу ли я, чтобы он занимался сексом. Она с упреком показывает на меня пальцем.

— Кайфолом.

— Я за него отвечаю.

— И поэтому ломаешь ему кайф. По правде говоря, если ты в старших классах не занимался сексом...

— Я в старших классах занимался сексом.

— Так вот, — продолжает Клэр. — Я считаю, что тебе лучше разрешить ему купить машину и дело с концом. Можешь забить бардачок презервативами и брошюрами о вреде вождения в нетрезвом состоянии, если тебе станет от этого легче.

— Спасибо. Ты мне очень помогла.

— А как же.

Мы с Рассом и Клэр ужинаем, сидя за столом в столовой. Впервые со смерти Хейли я ем здесь, впервые ставлю на подставку настоящую тарелку, а не открываю консервы, разогреваю и ем на диване перед телевизором, запивая вином или виски. Мы жуем и болтаем, шутим и поддразниваем друг друга, отлично понимая, что это не просто ужин, а своего рода торжественное открытие, начало чего-то нового. И хотя почти ничего не изменилось, мы все испытываем смутное чувство, будто там, где когда-то было что-то, а потом не было ничего, снова

возникло что-то — меньше и печальнее, чем раньше, но все-таки теплое, настоящее, полное возможностей. Если мы все не испортим.

Я так хочу, чтобы мы ничего не испортили.

Глава 35

В маленькой приемной у школьного кабинета Брук напротив меня сидит красивая девушка — хотя она изо всех сил старается скрыть свою красоту. Ее губы перемазаны черной помадой, глаза жирно подведены черным карандашом, в ноздре металлическое кольцо, в ложбинке под пухлой нижней губой, словно жемчужина в раковине, примостилась сережка-гвоздик. У девушки большие зеленые глаза, высокие скулы и безупречный цвет лица, так что ей не удастся никого обмануть: красота сияет, как противотуманная фара, и я задаюсь мыслью, что же заставляет девушку так упорно ее скрывать. Через два стула от нее сидит парень с длинными грязными волосами, тощей козлиной бородкой, в потертых джинсах и с тусклым взглядом наркомана. Он ссутулился, сложил руки на груди и таращится на лампу дневного света, тщательно напуская на себя равнодушный вид и притворяясь космически спокойным. Парень и девушка изо всех сил стараются не замечать друг друга — два ребенка, пусть и трудные, чудаковатые, решительно жмущиеся к стенам приемной. Их положение в цепи питания различно, и нет темы, по поводу которой они могли бы сойтись во взглядах. Вот он, дух системы: детей так ограниченно классифицируют, что они даже не могут друг с другом общаться. Со временем их число увеличится, и они будут представлять опасность для правящего класса.

Мы сидим в приемной — два озлобленных подростка и я, три чудака. Удивительно, до чего их молчание заразительно, с какой легкостью я перенимаю их правила. Время от времени их нервно блуждающие взгляды встречаются с моим, но дети мгновенно отворачиваются, не успев толком посмотреть в глаза. Я удивлюсь, если в старших классах еще кто-то с кем-то разговаривает.

— Дуг, — окликает меня Брук с порога кабинета. — Что ты здесь делаешь?

На ней серые брюки и черная шелковая блузка; Брук выглядит бодро и профессионально. И похоже, она вовсе не так рада меня видеть, как я надеялся.

— Мне нужно было тебя повидать.

— О господи, что у тебя с лицом?

Я любовно потираю синяк.
— И поэтому отчасти тоже.
— Ребята, я вас приму через минуту, — говорит она двум ждущим подросткам, которые слишком заняты тем, что делают вид, будто их тут нет, чтобы их это волновало.
— Прости за тот вечер, — говорю я, когда мы усаживаемся у нее в кабинете.
— Не стоит извиняться, — отвечает Брук.
— Мне неловко.
— Тебе должно быть неловко за то, что ты мне так с тех пор и не позвонил.
— Да.
— И за то, что не отвечаешь на звонки.
— И за это тоже прости.
— И за то, что заставил меня чувствовать себя полной дурой.
— Я не хотел. Прости.
— Так что у тебя с лицом?
— Я сцепился с Джимом.
— И он тебя ударил?
— Вообще-то меня ударил Расс.
— Тебя ударил Расс?
— Но он хотел ударить Джима.
— Ты это в переносном смысле?
— Я налетел на его кулак.
— Ага.
— Короче, Расс теперь живет со мной.
Брук улыбается.
— Ну вот, хоть какая-то хорошая новость. И как ты?
— Как ни странно, нормально, — признаюсь я. — Только немного боюсь. Если честно, до ужаса. Но в хорошем смысле.
— Все будет хорошо.
— Спасибо.
Какое-то время мы смотрим друг на друга.
— Так ты пришел, чтобы рассказать мне об этом?
— Нет. Я пришел, чтобы спросить, что ты думаешь о свадьбе.
— Дуг, ты очень мил, но, пожалуй, я пока не готова взять на себя такие обязательства.

— На выходных моя сестра выходит замуж.

— И тебе нужна спутница.

— Мне не нужна спутница. Мне составят компанию Расс и Клэр.

Я просто подумал, что было бы здорово, если бы ты пришла.

Она вздыхает — глубоко, меланхолично, словно борясь с противоречивыми чувствами.

— Послушай, Дуг. Ты мне нравишься. Но я должна знать вот что: быть может, у тебя сейчас такой период, что каждый раз, как мы будем сходитья ближе, ты станешь паниковать и сбегать. Если это так, то нет проблем, я все пойму. Я просто не хочу в этом участвовать.

— Думаю, что я уже это пережил, — признаюсь я.

— Ты уверен? — с сомнением переспрашивает Брук.

— Уверен.

— Дуг!

— Я серьезно.

— Для сложностей слишком рано.

— Я понимаю.

Она смотрит на меня долгим изучающим взглядом, задумчиво покусывая нижнюю губу. И мне вдруг кажется жизненно важным, чтобы она согласилась. Перед нами, словно развилка дороги из желтого кирпича, простираются разные пути, и все, что произойдет потом, зависит от того, что случится в ближайшие пять секунд. Конечно, я говорил, что судьба — полная фигня, но я ошибался. Если бы я верил в Бога, я бы произнес коротенькую молитву: *«Господи, ты достаточно портил мне жизнь, и сейчас я даю Тебе шанс загладить вину»*. Но я не верю, поэтому и не молюсь. Мне остается только сидеть и нервно ждать, пока пройдет время. Но время тянется, раздуваясь, словно огромный красный воздушный шар, и мне остается только сидеть и делать жалобный вид, дожидаясь, пока шар лопнет.

— Дуг.

— Брук.

Она медленно и громко вздыхает, качает головой.

— Мне нечего надеть.

Глава 36

Свадьба Дебби состоится на выходных в загородном клубе в Норуолке, штат Коннектикут. Вечером в пятницу запланирован ужин-репетиция для близких друзей и членов семьи, а в субботу на закате на побережье пройдет церемония, после которой в главном зале клуба будет дан прием на пятьсот персон. Эту свадьбу моя мать обдумывала всю жизнь. Свадьба Клэр прошла на обширных землях Чаппаки, поместья родителей Стивена (когда никто не слышал, мы называли Чаппаку «Золотарней»), а мы с Хейли объявили о своем решении в тесном кругу друзей на вечеринке в «Таттингере», нашем любимом ресторане на Манхэттене. Мать встретила эти оскорбления многозначительным молчанием, как человек, которого подвергли несправедливым унижениям. Но с Дебби, ее малышкой, таких сложностей не возникло, и мать расстаралась вовсю.

В пятницу днем я в спальне одеваюсь к обеду и вдруг нащупываю что-то в кармане пиджака: это оказывается тюбик губной помады и скомканный счет из «Гудзонской таверны», ресторана, где мы с Хейли ужинали в наш последний вечер. Такие мелочи возвращают нас в прошлое — увы, но это так. Последние притаившиеся до поры осколки жизни, которые ждут, когда их раскопают, как артефакты: запах Хейли на рубашке, каракули списка покупок на семь страниц в записной книжке у телефона, ее помада и счет в кармане пиджака — ошметки исчезнувшей жизни. Вопреки благим намерениям и здравому смыслу я разворачиваю счет и вижу написанные смазанными синими чернилами названия заказанных нами блюд: супы, мясной салат, филе, бутылка кьянти и на десерт пирог с яблоками «Грэнни Смит». На меня накатывают воспоминания того вечера — остро и ослепительно ясно: обтягивающее красное платье Хейли, волосы, заколотые на затылке, так что видна ее тонкая шея, то, как она смеется, запрокинув голову, но сильнее всего — чувственная память о том, каково быть единым целым, принадлежать ей, быть самим собой. Мой живот снова охватывает привычная ноющая дрожь, в груди — тяжесть и опустошенность, но я не заплачу. Я закрываю глаза и возвращаюсь в прошлое: я снова сижу напротив нее, пью ее, точно вино, и у меня

опять расходятся шрамы, открываются раны, и жгучая боль потери остра как никогда — словно в кишках шуруют раскаленной кочергой. Но я не плачу. *У меня была жена. Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня.*

В ванной на ручке двери, там, где Хейли его и оставила целую жизнь назад, висит красный бюстгальтер. Я снимаю его с ручки и бросаю в ящик комода. Я убираю с ее тумбочки все — книги, каталоги, флакон духов, заколку — и швыряю в верхний ящик вместе с губной помадой, которую обнаружил в кармане пиджака. У меня подкашиваются ноги, и я присаживаюсь на краешек кровати на стороне Хейли. Я чувствую, как в глазах закипают слезы, но я их смахиваю. Потому что даже сейчас из комнаты Расса до меня доносится приглушенный стук задвигаемых ящиков комода: парень переодевается к ужину. Я слышу чечетку каблучков Клэр по плитке кухонного пола. Я слышу эти звуки как сквозь сон, и они пробуждают меня к жизни. Судорожно вздохнув и стараясь побороть ощущение горечи утраты, я рывком поднимаюсь с кровати и иду вниз, чтобы Клэр завязала мне галстук.

Репетиция званого ужина проходит в одном из самых маленьких банкетных залов клуба: официанты искусно накрыли здесь фуршет. На сцене ансамбль из трех человек играет легкую музыку. Свет приглушен, по периметру зала расставлены канделябры, и комнату заливают теплое свечение, точно в готическом соборе. Мать в своей обычной манере превратила ужин для самых близких в торжество, и когда мы приехали, в зале было полным-полно друзей родителей и родственников, которых я бы предпочел не видеть. Клэр указывает мне на барные стойки в противоположных концах зала, как стюардесса, демонстрирующая запасные выходы. Они с Рассом отправляются искать наши места среди скопления банкетных столов, расставленных в центре комнаты, а я пробираюсь по краешку, стараясь не привлекать к себе внимания, и оказываюсь у барной стойки. Я быстренько пропускаю пару глотков виски для храбрости, а когда это не помогает, выпиваю еще два, чтобы сохранять невозмутимость. Потом я наливаю себе бокал «Джека Дэниелса» с кока-колой и неохотно присоединяюсь к толпе гостей.

Вот этого я и боялся: люди, которые меня знают всю жизнь, испытующе, с любопытством меня рассматривают, показывают пальцем, взволнованно пожимают руку — им кажется, что они все понимают. Я вдыхаю их удушливую жалость, словно споры сибирской язвы. Я своего рода знаменитость: своей грандиозной славой я обязан пережитым несчастьям. Тут главное — не останавливаться ни на секунду, как кинозвезда, которая выходит из ночного клуба, на ходу улыбаясь камерам. Я притворяюсь, будто у меня срочное дело, и быстро шагаю сквозь толпу, кивком приветствуя знакомых и не останавливаясь ни с кем пообщаться. Вокруг меня, словно злые духи, материализуются родственники. Вот дядя Фредди, младший брат отца. Когда мы были маленькими, мы думали, что он невероятно крут: дядя носил мотоциклетные ботинки и стригся под Джона Бон Джови. А теперь он лысый, с пивным брюшком, у него трое детей от двух бывших жен и мешки под глазами, морщинистые, как кожа крокодила. Вот моя двоюродная сестра Николь, раскаявшаяся лесбиянка — она стала лесбиянкой после колледжа, а потом вернулась к прежней ориентации и вышла замуж за Питера, своего школьного возлюбленного. Вот мой двоюродный брат Нейт, несколькими годами старше меня. Когда мне было восемь, он рассказал мне, что такое анальный секс, и впервые угостил меня сигаретой на бар-мицве своего брата Барри. А когда нам было по четырнадцать, Барри дал Клэр двадцать долларов, чтобы она показала ему сиськи. Вот тетя Эбби, сестра моей матери, ей удалось победить рак груди, после чего она за свой счет опубликовала абсолютно нечитабельные мемуары, которые до сих пор дарит всем при каждом удобном случае. Взгляды родственников пронзают толпу, словно инфракрасные лучи музейной сигнализации, а я, будто коварный похититель произведений искусства, виляя, описываю круги по залу, не поднимая тревоги. Разумеется, кому-то из них все-таки удастся меня остановить, обнять, покачать головой и с вызывающей искренностью сообщить, как я чудесно выгляжу, — словно я жирдяй, который похудел на двадцать килограмм, и у него снова появилась шея. Они нападают со всех сторон, и я в панике вытягиваю шею, выглядывая безопасное местечко. Тут я замечаю отца, который пробирается ко мне через толпу.

— Дуг, — произносит он, подходит и обнимает меня. В своем синем модельном костюме и бледнолиловом галстуке отец выглядит

как всегда элегантно. — Что ты тут делаешь?

— Привет, пап, — отвечаю я, когда он меня обнимает. Я вдыхаю знакомый запах его шампуня от перхоти и лосьона после бритья и снова чувствую себя ребенком. Мне хочется обхватить его руками за шею, а ногами — за поясицу, как будто он снова возьмет меня на руки и отнесет наверх в мою комнату, чтобы уложить спать.

— Ну что, — говорит отец, — давай возьмем тебе чего-нибудь поесть.

Дебби стоит у буфета и оживленно беседует с кем-то из подружек невесты. Она разодета в пух и прах: на ней обтягивающее черное платье, темные волосы уложены в сложную прическу.

— Привет, Пух, — говорю я, наклоняясь и целуя ее. — Шикарно выглядишь.

— Посмотри на свое лицо!

— Сама посмотри.

— Что случилось? Ладно, забудь, я не хочу об этом знать, — продолжает она, щупая мой синяк большим пальцем.

— Ай! Боже, Дебби!

— И это будет на всех фотографиях.

— Можно убрать в фотошопе.

— Правда? Потому что выглядит он кошмарно.

— Забавно. А все меня уверяют, что я отлично выгляжу.

Она пожимает плечами и цинично поднимает бровь.

— Все напились.

Раз уж речь зашла о выпивке, то мой коктейль таинственно испарился спустя пять минут после того, как мне его налили, поэтому я иду к бару и натыкаюсь на Расса с бокалом в руке.

— Эй, — говорю я, — мы уже развлекаемся?

— Вовсю.

— Что у тебя в бокале?

— Тоник.

— Угу.

— И капелька джина.

Мне приходит в голову, что я не должен позволять ему пить и что это необходимо обсудить.

— Расс, мы можем серьезно поговорить кое о чем?

— Дуг, если мы не можем серьезно поговорить, значит, террористы победили.

— У нас не так-то много правил, — продолжаю я.

— Это точно.

— Я не могу тебя контролировать, когда ты с друзьями. Мне остается только верить, что ты примешь правильное решение. Но я не хочу, чтобы ты пил или принимал наркотики у меня на глазах.

Минуту он задумчиво меня рассматривает, потом улыбается и поднимает бокал.

— Договорились. Но, конечно, один праздничный коктейль под твоим бдительным присмотром...

— Будь внимательнее.

— Слушаюсь, сэр.

— Ну что, — спрашиваю я, взяв его под руку, — тебе здесь понравилась какая-нибудь из женщин?

Он оборачивается, смотрит на Дебби, которая смеется с подружками, и вздыхает.

— Только одна.

— Неохота тебя разочаровывать... — начинаю я.

— Понятно, — мрачно отвечает он. — Любовь прошла, завяли помидоры.

— Аминь.

Мы чокаемся.

Шаферы толпятся у бара, где Макс, брат Майка, завел шумный разговор о фондовом индексе «Стандарт энд Пур», о спортивных командах, о том, какую бы актрису они сейчас трахнули, если бы не жена, пузо и лысина. Мне нечего сказать, но это прекрасное место, чтобы спрятаться на пару минут.

— Дуг, — начинает Макс и берет меня под руку. — Похоже, я влюбился. Справа.

— Что?

— Вон там, — показывает он. — Девушка в черном платье.

— Красавица.

— Ты шутишь? Посмотри, какая у нее задница. — Он облизывается. — Я ее хочу.

— Ее зовут Клэр.

— Ты ее знаешь?

— Да.

— Ну, и как она?

— Недавно ушла от мужа, — рассказываю я. — До смерти хочет трахаться.

— Врешь.

— Честно. Все так и есть.

— Ладно, — говорит он, отпуская мою руку. — Пожелай мне удачи.

— Ни пуха ни пера.

Я наблюдаю, как он подходит к Клэр, как сужаются ее глаза, пока он ее кадрит, вижу, как она набирает в грудь побольше воздуха и начинает говорить, и хотя Макс та еще сволочь, мне его все-таки немного жаль. Через две минуты он возвращается, унылый и красный как рак.

— Сволочь ты, — говорит он.

— Ты продержался дольше остальных.

— У этой девицы явно большие проблемы.

— Ладно, — я похлопываю его по спине, — я куплю тебе выпить.

— Дуг, — окликает меня подошедший к нам Майк, — ты видел Поттера?

— Нет.

— И я нет. А ведь он должен говорить тост. Надеюсь, с ним все в порядке.

Дейв и Лейни. Вот черт. Я забыл, что они тоже приглашены. Придется делать вид, что я в упор не замечаю Лейни, которая будет все выходные злобно на меня пялиться. Как будто у меня других проблем мало.

— Уверен, что все хорошо.

— Не представляю, что могло его задержать, но, если он не придет, может, ты выступишь вместо него?

И в этом ирония моей судьбы.

Все благополучно расселись по местам, я сижу между Рассом и Клэр. Я успокоился и наконец смог расслабиться. Мать в своем оранжево-розовом платье выглядит блестяще, потягивает вино и с довольной улыбкой оглядывает зал. Она наклоняется к отцу, а тот поминутно целует ее в голову и барабанит по столу пальцами в такт

музыке, радостно отвечая всем, кто останавливается с ним поздороваться.

— Стэн! — произносят они. — Как приятно тебя видеть!

И отец отвечает:

— Рад тебя видеть, Фил, рад тебя видеть.

Мои родители буквально лучатся, трепещут от радости, и я люблю их как никогда. Остальные болтают обо всем и ни о чем, перешучиваются, сплетничают о присутствующих родственниках, и все идет гладко; но тут Майк стучит ножом по бокалу, поднимается на ноги, и в зале наступает тишина.

— Мы с Дебби очень рады, что вы смогли прийти на наш праздник. Я хочу сказать лишь одно: мне никогда не верилось, что такая красавица согласится выйти за такого, как я.

— И мне тоже, приятель! — выкрикивает Макс, и все смеются.

— В общем, я хотел бы, чтобы мой друг Дуг, по совместительству брат невесты, сказал тост.

Я с ужасом поднимаю взгляд, все аплодируют. Кажется, я вспоминаю: Майк попросил меня заменить Дейва, но я полагал, что он меня предупредит и мне удастся как-то выкрутиться. Поэтому, когда аплодисменты стихают, я все еще ссутулившись сижу на стуле и раздумываю, что же мне, черт подери, делать.

— Дуг! — нервным шепотом окликает меня через стол Дебби.

— Вставай, чувак, — подталкивает меня Расс.

Я медленно поднимаюсь, оборачиваюсь и вижу, что на меня выжидающе таращатся примерно пятьдесят пар глаз. Тут до меня доходит, что я, похоже, перебрал. Я вижу все словно издалека, и это замечательно, но и я тоже далеко, а это уже проблема.

— Тебе надо выпить, — советует Клэр.

— Ты даже не представляешь, насколько ты права, — отвечаю я, и зал взрывается смехом.

— В смысле для тоста.

Она протягивает мне чей-то бокал.

Лица плывут и сливаются в одно у меня перед глазами, точно калейдоскоп, шею покрывает холодный пот.

— Как и многие из вас, я не мастер говорить, — произношу я. — Кажется, последний раз я что-то такое говорил на свадьбе Клэр, и если вы там были, то должны помнить, чем все это кончилось.

По комнате порхает натянутый смех, точно пойманная птица, которая ищет окно. Клэр встревоженно смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Я имею в виду тост, а не брак. Уф... черт.

Клэр качает головой и закрывает лицо руками.

— Я хочу сказать, тот тост получился неудачный. Очевидно, этот у меня тоже не получится, поэтому я лучше замолчу, пока чего-нибудь не ляпнул.

— Отличный тост, чувак! — кричит Макс и хохочет как сумасшедший.

— Эй, — шипит на меня Расс, — да от тебя несет на всю комнату.

— Если хочешь, говори сам, — огрызаюсь я.

К моему изумлению, Расс отодвигает стул и встает.

— Ты чего? — цежу я сквозь зубы.

— Я продолжу твою речь, — отвечает он и демонстративно хлопает, — спасибо, Дуг.

Мне ничего не остается, как повалиться на стул.

— Прекрасно, — шепчет Клэр, скептически качая головой.

— Мне жаль, — говорю я. — Мне очень жаль.

Она кивает на Расса.

— Кстати, наш мальчик нализался.

— Он выпил всего один коктейль.

— Официанты ему целый вечер подливали.

— Ох ты черт, — выдыхаю я.

— Леди и джентльмены, если кто не знает, меня зовут Расс Клейн.

Наверняка вы все задаетесь вопросом, что я могу сказать по такому важному поводу. — Он поворачивается лицом к Дебби, которая нервно ему улыбается. — Видите ли, я знаком с Дебби всего несколько лет, но когда я встретил ее...

Он умолкает и глубоко вздыхает.

— Когда я ее увидел, то влюбился в нее безумно.

У Дебби отваливается челюсть; раздается общий вздох изумления.

— Я знаю, я всего лишь ребенок, — продолжает Расс, — но я всегда представлял, что бы я сказал тебе, будь у меня возможность. Я бы сказал, что ты, несомненно, самая красивая девушка, которую я когда-либо видел. Ты добрая, умная, веселая, сексуальная и такая красивая, правда, очень красивая! Я бы с радостью отдал десять лет

жизни за то, чтобы быть старше и стать твоим парнем. И хотя я тебе совсем не пара, я знаю, что ты — тот идеал, с которым я буду сравнивать всех своих будущих девушек, но ни одна с тобой не сравнится. По крайней мере, благодаря тебе мне есть, к чему стремиться, верно? Ты выходишь замуж, и мне придется тебя забыть. Но я решил, что мне станет немного легче, если я тебе во всем признаюсь. Майк, я лишь хочу сказать, что и не думал проявить неуважение, ты отличный парень, и я надеюсь, ты всегда будешь понимать, как же тебе повезло. Дебби, я лишь хотел пожелать тебе всего самого лучшего — ты этого заслуживаешь — и сказать, что мысли о тебе помогли мне пережить чертовски трудное время — прошу прощения, — а я всегда, всегда буду тебя за это любить.

Расс обводит взглядом толпу, внезапно смущается и застенчиво поднимает бокал.

— Народ, пьем до дна.

Раздается несколько шокированных хлопков и нервный смех. Расс садится; до меня доносится гул короткого диалога, и затем поднимается Дебби. Ее глаза покраснели, щеки разругались от смущения. В комнате снова воцаряется тишина.

— Расс, я даже не знаю, что сказать. Я никогда ничего приятнее...

На секунду Дебби умолкает, не зная, как закончить.

— В общем, я могу сказать, что если с Майком у меня не заладится, ты узнаешь об этом первым.

Гости хохочут, а Расс озирается с таким видом, будто серьезно подумывает, а не вскрыть ли себе вены.

— Будь я проклят, — произносит он.

— Не парься, — успокаиваю его я. — Ты поступил мужественно.

— Я выставил себя дураком.

— Ты просто лапочка, — встревает Клэр, наклоняется и целует его. — Здесь нет женщины, которая бы в тебя не влюбилась.

Дебби откашливается.

— Я хочу кое-что сказать, — произносит она, и меня настораживает, что она смотрит мне в глаза и моментально отводит взгляд. Мне это совсем не нравится. Со временем на такие вещи развивается чутье.

— За последние годы нашей семье пришлось многое пережить, — говорит Дебби, и слышно, как все в комнате затаили дыхание,

зачарованные, и ждут, чем все это кончится. — Я хотела помянуть мою невестку Хейли. Она была мне сестрой и другом. И сейчас, накануне свадьбы, мне просто не верится, что ее здесь нет. Мы тебя любим, Хейли. Нам всегда будет тебя не хватать.

Мать плачет, Клэр плачет, Расс дрожит, гости за столиками вытирают глаза и сморкаются. Не плачет только отец: он выглядит невероятно взволнованным, как будто пытается что-то сообразить. Все взгляды устремлены на меня, словно я актер, номинированный на премию, но ее не получивший. Я чувствую, как гости смотрят на меня, ждут моей реакции; по коже у меня бегут мурашки, а сердце стучит, словно боевой барабан. Я будто в сауне, рубашка промокла от пота. Потом голос Дебби тает вдали, все звуки умолкают, комната превращается в узкий черный коридор, и я слышу только, как мои подошвы тихонько шаркают по роскошному цветастому ковру, чувствую, как с каждым торопливым шагом скользит плюш под ногами. Я знаю, что за мной идут Клэр, Расс или мама, я чувствую движение за спиной, но сейчас я не могу ни на кого смотреть, поэтому я вылетаю из тяжелых дверей, пробегаю по коридору, мчусь через фойе и вываливаюсь из парадной двери на прохладный ночной воздух. Я стою, прислонившись к стене, на подъездной дорожке под освещенным флюоресцентными лампами клубным навесом, и просто дышу — вдох-выдох, — дожидаясь, пока бешено скачущее сердце перестанет так колотиться.

За спиной раздаются шаги, на дорожке появляется отец.

— Дуг, — окликает он, приближается и встает рядом.

— Привет, пап.

Отец берет меня за подбородок, чтобы я посмотрел ему в глаза. Он слегка задыхается от того, что бежал за мной через все здание, но взгляд его голубых глаз ясен и пронизателен. Знал ли я, что у него голубые глаза?

— Хейли, — запинаясь, произносит он, — умерла.

— Да, пап. Она умерла.

Отец кивает.

— Когда?

— Больше года назад.

— Я знал?

— Папа.

Он качает головой.

— Я знал?

— Иногда ты об этом знаешь. Но в основном не помнишь.

Отец качает головой, его глаза наполняются слезами.

— Сколько же тебе пришлось пережить.

— Все в порядке, пап.

— И я тебе ничем не помог.

— В этом нет твоей вины.

— Дуг, мне так жаль.

Я закрываю глаза, а когда открываю, отец протягивает ко мне руки. Из-под моих мокрых ресниц, как пули, вылетают слезы; я судорожно всхлипываю и падаю к нему на грудь. Он обнимает меня и нежно укачивает, обняв теплой сухой ладонью за шею; макушкой я чувствую его подбородок. Думаю, впервые со смерти Хейли я плачу у кого-то на груди — странное, сложное чувство. Я реву как последний дурак, пока у меня не остается больше слез, словно все предыдущие рыдания были лишь генеральной репетицией безысходного плача на доброй, крепкой отцовской груди.

— В детстве ты никогда не плакал, — когда я успокаиваюсь, говорит отец. Он отходит на шаг и кладет мне руки на плечи. — Мы даже думали, что с тобой что-то не так.

— Так и было.

Он качает головой.

— Дуг, давай вернемся.

— Я скоро приду. Через минуту.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — спрашивает он, вглядываясь в мое лицо.

Я киваю и слабо улыбаюсь.

— А у меня есть выбор?

— Вот и молодец, — тепло улыбается отец и уходит.

Спустя несколько минут я все еще стою и таращусь в иссиня-черное небо, икая от недавней вспышки чувств. Вдруг из полумрака стоянки появляется силуэт. У меня немного кружится голова и туманится в глазах от рыданий, поэтому я не сразу узнаю в нем Дейва Поттера. На нем брюки от костюма и рубашка, волосы выглядят так, будто из душа он попал прямиком в аэродинамическую трубу.

— Дуг, — цедит он.

— Ты опоздал, — отвечаю я.
И тут я замечаю у него в руке пистолет.

Глава 37

Пистолет Дейва — шестизарядный «магнум» или «специал» 38-го калибра, точно не могу определить, — один из тех револьверов, в которые сначала вставляют патроны, потом демонстративно вращают барабан, как колесо, и резким движением ставят со щелчком на место. Я представляю, как Дейв Поттер стоит в кабинете у дорогого стола красного дерева и заряжает револьвер. Черт подери, как можно держать в пригороде такие пистолеты? У Дейва же дети. Он что, статистики не знает?

Дейв не целится, рука с пистолетом опущена. На секунду меня осеняет надежда, что он не станет наводить на меня револьвер, что Дейв долго раздумывал, стоит ли меня пристрелить, и передумал. Интересно, слушал ли он по дороге сюда радио в машине, подпевал ли музыке, включал ли поворотники? Но тут Дейв издает тихий сдавленный звук и прицеливается мне прямо в грудь.

В меня никогда раньше не целились, но, как и многие, я себе это неоднократно представлял. Я воображал, под каким углом в меня будут целиться, как именно я отберу у противника оружие — то ли выбью пистолет молниеносным ударом ноги в духе Чака Норриса, то ли просто выкручу нападающему руку приемом джиу-джитсу, попутно выбросив пушку, и швырну его на пол. Дейв старше меня, и реакция у него медленнее, так что мне, пожалуй, удастся его побороть. Вот только что-то странное творится с силой тяжести: внезапно мне кажется, будто я вешу полтонны, ботинки словно прибиты гвоздями к полу, а задница так сжалась, что я задаюсь вопросом, не придется ли ее разжимать хирургическим путем. Мне остается только таращиться на темный ствол револьвера Дейва, в животе у меня крошечный ад, внутренности переворачиваются, и меня так и подмывает броситься сломя голову за стойку, опрокинуть столы, прижаться к стене.

— Дуг, — снова произносит Дейв.

— Дейв, — отвечаю я, — как дела?

— Так себе. — Его лицо озаряет ухмылка маньяка, которая пугает меня почище пистолета. — Если честно, хреново.

Я киваю, разглядывая его потное красное лицо. Надо его разговорить, впихнуть как можно больше слов между моей грудью и

дулом пистолета. Трудно убить человека на середине фразы. Так Джеймс Бонд тянет время до появления командос: ведет непринужденную беседу.

— Ты что, хочешь меня застрелить, Дейв? — спрашиваю я. Может, звук этих слов приведет его в чувство.

— Ты ее трахал, Дуг! — орет он на меня так, что я вздрагиваю. — Ты трахал мою жену!

На секунду я задумываюсь, стоит ли все отрицать. «Что? — переспрошу я, сделав круглые глаза. — Я трахал? Послушай, не знаю, что у вас там с Лейни случилось, но я к ней пальцем не прикоснулся, Дейв. Ни разу!» Я выскажу это предельно искренне и громко, чтобы он задумался над моими словами, и все будет нормально. Ведь не станешь же стрелять в того, кто, может, спал с твоей женой, а может, и нет? Мне кажется, прежде чем решиться на такое, нужно быть абсолютно уверенным.

Но я вижу, что он все знает: что бы ни наговорила ему Лейни, он поверил всему, и если я буду все отрицать, его это только разозлит и подтолкнет нажать на курок.

— Дейв, — говорю я, — не хочешь же ты меня пристрелить?

— Ну, твою-то жену никто не трахал, так откуда тебе знать, чего я хочу?

— Ты прав. Извини.

— Будь ты проклят, Дуг.

Он подходит на два шага ближе, так, что мне видно, как у него дрожит от гнева подбородок, как яростно набухли вены на шее, и прицеливается мне прямо в лицо. Дейв стоит метрах в трех от меня. Он не промахнется.

— Ты ее трахал, Дуг. Как будто она — просто баба с улицы. Ты обошелся с матерью моих детей как со шлюхой!

— Дейв, я запутался. Прости меня. Мне было так плохо, у меня до сих пор голова кругом идет...

— Ты еще поплачь, Дуг, поплачь! — выкрикивает он истерически, тыча в меня пистолетом. — Новая стадия скорби? Отрицание, гнев, препирательства и секс с женой приятеля?

— Дейв, пожалуйста, успокойся.

— Заткнись!

— У тебя ведь дети.

— Не смей говорить мне о детях.

— Прости.

— Заткнись! — орет он, чуть не плача.

Я затыкаюсь. Дейв сверлит меня взглядом, пот на его лице блестит в свете фонарей, а я тарашусь на ствол револьвера. Палец Дейва лежит на спусковом крючке, и я с ужасом понимаю, что меня вот-вот пристрелят. Я закрываю глаза и пытаюсь вызвать в памяти образ Хейли. Будь что будет, но если мне суждено умереть, то я умру, шепча ее имя, представляя себе ее лицо. «Хейли», — бормочу я, точно молитву, и вижу ее под закрытыми веками: она улыбается, она меня любит, и, кажется, я готов.

— Что здесь, черт подери, происходит?

Услышав голос отца, я вздрагиваю и открываю глаза. Клэр верещит. Они стоят в проеме двери, открыв от изумления рты.

— Все в порядке, — поясняю я.

— В порядке? — переспрашивает Клэр. — Ты шутишь?

— Опустит пистолет, сынок, — приказывает отец, медленно приближаясь к Дейву.

— Не подходите! — Дейв переводит револьвер на отца. Тот поднимает руки, но не двигается с места.

— Все в порядке, сынок, — говорит отец.

— Он трахал мою жену! — произносит Дейв срывающимся голосом.

— Ну и что, черт подери? — кричит Клэр.

— Дуг, это правда? — интересуется отец, не сводя глаз с Дейва.

— Да, — признаюсь я.

— Ладно, — отвечает отец и делает шаг к Дейву, который снова целится мне в голову. — Тебя оскорбили. Тебе больно. Ты хочешь отомстить. И это понятно. Но это не выход.

— Я его убью.

— Не убьешь, — мягко настаивает отец. — Ты хочешь его убить, и никто тебя за это не осудит, но ты же не думаешь, что это выход из положения. Надо просто перетерпеть, сынок, вот и все. Тебе больно, сердце кровью обливается, все перевернулось с ног на голову. Всех нас бьет жизнь. Но мы оправляемся и меняемся. Мы же мужчины — мы привыкаем. А привыкнув, лучше держим удар. И живем дальше.

— Он не заслуживает того, чтобы жить, — выдыхает Дейв со слезами на глазах, и пистолет дрожит в его руке.

— Это не тебе решать, — возражает отец. — Тебе и так есть, чем заняться. У тебя есть семья? Дети?

— Да, — кивает Дейв, дрожа всем телом от напряжения, но не отводя пистолета от моего лица.

— Тогда ты в первую очередь должен подумать о них, — твердо говорит отец. — А потом о себе, о том, какие тебе предстоят перемены, как ты со всем этим справишься. Потому что ты справишься. Но если ты спустишь курок, у тебя не останется выбора — только засунуть дуло себе в рот. Ты к этому готов?

Дейв тарашится на меня, дрожа и потея, и мне уже хочется, чтобы он нажал на спусковой крючок — лишь бы не видеть, как его лицо исказила боль, которую причинил я, потому что слишком был занят собой, чтобы подумать о других.

— Дуг, — говорит, точнее, почти стонет он.

— Все в порядке, Дейв, — отвечаю я, глядя ему в глаза. — Я все понимаю. Я готов.

— Дуг, заткнись, черт тебя подери! Нет! — сквозь слезы орет на меня Клэр. — Это неправда!

Дейв смотрит на меня долгим взглядом и — о чудо — печально улыбается.

— Не думал я, проснувшись сегодня, что все так получится.

— Как и я, — соглашаюсь я.

Дейв опускает пистолет, и тут из темноты стоянки внезапно появляется Расс. Он бросается на Дейва, перехватывает пистолет, и, прежде чем они оба, увлекаемые инерцией Рассова рывка, падают с ног, раздается оглушительный грохот, перекрывающий все остальные звуки. Я вижу, как из дула вырывается вспышка, и вот уже Дейв с Рассом, сцепившись, катаются по земле. Я вижу, как с грохотом падает пистолет на булыжник, вижу, как верещит Клэр, как кричит отец, показывая на меня пальцем, но не слышу ни звука. Вокруг гробовая тишина, и я недоумеваю, куда же попала пуля. Расс лежит на земле без движения, Клэр вопит, отец оглядывается в растерянности, ошеломленный Дейв поднимается на ноги, а Расс так и лежит. О господи, он не встает. Я чувствую, как горло мне разрывает крик. Пусть он шевельнется, не может быть, чтобы его застрелили, он не

должен умереть. Кирпичи стены через пиджак впиваются мне в спину. Расс, пожалуйста, шевельнись, встань, дай понять, что ты жив, я куплю тебе машину, я куплю тебе «феррари», если ты просто пошевелишься. И тут Расс переворачивается на живот и, опираясь на руки, встает. Расс смотрит на меня круглыми от ужаса глазами, а я так счастлив, у меня просто камень с души свалился, и мне на все наплевать — ведь Расс жив. Но Расс растет, парит надо мной, и Клэр с отцом тоже взлетают, как воздушные шары, поднимаются выше и выше. Какой странный фокус: моя семья, как по волшебству, взлетает и парит высоко надо мной. Тут ко мне возвращается слух, и меня заливают какофония звуков. Я чувствую, что мой бок влажный и горячий. В груди и животе разливается тепло; я понимаю, что лежу на дорожке, таращась на металлический каркас навеса.

— Дуг! — кричит Клэр, падая рядом со мной на колени. Сестра кладет руки мне на плечи, и мне хочется ее успокоить, объяснить, что со мной все в порядке. Я чувствую приятное оцепенение, как будто запил две таблетки «вил» целой бутылкой вина, как будто сделал три затыжки травы за раз. Мне хочется рассказать Клэр, что я вижу волосяные мешочки у нее на голове, могу разглядеть, как в отцовских порах набухают капельки пота, когда он встает на колени и наклоняется надо мной, вижу, как у Расса на виске бьется жилка в ритм с ударами сердца, — объяснить, что все в порядке.

Я смутно осознаю, что вокруг нас на дорожке собралась толпа.

— Звони девять-один-один, — приказывает отец Рассу, а тот застыл на месте и таращится на меня.

— Расс! — окликает его отец.

Расс моргает и достает из кармана сотовый.

— Все хорошо, — уверяю я, но меня, похоже, никто не слышит, и я не могу понять, действительно ли я это сказал или только подумал.

Клэр плачет. Отец отрывает ее руки от моих плеч, стягивает мой пиджак и расстегивает на мне рубашку.

— Посмотрим, — спокойно говорит он.

Его рука касается моей кожи, причиняя мне жгучую боль; я дергаюсь и ударяюсь затылком о булыжники. Другой рукой — теперь она в крови — отец ощупывает мне грудь.

— Держись, Дуг, — произносит отец, крепко прижимая меня к земле. Он отрывает кусок моей рубашки и вытирает текущую из

живота кровь. — Ты меня слышишь?

— Ага, — отвечаю я, и голос глухо отдается в ушах.

— Замечательно. Послушай меня. Все будет хорошо. Мне нужно тебя чуть-чуть повернуть. Клэр, положи ему руки под голову, чтобы он опять не ударился. Клэр! Возьми себя в руки и делай, что я говорю!

Я чувствую, как отец просовывает руки мне под спину и поворачивает меня. От резкой боли у меня перед глазами плывут радужные круги. Отец поворачивает меня обратно на спину. Надо мной нависает залитое слезами лицо Клэр, она положила руки мне под голову. Отец аккуратно прижимает к моему правому боку какую-то тряпку.

— Чистая сквозная рана, — кивает он. — Пуля прошла насквозь.

Расс падает на землю рядом со мной и заливается слезами. Я хочу сказать ему, что не стоит волноваться, я в порядке, но у меня пропал голос. Клэр плачет не переставая, я слышу истерический визг матери. Появляются врачи скорой помощи. Отец на медицинском жаргоне авторитетно объясняет им, что делать, и я горжусь им. Вращается мигалка скорой, заливая все красным мерцанием. Я никого не вижу, но знаю, что все стоят вокруг меня. Дебби плачет, а Майк ее обнимает. Здесь и его придурок-братец, и все мои родственники — все, кого я знаю. Похоже, самое время умереть. Я снова вижу вспышку красного света, цепляюсь за нее взглядом и, словно на гребне волны, плыву в забвенье.

Глава 38

Я прихожу в себя, когда два санитары везут меня на каталке в приемный покой. Отец шагает рядом с каталкой, крепко держа меня за руку. Как только мы проходим раздвижные двери, к нам присоединяется молодая женщина-доктор в голубых перчатках и белом халате.

— Что случилось? — спрашивает она у санитары, который идет возле моей головы.

— Огнестрельное ранение в левую нижнюю часть живота, входное отверстие хорошо просматривается, рана сквозная, — отвечает отец. — Жизненно важные органы не задеты, внутреннего кровотечения нет. Введите ему внутривенно пятьсот кубов физраствора и сделайте компьютерную томографию области живота и таза, чтобы исключить повреждение внутренних органов.

— Что он сказал? — выпучив от удивления глаза, переспрашивает санитар у доктора.

— Извините, — смущенно интересуется девушка, — вы кто?

— Доктор Стэнли Паркер. Я его отец.

— Видите ли, доктор Паркер, мне нужно проконсультироваться с хирургом.

— Как вас зовут, барышня?

— Доктор Холден. Стефани Холден.

— Видите ли, доктор Холден, вы только что проконсультировались с хирургом. Кто сегодня дежурит?

— Доктор Моррис.

— Сэнфорд Моррис?

— Да.

— Разбудите его и скажите, что сын Стэнли Паркера истекает кровью у него в приемном отделении.

Во время томографии шевелиться нельзя, но рана саднит и нарывает, и я верчусь, как на сковородке. После томографии доктор Моррис сообщил: рентгенолог подтвердил, что жизненно важные органы не затронуты, однако не может исключить повреждения

брюшины, так как я вертелся. Они оставят меня в больнице на ночь, а с утра повторно сделают томографию.

— Вот номер моего пейджера, — говорит доктор Моррис, протягивая отцу визитку. — Я останусь здесь на ночь. Напиши, если что-нибудь понадобится, хорошо?

— Спасибо тебе большое, Сэнди.

— Не за что, Стэн. Я так рад тебя видеть. Нам тебя не хватает.

— И мне вас тоже.

Отец везет меня в палату. Мать стоит у окна, Клэр и Дебби лежат на кровати, Майк и Расс — в углу на откидном кресле. Расс все еще бледен и напуган; его страх трогает меня, и я испытываю острое чувство вины за то, что втянул его в это.

— Ну? — спрашивает мама, подбегая ко мне. Она наклоняется, целует меня и заливается слезами.

— Все хорошо, мам.

— Я так перепугалась!

— Эви, он в порядке, — подтверждает отец, мягко отрывая от меня мать.

— Его чуть не убили!

Отец отводит мать к окну, и она падает ему на грудь, а он крепко обнимает ее и что-то тихо шепчет ей на ухо.

Дебби и Клэр слезают с койки, чтобы уступить мне место, а потом ложатся рядом со мной.

— Все и всегда должны заниматься только тобой, правда? — произносит Дебби, целуя меня в щеку.

— Прости, Пух. Я испортил тебе ужин.

— Я рада, что ты в порядке, — отвечает она. — Надо же, на все готов, лишь бы на свадьбу не ходить.

— Там внизу полиция, — объявляет Майк. — Тебе нужен адвокат?

— Скажи им, что это был несчастный случай. Дейв показывал мне пистолет, и тот случайно выстрелил.

— Ты уверен?

— Это избавит его от неприятностей?

— Если у него есть лицензия на оружие, то все в порядке.

— Я спущусь через минуту, — говорит Дебби Майку, который выходит из палаты.

— Видели бы вы папу, — шепчу я сестрам. — Он до сих пор знает, что делает.

— Отец был очень убедителен, когда спасал тебе жизнь в клубе, — отвечает Клэр.

— Думаю, сегодня один из его лучших дней.

— Самый лучший.

— Так здорово, что он все еще в себе, — произносит Дебби.

— Он в полном порядке, — уверяю ее я.

— У меня ужасно болит живот, — признается Клэр.

— Из-за ребенка? — тревожится Дебби.

Клэр качает головой.

— Телепатия близнецов.

— Правда? — переспрашивает Расс. — Вы чувствуете боль друг друга и всякое такое?

— Да нет у нас никакой телепатии близнецов, — морщусь я.

— Не слушай его, — заявляет Клэр. — Ему просто плохо.

— Да уж, денек вы дался, — соглашаюсь я, чувствуя, что у меня слипаются глаза. — Сколько времени?

— Второй час, — отвечает Дебби. — Эй! Я сегодня выхожу замуж.

— Поздравляю.

— Ну, мы, пожалуй, пойдем, — говорит Дебби, наклоняется и целует меня в лоб.

— Спасибо, Пух.

— Я надеялась, что хоть сегодня ты перестанешь меня так называть.

Я задумчиво смотрю на нее.

— Не вижу связи.

Дебби качает головой и улыбается.

— Ладно. Отдыхай.

— Пух...

— Что?

— Я тебя люблю.

— Это на тебя морфий действует.

Отец наклоняется и целует меня в лоб.

— Спокойной ночи, Дуг, — говорит он.

— Пап, спасибо тебе за все. Ты был великолепен. Отец смотрит мне в глаза, гладит по щеке, и я чувствую, как к горлу подкатывает горячий ком.

— С тобой все будет хорошо, — произносит папа.

— Не ешь здесь, — советует мать. — Тут зараза кишмя кишит. Утром мы принесем тебе завтрак.

Клэр чмокает меня и ухмыляется:

— Эх ты, раздолбай.

— Что поделать.

— Но ты мой раздолбай, поэтому, пожалуйста, хватит неприятных неожиданностей.

— Зато нам не пришлось скучать.

— С удовольствием поскучаю.

Расс закрывает за ними дверь и поворачивается было ко мне, но тут возвращается запыхавшаяся Дебби.

— Расс, — говорит она.

— Что?

— Ты сказал потрясающий тост.

Она обнимает его и жадно целует в губы, потом целует еще раз, но уже не так долго, а потом чмокает в лоб.

— Я тоже думаю, что ты красавец, — признается она. — Ну ладно, пока.

Дебби уходит. Расс, пунцовый от смущения, изумленно таращится ей вслед. Наконец его лицо озаряет широкая улыбка.

— Ты там в порядке? — интересуюсь я.

— Погоди, — отвечает он.

Расс запрыгивает на стул, отплясывает на нем, соскакивает со стула, несется через всю палату к окну, распахивает его и издает торжествующий вопль. Потом он закрывает окно и, слегка запыхавшись от прыжков, забирается на койку рядом со мной и улыбается.

— Сегодня, наверно, лучший день в моей жизни, — признается он.

Я просыпаюсь среди ночи, чувствуя голод, и не сразу понимаю, где нахожусь. Рядом со мной, прямо в костюме и галстукe, спит Расс,

легонько похрапывая. Я рад, что он здесь и согревает мне постель. Я абсолютно измучен, мускулы горят от усталости, будто в них тлеют угли. Я — человек, в которого стрелял ревнивый муж. Да, я такой. К этой мысли надо привыкнуть. Я оглядываю темную больничную палату, пытаюсь разглядеть силуэты неизвестных предметов, но куда бы я ни смотрел, вижу только наведенное на меня всеведущее черное дуло Дейвова пистолета. Вчера я взглянул ему в глаза и заявил, что готов умереть; я лежу в палате, слышу тихое мерное дыхание Расса и понимаю, что ошибался. Я отнюдь не готов умереть. Хватит с меня смерти. Надо жить. Просто впредь стоит относиться к жизни серьезнее.

Глава 39

Проснувшись, я вижу у кровати Лейни Поттер. Она выглядит слабой и усталой, глаза опухли от слез.

— Привет, — тихонько произносит она.

— Привет.

— Расс пошел тебе за завтраком.

— Ага. Здорово.

Лейни кивает и хочет было что-то сказать, но молчит.

— Лейни, — зову я.

— Дуг, мне так жаль, — Лейни плачет. — Я и представить себе не могла, что он отважится на такое.

— Я знаю.

— Он же чуть тебя не убил.

— Все в порядке.

Она подается вперед.

— Я одна во всем виновата. Ты страдал, и я этим воспользовалась. А ведь я вроде как была твоим другом. Потом ты постарался обо всем забыть, и я не смогла с этим смириться. Если бы с тобой что-то случилось...

Со мной и правда что-то случилось, думаю я. Лейни всхлипывает, закрыв лицо руками, а потом лезет в сумку за носовым платком.

— Послушай, — говорю я. — Я виноват ничуть не меньше тебя. Думаю, после смерти Хейли я решил, что мне все позволено. Я вел себя как дурак и эгоист, но больше такое не повторится.

Лейни кивает и откидывается на спинку стула.

— Вчера приходил Майк, чтобы договориться, что мы расскажем полиции. Спасибо тебе.

— Лейни, это на самом деле был несчастный случай.

Она смотрит на меня и безотчетно кивает.

— Дуг, как же мы до этого докатились?

Я не знаю, что ей на это ответить, качаю головой и закрываю глаза. Когда я просыпаюсь снова, на месте Лейни сидит Расс и жует бублик.

— С возвращением! — улыбается Расс.

В Уайт-Плейнсе серьезная автокатастрофа, и томограф все утро будет занят, поэтому повторная томография откладывается. Мать забегает меня повидать и передать бублики, прежде чем закружиться в вихре свадебных приготовлений.

— А где папа? — спрашиваю я.

— Он сегодня не в настроении, — отвечает мама, разглядывая ногти.

— Что ты имеешь в виду?

— В каком смысле — что я имею в виду? — удивляется она. — Он проснулся злой, со мной словом не обмолвился, а когда я уезжала, швырнулся в Руди всем, что под руку попадет.

— О боже, — выдыхаю я. — А я-то думал, после того, что было вчера...

— Ты думал, что он окончательно выздоровел?

— Ага.

Она качает головой и грустно улыбается.

— Дуг, это теперь на всю жизнь.

— И как же ты с этим живешь? — спрашиваю я уныло.

Она печально пожимает плечами.

— Как всегда, — отвечает мать. — Надеюсь на лучшее.

— Мам, мне так жаль.

— Кроме того, — продолжает она, — я занимаюсь самолечением.

В полдень томограф еще занят, и я начинаю беспокоиться. Расс поставил на подоконник корзину для мусора, и мы на счет бросаем в нее скомканые журнальные страницы. Он выигрывает, потому что я ранен. И еще я неудачник. Когда у нас кончается бумага, Расс собирает все комки и складывает их на полу. Второй раунд.

— Давай делать ставки, — предлагает Расс.

— Я не могу встать с кровати.

— И проиграешь.

— Ладно, начинай.

Он бросает, лежа на полу за кроватью. Он бросает из туалета. Бросает, стоя спиной к стене.

— Всухую! — ликует Расс.

Он открывает дверь, чтобы бросить из коридора. За дверью стоит Брук: она как раз собиралась постучать.

— Мисс Хейз, — произносит Расс.

— Привет, Расс, — здоровается она, выглядывает из-за Расса и смотрит на меня. — Я не вовремя?

— Нет, что ты, — говорю я. — Заходи.

Брук робко заходит в палату. В джинсах и серой футболке поверх черной фуфайки с длинными рукавами она выглядит по-утреннему бодро.

— Я как раз собирался сбежать за газировкой, — встречается Расс. — Вам чего-нибудь принести?

— Нет, спасибо.

Расс уходит, и Брук садится.

— Ты в порядке? — спрашивает она.

— Да. Лучше прежнего. Наверно, должно было случиться нечто подобное, чтобы я кое-что понял.

— Ты пойдешь на свадьбу?

— Не-а, — отвечаю я. — Извини. Мне так хотелось пойти с тобой.

— Думаю, все к лучшему, — признается она, и что-то в ее тоне — жалость? грусть? злость? — меня настораживает. Я инстинктивно чувствую, что ничего хорошего не услышу.

— В чем дело, Брук?

Секунду она смотрит мне в глаза, потом отворачивается.

— Дуг, — тихо начинает она.

— Что, все так плохо?

— Думаю, да.

Я киваю, обдумывая новость. В общем, после всего, что случилось за последние сутки, такое развитие событий меня не удивляет. Я вспоминаю, что у нас было всего несколько свиданий, и это вовсе не конец серьезных отношений. Но сквозь морфиновое оупение я чувствую, как во мне что-то меняется: словно я потянул мышцу, и потом она будет болеть.

— Я все понимаю, — говорю я.

— Не думаю, — возражает Брук. — Когда ты со мной не переспал, я сначала подумала, что ты еще не готов к сексу, но, оказывается, чего-чего, а секса тебе хватает. Ты просто был не готов к сексу со мной.

— Потому что ты много для меня значишь, — настаиваю я. — Клянусь, это правда.

— Я знаю, — печально улыбается Брук. — Я тебе верю. И не обижаюсь. То есть, конечно, обижаюсь, но как-нибудь переживу. Видишь ли, ты не смог переспать со мной, потому что я для тебя много значу, но при этом спокойно занимался сексом с замужней женщиной, чьи чувства тебя не волновали. Я тебя не осуждаю, Дуг. Пожалуйста, не думай, что я тебя осуждаю. Ты страдал, ты был одинок, а она твой друг, она тебя пожалела. Бывает. Но пойми: тот, кто действительно готов к настоящим отношениям, так себя не ведет. Ты мне слишком нравишься, чтобы я дала себя впутать в эти игры.

Иногда на улице проходишь мимо симпатичной девчонки и вдруг понимаешь, что за внешней красотой скрывается что-то еще — доброта, ум, чувство, сексуальность. И за три секунды, что ты на нее глазел, успеваешь влюбиться по уши. В такие моменты ощущаешь, каковы ее губы на вкус, чувствуешь, как нежно ее кожа касается твоей, слышишь, как она смеется, и знаешь, что один ее взгляд сделает тебя счастливым. А потом она проходит мимо, и спустя пять секунд ты оплакиваешь утрату сильнее, чем думал. У Брук как раз такое лицо, и я не прошел мимо, я остановился, и между нами завязались отношения... Но теперь мне все равно суждено ее потерять.

— Давай хотя бы останемся друзьями.

— Как вы с Лейни Поттер?

— О боже, Брук.

— Извини. Нехорошо получилось. Просто... мне тяжело.

— Так не бросай меня.

— Я должна.

Она встает.

— Я лишь хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

— Все было в порядке, пока ты не зашла.

Она грустно усмехается, наклоняется и нежно целует меня в висок.

— Прости.

Брук так близко, что у меня сердце разрывается. Она мучительно прекрасна. И она никогда не была моей. Значит, мне ее не потерять.

— Знаешь, что самое обидное? — спрашиваю я, когда она идет к двери.

— И что же?

— Что все менялось. Я наконец-то начал оправляться от пережитого. А сегодня был бы первый день моей новой жизни.

Брук сжимает дверную ручку и на секунду прислоняется лбом к двери.

— Мне всегда было трудно выбрать момент, — признается она, улыбается напоследок и уходит.

— Проклятье! — раздраженно произносит Расс, вернувшись и увидев выражение моего лица. — Больше никаких посетителей.

Но вскоре приходит еще кое-кто. Днем раздается стук в дверь.

— Не открывай, — умоляю я, — ради всего святого!

— Кто там остался? — интересуется Расс, поднимая глаза от журнала. — Разве еще не все унылые озабоченные бабенки пришли?

Стук повторяется. Дверь распахивается, и входит Стивен Айвз, наследник навозного состояния.

— Привет, — здоровается он и пододвигает стул к кровати.

— Привет, — отвечаю я.

— Слышал, тебя подстрелили.

— Добрые вести не лежат на месте.

— Я так и знал, что член тебя до добра не доведет. Стоящий у окна Расс внезапно хватает корзину для мусора и запускает ею в Стивена, тот уворачивается и падает на колени.

— Эй! — кричит Стивен, вскакивая на ноги.

— А, теперь узнаю, — со злой усмешечкой произносит Расс. — Ты муж Клэр.

— Ты что, сдурел? — спрашивает Стивен, сверкая глазами.

— У Дуга сегодня выдался нелегкий день, — настаивает Расс. — Хватит с него чужого дерьма.

Стивен пристально смотрит на Расса и, виновато кивнув, поворачивается ко мне.

— Ты прав. Извини, — признается Стивен. — Неловко получилось.

— Да уж, черт подери, — соглашается Расс, явно нарываясь на ссору. Мы целый день сидим в палате, и парень весь как на иголках.

— Прости, Дуг, — говорит Стивен, присаживаясь рядом со мной. — Я дурак.

— Забудь, — отвечаю я.

— Тебя сегодня выпишут?

— Должны были выписать несколько часов назад. Похоже, вокруг томографа настоящий ажиотаж.

— Я рад, что с тобой все в порядке. Мы не очень-то ладили, но мы ведь одна семья, верно? По крайней мере, пока.

— Спасибо, Стивен, — неожиданно растроганно говорю я. — Я знаю, что раньше вел себя по отношению к тебе как последняя свинья, но в глубине души я всегда подозревал, что ты не так уж плох.

Он кивает и откашливается. Мы отворачиваемся друг от друга.

— Меня ты не убедил, — заявляет Расс, и мы все с облегчением фыркаем от смеха.

— Я так понял, ты не идешь на свадьбу? — интересуется Стивен, и тут до меня доходит, что он в смокинге.

— А ты что, идешь?

Он кивает, краснеет и проводит рукой по волосам.

— Дуг, я должен ее видеть. Я умру, если ее не увижу.

В резком флюоресцентном свете ламп я вижу, насколько ему тяжело: он похудел, лицо осунулось, воспаленные усталые глаза смотрят загнанно. Он напоминает мне меня.

— Ага, — соглашаюсь я. — Думаю, должен.

— И каковы, на твой взгляд, мои шансы?

— Ну это же Клэр, — отвечаю я. — Какие могут быть шансы. Тут уж как выпадет.

— Ладно, — произносит Стивен, вставая, — засиделся я у тебя. Могу я тебе чем-то помочь?

Я гляжу на Расса, стоящего у стены в помятом со сна костюме.

— Есть у меня одна идея, — признаюсь я.

Расс смотрит на меня.

— Ты думаешь о том же, о чем и я?

— Моя младшая сестра выходит замуж, — говорю я, вставая с постели. Мне больно, но не так сильно, как я предполагал.

— Ага, — кивает Расс и подходит мне помочь. — Мы думаем об одном и том же.

Он идет к шкафу и достает оттуда мои заляпанные кровью штаны.

— Ты не можешь вот так уйти, — замечает Стивен.

— А вот увидишь.

— Но как же томография?

— Я ждал ее так долго, что уже не смешно.

Когда мы стоим у лифта, нас замечает одна из медсестер.

— Куда вы его везете? — спрашивает она, подбегая к нам.

— Туда, — отвечает Расс.

— Но вас еще не выписали! — кричит она, когда мы заходим в лифт. — Вы не можете просто взять и уйти.

— А вот увидите, — говорит Стивен, и двери лифта закрываются.

У Стивена двухместный «порше» с узенькой кожаной полочкой вместо заднего сиденья, но Рассу как-то удается туда втиснуться. Его длинные ноги высовываются за рычаг переключения передач, а ступни упираются в приборную доску. Я сижу на пассажирском сиденье, облокотившись на ноги Расса, и кричу от боли на каждом ухабе.

Ухаб.

— Уй.

— Прости.

— Все в порядке.

Ухаб.

— М-м-м.

— Ой, прости.

— Все нормально.

По дороге Стивен по телефону вызывает лимузин с водителем, который будет дожидаться нас около моего дома. Оказавшись дома, Расс принимает душ и переодевается в темный костюм, а я, выбиваясь из сил, обтираюсь мокрой губкой и сбрызгиваю волосы сухим шампунем, так как неохота менять повязку. Потом Расс помогает мне влезть в нелепый серый смокинг, который Майк выбрал для свадьбы. Мы разглядываем наше отражение во весь рост в зеркале за дверцей шкафчика Хейли. Мы выглядим, как на картинке. Мы молоды, стройны, печальны и прекрасны. Мы опаздываем уже на сорок минут.

— Отпад, — замечает Расс.

— Да, нам не откажешь в своего рода вульгарном шарме, — соглашаюсь я.

— Ну так поехали.

— Только чур не пить.

— И не истекать кровью.

— Ни при каких обстоятельствах не приставать к невесте.

— И никаких перестрелок.

— Заметано.

— Договорились.

Разумеется, лимузин невероятно длинный. А что еще мог Стивен по-быстрому заказать по телефону? Когда мы выходим из дома, Стивен стоит у обочины, докуривая сигару.

— Ну наконец-то, — произносит он и тушит сигару о подошву. — Я уже готов был выслать на ваши поиски отряд спасателей.

Мы разваливаемся на шикарных кожаных сиденьях, и лимузин плавно отчаливает от тротуара, как яхта от причала. Мы сидим молча и тарачимся в окно сквозь тонированные стекла. Каждый из нас погружен в свои невеселые мысли. Расс просматривает коллекцию CD, которая лежит сбоку от проигрывателя, и выбирает антологию старых песен «Кисс». Раздается уханье барабанов и завывание гитар. Делать нечего; мы подхватываем дурацкий текст, выплескивая напряжение в такт грохочущему ритму музыки. *«Я хочу танцевать рок-н-ролл всю ночь, тусоваться все дни напролет! Я хочу танцевать рок-н-ролл всю ночь, тусоваться все дни напролет!»* Подпевает даже Стивен, притопывая и кивая. Мы поем во всю глотку, раскачиваемся на сиденьях и похлопываем по обивке салона, выплескивая остатки нервного напряжения. Песня быстро кончается, и ничего сверхъестественного не происходит: рок-н-ролл нас не спас. Слова следующей песни никто из нас не знает; это «Кисс», а кто же знает больше пары песен «Кисс»? Поэтому Расс выключает музыку, и мы опять тарачимся в окно. Лимузин с крейсерской скоростью летит в соседний штат с тремя несчастными, запутавшимися щеголями на борту. Мы на всех парах несемся на север, чая неизвестного спасения и жизни вечной, а снаружи в вечернем небе медленно догнивают последние цепкие побеги солнца.

Глава 40

Время коктейлей прошло, и гости высыпали на улицу. На крутом берегу, выходящем на пляж, перед помостом с балдахин-хупой расставлено пятьсот складных стульев. Сквозь балдахин виден закат над океаном. На яркий свет окружавших площадку фонарей, как сумасшедшие, слетаются ночные мотыльки; с поля для гольфа, расположенного за высоким деревянным забором примерно в пятидесяти метрах от нас, то и дело доносятся еле слышные резкие звуки ударов по мячу. Когда мы приехали, квартет перестал играть, молитва завершилась, и Дебби с Майком уже стояли под хупой в окружении подружек Дебби в элегантных черных платьях и скромной горстки шаферов Майка. Надо было ему подобрать варианты. Я с облегчением замечаю, что Дейва Поттера нет: я думаю, что если бы он пришел на свадьбу, получилось бы неловко.

Обряд совершает рабби Гросс, раввин храма моих родителей и неизменная надежда и опора матери во всем, что касается религии. Рабби Гросс только что подошел к микрофону и откашлялся. Свободных мест, похоже, нет; мы со Стивеном и Рассом незаметно встаем позади кресел.

— Друзья, — начинает рабби Гросс своим мягким рокочущим голосом. Рабби сед, высок и угловат, он носит бородку клинышком, что делает его похожим на Зигмунда Фрейда. — Мы собрались здесь, чтобы от всей души поздравить Дебору и Майкла, которые собираются скрепить свою любовь узами брака. И прежде чем я начну обряд, я хотел прочесть вам отрывок из Книги псалмов, который, как мне кажется, воплощает все наши пожелания этой замечательной паре.

Рабби откашливается и начинает читать. Я так внимательно слежу за чтением, что до меня не сразу доходит: Дебби меня заметила. Она широко раскрывает глаза, наклоняется и что-то шепчет Майку на ухо. Майк оборачивается и тоже глядит на меня. Дебби подбирает подол свадебного платья, спускается с помоста и бежит по проходу. В толпе раздается вздох изумления, и рабби замолкает на полуслове. Если честно, я чувствую себя неловко. Брат невесты спал с чужой женой, и все присутствующие наверняка уже обсудили смачные подробности этой истории. От пикантной подоплеки свадьба становится только

интереснее. Но моя младшая сестра выходит замуж, поэтому я, для успокоения пробормотав несколько несвязных, но выразительно исчерпывающих ругательств, ковыляю по проходу навстречу Дебби. Мы сходимся, в глазах сестры стоят слезы, она смеется и обнимает меня.

— Отлично выглядишь, Пух.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — шепчет она мне на ухо. — Не могу поверить, что ты пришел.

— Не мог же я пропустить твою свадьбу, — отвечаю я, и у меня вдруг перехватывает горло.

Дебби берет меня за руку и ведет по проходу к хупе. Мне трудно подняться на помост, поэтому Майк спускается мне помочь:

— Эй, приятель, рад, что ты пришел, — говорит он.

Я выпрямляюсь, и туловище пронзает мучительная боль: я чувствую, как расходятся края раны. Но вот я уже на помосте, и Клэр подходит меня обнять.

— Я звала тебя весь день, — шепчет она, постукивая себя по виску, и возвращается на место. — Телепатия близнецов.

— Все в порядке? — интересуется рабби, прикрыв ладонью микрофон.

— Все отлично, — уверяет его Дебби и встает рядом с Майком.

— Я привык, что люди уходят с моих проповедей, но когда на свадьбе вдруг пропадает невеста, пожалуй, пора сменить сферу деятельности, — профессионально шутит рабби Гросс.

Гости смеются, и церемония возобновляется. Я вижу родителей, сидящих в первом ряду: они улыбаются мне, и я легонько машу им рукой. В свете камер я потею и чувствую себя беззащитным. Но вот Майк надевает Дебби на палец кольцо, а она надевает кольцо ему. Я вижу, какими глазами смотрит Дебби на Майка, и купаюсь в сиянии их ослепительного счастья. Я сто лет не испытывал таких простых и чистых чувств, и сейчас все остальное слилось для меня в смутно различимый гул.

Под подошвой Майка хрустит завернутый в платок бокал, и церемония завершается. Гости свистят, аплодируют и идут по проходу вслед за новобрачными. Клэр берет меня под руку; мы медленно шагаем за родителями, которые машут и кивают друзьям. Дойдя до конца кресел, мы видим Стивена, нервно заламывающего руки.

— Стивен! — произносит отец, подходит и обнимает его. — Что ты тут делаешь?

— Да, Стивен, — тонким противным голоском спрашивает Клэр, — что ты тут делаешь?

— Привет, Клэр. Я не собираюсь тебе надоедать. Не могли бы мы просто на минутку отойти куда-нибудь поговорить?

— И здесь нормально.

— Ну, я оставлю вас одних, — говорю я, но Клэр вцепляется мне в руку и заявляет:

— Стой тут.

Она смотрит на Стивена и приказывает:

— Продолжай.

— Ладно. — Стивен нервно откашливается, гости огибают нас, направляясь к дому. — Клэр, я тебя люблю, — признается Стивен. — Я всегда тебя любил и знал, что мне чертовски с тобой повезло. Но я не оправдал твоих надежд. Если честно, я не вполне понимаю, что случилось. Наверно, если б я это понимал, то слова мои звучали убедительнее. Но в глубине души я отдаю себе отчет, что обманул твои ожидания, и мне очень жаль. Правда. Я не буду тебя умолять дать мне шанс, потому что знаю: уж если ты что решила, так доведешь до конца. Если ты хочешь со мной развестись, значит, так тому и быть. Я позабочусь о том, чтобы ты ни в чем не знала нужды. Ты носишь нашего ребенка, и я хочу, чтобы между нами не было недоразумений, чтобы мы хотя бы стали хорошими родителями. Но если есть хоть малейшая надежда на то, что ты передумаешь, я хочу сказать тебе лишь одно: вернись ко мне, Клэр. Я клянусь, клянусь всем святым, что впредь не обману твоих ожиданий.

Клэр смотрит на него долгим взглядом.

— Я же снова причиню тебе боль, — мягко произносит она.

— Хуже, чем сейчас, не бывает, — возражает Стивен.

— Поверь мне, — отвечает она, — бывает.

Стивен кивает, откашливается и снова кивает.

— Ладно. Я сказал все, что хотел. И мне все равно было приятно тебя видеть.

Он оборачивается ко мне и кивает:

— Поправляйся, Дуг.

— Спасибо.

— Хочешь, я пришлю за вами лимузин?

— Спасибо. Моя машина стоит здесь со вчерашнего вечера.

— Ну ладно. — Стивен подходит к Клэр и целует ее в щеку. — Пока, Клэр. Буду ждать твоего ответа.

Он поворачивается и смешивается с толпой гостей, направляющихся по лужайке к высоким стеклянным дверям клуба. Клэр глядит ему вслед, а я смотрю на Клэр.

— Какой еще лимузин? — спрашивает она. — Это ты его привез?

— Скорее, это он нас привез.

— И как же так получилось?

— Когда я решил уйти из больницы, он случайно оказался в палате и предложил нас подвезти.

— А чего это он к тебе пришел?

— Не знаю, — признаюсь я. — Наверно, потому что я член семьи.

Она кивает и провожает взглядом уходящего Стивена. Внутри ансамбль играет «Праздник» группы «Кул энд зэ гэнг»; знакомые звуки трубы плывут над лужайкой.

— Да пошло оно все к черту, — качает головой Клэр.

— Иди уже.

Клэр убегает. Она несется в гору на высоких каблуках и окликает Стивена. Я вижу, как он оборачивается, слышу, как Клэр на него орет, и вот уже они оба скрываются в толпе.

Все-таки удивительно, до чего быстро заканчивается свадьба. Ее так напряженно ждут, так азартно все планируют, что по идее она должна бы идти не шесть часов, а неделю. Мы танцуем, едим и снова танцуем. Майк произносит прочувствованную речь о Дебби, а Макс срывает бурные аплодисменты пьяным неприличным тостом, который кончается на неожиданно лиричной ноте. Я стащил несколько «вил» у мамы из сумочки — исключительно для медицинских целей. Руди, по такому случаю разодетый в темно-синий смокинг, делает передышку и, отлучившись с дежурства около отца, меняет мне в туалете повязку. Мать перебрала, спела с ансамблем несколько хитов и, кажется, готова петь на бис хоть всю ночь напролет, но Клэр уговаривает ее замолчать, и вот уже мы едим десерт, а толпа редет. Дебби и Майк прощаются с гостями, обнимают и целуют всех вокруг, незаметно кладут в карман конверты, а потом уезжают в отель. Утром они улетают на Антигуа.

Потом ансамбль играет «Перед рассветом», и мои родители в одиночку танцуют щека к щеке под Синатру. Официанты наводят порядок, а мы с Рассом и Клэр прямо руками едим крохотные шоколадные пирожные с трюфелями. Стивен стоит в сторонке и ведет с дядей Фредди один из классических бесконечных разговоров, который будет продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь из нас не оторвет задницу от стула и не придет Стивену на выручку.

— Черт, — восклицает Клэр. — Похоже, я потеряла сережку в лимузине.

— Что ты делала в лимузине? О! Ого-го!

— Что поделать, — недоверчиво качает головой Клэр. — Стивен знает, что я обожаю, когда он во фраке.

— Если хочешь знать, он мне нравится намного больше прежнего.

— Спасибо, — отвечает Клэр. — Не хочу.

Она кладет мне голову на плечо и сжимает мою ладонь большим и указательным пальцем.

— И каково тебе его видеть? — интересуюсь я.

— Не знаю. Гормоны на меня так действуют, что я уже ни в чем не уверена.

— Быть ни в чем не уверенным — это здорово.

— Ты уверен?

— Я серьезно. Может, просто нужно подождать, признаюсь я. — Не рубить с плеча.

— Хладнокровной меня точно не назовешь, — заявляет Клэр.

Я слизываю с пальца шоколадную глазурь.

— Мы все меняемся, — отвечаю я.

Клэр решила вернуться домой со мной и Рассом, а завтра встретиться со Стивеном за ланчем. На стоянке холодно, и когда мы прощаемся, от нас идет пар. Мама обнимает меня и прижимается лбом к моему лбу.

— Как хорошо, что ты пришел, — говорит она.

— Я рад, что пришел.

— С тобой все будет хорошо?

— Ага. Через несколько дней буду как новенький.

— Я не это имела в виду, — заявляет она.

— Я знаю, мам. Все будет отлично.

— Правда?

— Правда.

Она чмокает Рассу в щеку.

— Позаботься о моем сыне, слышишь?

— Будет сделано, миссис Паркер.

— Ради всего святого, зови меня Эвой.

— Договорились, Эва.

Отец выглядит усталым, но довольным.

— Классная вечеринка, да? — замечает он.

— Шикарная, — соглашаюсь я и падаю в его безукоризненные объятия.

— Передавай привет Хейли, — отвечает отец, похлопывая меня по спине.

Я цепляюсь за него еще несколько секунд.

— Передам, пап.

Руди садится за руль «ауди», а родители забираются на заднее сиденье. Мама кладет голову отцу на плечо. Машина отъезжает, и я вижу, как в окно высовывается обтянутая смокингом отцовская рука с растопыренными пальцами. Автомобиль набирает скорость и мчится по дороге, постепенно скрываясь из виду за деревьями.

Глава 41

У меня была жена. Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня.

Спустя несколько недель после свадьбы Дебби в дождливый серый понедельник я сижу за компьютером и на пустом экране печатаю эти слова. Кайл заключил сделку с крупным издательством, и, пару дней покопавшись в себе, я решил, что пора вернуться к работе. У меня нет ни плана, ни ориентира — только написанная Кайлом четырехстраничная заявка, под которой он подписал мое имя, и двенадцать колонок, опубликованных в «М»; для договора этого оказалось достаточно. Пару дней назад я сидел в конференц-зале на одном из верхних этажей небоскреба, а старший редактор Перри Мэнфилд, размахивая свернутыми в трубочку страницами с моими статьями, утверждал, что побочный продукт моей разрушенной жизни «гениален».

Аванс, который я получу, не очень-то велик, но ведь в конце концов меня все равно ждет богатство, да и дело совсем не в деньгах. Теперь мне надо заботиться о Рассе, и хотя мы ни в чем не нуждаемся, но вряд ли я подам ему хороший пример, если буду целый день сидеть и чесать яйца. В книге будут воспоминания о том, в какой кошмар я превратил свою жизнь после смерти Хейли. Мне не очень-то хочется об этом вспоминать, но, если вдуматься, так я дольше сохраню память о ней. Ведь я уже знаю, что боль неминуемо утихнет: она уже утихает, тлеет во мне, словно угли костра, подергивается мертвым серым пеплом и тухнет от ветра. Зная, что существуют опубликованные мемуары о нас, я легче смирюсь с утратой — по крайней мере, я так думаю.

Так что теперь я официально писатель. У меня есть контракт, редактор, новый ноутбук и сроки сдачи книги, но я совершенно не представляю, как ее писать. Снова взявшись за работу, я испытываю странное чувство — скорее приятное, чем наоборот. Я сижу за письменным столом в спальне. По крыше стучит осенний ливень; он грохочет по металлической крышке висящего на стене дома компрессора, словно аплодисменты. Я гляжу в окно и пытаюсь собраться с мыслями.

У меня была жена. Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня.

Пока я написал только это. Но у меня есть год на то, чтобы написать остальное, а в материале я недостатка не испытываю. Что-нибудь придумаю.

Чтобы отпраздновать сделку, Расс везет меня в тату-салон: я хочу себе сделать на тыльной стороне правого запястья меньшую копию кометы Хейли. Где бы я ни был, я посмотрю на руку, увижу татуировку и вспомню, что Хейли — часть меня. Конечно, это звучит до слащавости сентиментально, но я чувствую: ее отметина на моей руке — это правильно. Я объясняю все это Рассу, пока мастер натягивает перчатки из латекса и протирает мне руку спиртом.

— Понятно, — кивает Расс.

— Встречный вопрос, — заявляю я, — почему ты сделал себе татуировку именно на шее?

— Не знаю. Мне показалось, татуировка на шее — это круто.

— Но ты ее можешь увидеть, только вывернув шею перед зеркалом, а так она растянется.

— Верно подмечено. Придется сделать еще одну, как у тебя.

— Фиг два.

Это очень приличный тату-салон, он расположен в торговом центре между булочной и химчисткой. Мастер с кольцом седых волос вокруг лысой макушки выглядит, словно чей-то дедушка, его тонкие губы складываются в добрую улыбку, а из-под фартука выглядывает шерстяная клетчатая рубашка.

— А у вас татуировок нет, — замечаю я, разглядывая его чистые предплечья.

— Сапожник без сапог, — отвечает он, включая аппарат. — Как вы переносите боль?

Мы с Рассом переглядываемся и улыбаемся.

По ночам мне нелегко. Раньше ночь была для меня самым легким временем суток — единственным, когда боль утихала, притуплялась до легкой дрожи. Мне не лезли в глаза жизнь, продолжавшаяся за окнами, люди, занимавшиеся своими делами; меня не заботило, что время идет, а я оказался за бортом, придавленный обрушившимся на меня бременем скорби. К тому же к закату я обычно уже напивался. Отныне я не держу в доме выпивку. И траву тоже, если что. Теперь я трезвый и

добродетельный отчим, которому нечем отметить наступление полуночи.

Я захожу в комнату Рассы, который проворно переключает экран компьютера. Теперь на мониторе девушка. Время от времени Расс что-нибудь о ней рассказывает, но пока я толком ничего не знаю. Он еще не готов о ней говорить, а я не хочу совать нос, куда не просят. Я рад за него, но вот такие моменты — когда он переключает монитор, если я захожу в комнату — напоминают мне: как бы мы ни дружили, я все-таки его опекун, а он еще ребенок, и эти границы никуда не денутся, как их ни стирай. Наверно, это хорошо, но сказать, что мне не больно, значит соврать. Я отчим Рассы всего несколько недель, но уже грущу о том, что какие-то кусочки его жизни с неизбежностью от меня ускользают.

— Как дела? — интересуюсь я.

— Шикарно.

— Хочешь, сходим в кино.

— Не могу, — отвечает он, — уроки делаю.

— Отлично. Продолжай в том же духе.

— Почему бы тебе не позвонить мисс Хейз?

— Ага, сейчас...

— А почему бы и нет?

— Она мне ясно дала понять, что не хочет меня ни видеть, ни слышать.

— И такая мелочь тебя останавливает?

Время от времени я думаю о Брук, «время от времени» — это практически постоянно. Отвозя Рассу в школу, я ищу Брук взглядом, несколько раз на дню нарочно проезжаю мимо ее домика, похожего на обиталище семейки Брэди, и в одиночку сижу в кино, надеясь, что вот сегодня она придет. Я высчитываю шансы, прикидывая, какой сейчас день недели, какой фильм идет в мультиплексе. Но, похоже, шансов у меня маловато. Я хочу было оставить Брук сообщение, когда и на какой фильм я пойду, но потом вспоминаю выражение ее лица при прощании и не могу себя заставить набрать ее номер.

— Знаешь, — спустя несколько дней сообщает мне Клэр за кофе с водой в «Старбаксе», — психолог сказал бы: то, что ты теперь вздыхаешь по живой женщине, а не по мертвой, — явное улучшение.

— Поэтому я и не хожу к психологам. Слишком много бесполезной информации.

— Что это у тебя на запястье?

— Татуировка.

— Иди ты!

Я показываю Клэр комету Хейли, прочертившую мое запястье.

— Потрясающе, — выдыхает Клэр, трогая татуировку. — Ты бросаешь вызов обществу.

— Я зол.

— Ты загадочен и опасен.

— И не говори.

— Теперь и мне придется сделать татуировку.

— Это почему?

— Если татуировка будет только у тебя, нарушится гармония.

— Не знаю, Клэр. Татуировка — это серьезный шаг.

— Да что ты говоришь!

— Ничего. Как у тебя дела со Стивеном?

— Думаю, хорошо, — отвечает она. — Мы теперь часто занимаемся сексом. Мы это заслужили. Мы обсуждаем, как и что можно сделать лучше. Но скоро я растолстею, как корова, и мы уже не будем так активно заниматься сексом; тогда придется придумать другие темы для разговоров.

— Ну, у тебя ведь будет ребенок, — замечаю я. — Тут есть о чем поговорить.

— Возможно.

— Ты вернешься домой?

— Не знаю, — признается она, грустно глядя в окно. — Мне и так хорошо.

Я никогда не мог ничем помочь Клэр. По какой-то причине моя сестра, умница-красавица, неизменно борется с прочно укоренившимся стремлением себя мучить, сгорать и восставать из пепла. Она не верит в удачу, что-то заставляет ее снова и снова разрушать свое счастье, и при мысли об этом я чувствую себя грустным и старым.

— Ты его любишь?

— Кажется, да.

— Это хорошо.

— Думаешь, мне надо вернуться домой?

— Ты сама решишь, когда пора.

— Бред собачий.

— Ладно. Я тебе скажу, когда пора.

— Спасибо.

— Тебе пора.

— Пошел ты знаешь куда!

Мы возвращаемся к этому снова и снова: вперед — назад, выпад — парирование, за — против, и все это бессмысленно, потому что на двоих у меня не хватает здравого смысла. Клэр есть Клэр, а я — это я, мы всегда будем в чем-то несовершенны. Может, это та цена, которую мы должны заплатить за то, что ни один из нас не испытывал нужды быть цельной личностью: другой всегда заполнял пробелы. Как бы то ни было, я не хочу думать, что Клэр никогда до конца не будет счастлива. Мне остается лишь надеяться, что материнство что-то в ней разбудит, активизирует какой-нибудь дремлющий ген, отвечающий за удовлетворение. Возможно, рождение ребенка поможет ей преодолеть это препятствие. Хотелось бы сказать, что я очень на это надеюсь, но пока все же не буду устраивать в свободной комнате кабинет.

Как-то холодным поздним вечером я еду в «Стоп & Шоп» за продуктами. Стоянка напоминает пристанище призраков: горстка автомобилей, брошенные тележки, которые с грохотом раскатывают взад-вперед по тротуару, подгоняемые порывистым осенним ветром, словно души умерших покупателей. Я собираюсь выйти из машины, как вдруг замечаю Лейни: она загружает покупки на заднее сиденье своего минивэна через несколько рядов от меня. Что ж, это должно было случиться. Я хожу за покупками по ночам, чтобы никого не видеть, и, видимо, она теперь тоже. На Лейни джинсы, туфли на каблуках, обтягивающий белый свитер; увидев ее, я отчего-то нервничаю. Я пригибаюсь, надеясь, что она меня не заметит. Майк рассказывал, что они с Дейвом ходят к психологу, но спят в разных спальнях, так что прогноз не очень-то благоприятный. Я вспоминаю дочурку Лейни, которая крепко меня обняла, когда я нес ее в кроватку, и сознаю, что буду всегда ненавидеть себя за то, что произошло. Я смотрю, как Лейни отвозит тележку на место, понимаю, что мне нужно выйти из машины и поздороваться, ведь все равно рано или поздно мы где-нибудь столкнемся, но стоянка слишком похожа на пристанище

призраков, и меня сковывает безотчетный страх. Я дрожу как осиновый лист, до тех пор пока не загораются задние фонари минивэна Лейни и машина не отъезжает. Татуировка на запястье напомнит мне о том, что я потерял, а Лейни Поттер на парковке — о том, что я натворил. К этому просто нужно привыкнуть, но иногда осознание того, что абсолютно ничего не меняется, поражает, как удар монтировкой по башке.

Я больше не швыряю чем попало в кроликов. Похоронив одного из них на заднем дворе, самое меньшее, что я могу для них сделать — это предоставить остальным полную свободу действий, так что смерть того кролика не была бессмысленной. Зверьки, дрожа, сидят на лужайке поодиночке или по двое-трое, грызут траву и размышляют о чем-то своем, о кроличьем. Они не обращают на меня внимания, не бросают осуждающие взгляды, чего я так боялся, и, похоже, никак не связывают меня с тяжелым роком, обрушившимся на одного из их братьев. Кролики знают, что иногда случаются неприятности, и ничего с этим не поделаешь. Поэтому они щиплют травку, а я глазею на них; хочется верить, что все мы стали мудрее прежнего.

Так я провожу четверг: сижу перед ноутбуком у открытого окна в спальне, поглядываю на кролика, который отдыхает в тени огромного ясеня, и переделываю постоянно меняющийся план книги. Вдруг звонит телефон.

— Дуг? Это Брук.

Ее голос звучит, точно ария; мельчайшие волоски на моих руках стоя аплодируют ей.

— Привет, — отвечаю я.

Я встаю и нервно расхаживаю по комнате.

— Я звоню по поводу Расса, — быстро произносит она, возвращая меня с небес на землю.

— Что с ним?

— Он угнал учебный автомобиль.

— Что?

— Расс ухитрился как-то вытащить ключи из пиджака инструктора Уоррена. И уехал в неизвестном направлении.

— Невероятно.

— Я пока не хочу подключать полицию, но прошло уже двадцать минут, а у Рассы нет водительских прав. Он мог разбиться. Или кого-нибудь сбить.

— Понятно, — отвечаю я, и голова у меня идет кругом. — Куда же он, черт подери, мог поехать?

— Я надеялась, что ты мне скажешь.

Снаружи громко сигналит машина, очевидно, чуть не врезавшись в другую.

— Секундочку, — говорю я, — это белая «королла»?

— Да.

— Не звони в полицию. Я верну тебе машину через пятнадцать минут.

Когда я спускаюсь, Расс стоит, прислонившись к машине, и улыбается во весь рот.

— Мой первый одиночный полет, — ухмыляется он. — Молодец я?

— Какого черта ты спер учебный автомобиль?

— Это проявление томительной скорби.

— Тебя же могли арестовать.

— Допустимый риск.

— Ты не догоняешь. Ты в дерьме по уши.

— Мне надо было либо угнать машину, либо снова подраться. А от насилия я пока что решил отказаться.

— Да чего ты пытался добиться? — я выхожу из себя.

— Не знаю. Я всего лишь глупый ребенок.

— Это уж точно. Мы сейчас же возвращаемся.

— Я поведу, — заявляет парень, и я бросаю на него самый свирепый взгляд, на который способен. Расс пожимает плечами и бросает мне ключи; я раздраженно ловлю их в воздухе.

— Ты же не собираешься ехать в этом?

— Чего?

— На этой футболке огромная дыра под мышкой. Сходи надень свитер. И причешишь, черт подери, а то такое ощущение, что ты с утра не причесывался.

Расс наклоняется и обнюхивает меня.

— Знаешь что, прими-ка ты душик по-быстрому. Я подожду.

— Ты о чем, черт подери?

И тут он мне улыбается — мой сумасшедший, прекрасный, запутавшийся пасынок, и до меня доходит.

— Она сегодня такая красивая, Дуг. Я к ней заходил.

— Ты с ума сошел.

— Нормальные влюбленные всегда идут в обход.

— У меня в голове не укладывается, что ты додумался до такого.

— А почему бы и нет? — интересуется он. — Вполне в моем духе.

Минуту я стою и скребу в затылке, как идиот, потом качаю головой и улыбаюсь.

— Я буду готов через пять минут.

— Через десять. Надень синий свитер в косичку. Он идет к твоим глазам.

— Ладно, не дури.

— Извини.

По дороге в школу мы во все горло подпеваем группе «Клэш»; окна в машине открыты. Мы нота в ноту повторяем гитарные соло, синхронно стучим в такт барабанам по панели приборов, а когда нужно, поем в унисон. Ни у кого больше так не получится. Наше чутье безупречно, а души чисты. На светофорах на нас с благоговейным страхом таращатся водители, а мы играем и поем что есть мочи.

Не думаю, что Брук бурно отреагирует на мое появление. Не будет ни прочувствованных речей, ни объятий, ни бдений с магнитофоном под дождем у окон любимой, ни долгих нежных поцелуев в коридоре под приветствия проходящих мимо учеников. Но, быть может, увидев меня, Брук вспомнит, что между нами зарождалось что-то прекрасное, легкое, настоящее, а я, раз ее увидев, буду снова и снова мужественно пытаться ее повидать. Может, мы обменяемся взглядами, засмеемся, сделаем что-то такое, от чего земля на минутку уплывет из-под ног, и в следующий раз, собравшись в одиночку в кино, я смело оставлю сообщение на ее автоответчике. Быть может, что-то в моем взгляде или голосе намекнет Брук: будет хорошо, если она придет, ведь я теперь не тот, что раньше. Я уже не жду счастливого конца. Я просто хочу, чтобы что-то снова началось.

Песня кончается, диджей тараторит, как заводная игрушка, и Расс выключает радио. Во внезапно наступившей тишине я ловлю себя на том, что расскажу Хейли, как здорово мы с Рассом поем в машине. Иногда такое происходит до сих пор — словно условный рефлекс, от которого невозможно избавиться; меня охватывает мучительная грусть. Расс заговаривает было, но потом умолкает, почувствовав перемену в моем настроении, и остаток пути мы оба едем в молчании. Думаю, теперь так и будет: шум, гам, долгие разговоры, изредка прерываемые молчанием — словно пауза между двумя песнями. Есть что-то утешительное в том, что Хейли всегда будет ждать меня в тишине, а я буду жить вместе с Рассом, вести с ним долгие разговоры.

Я поворачиваю на школьную стоянку и паркуюсь. Минуту мы сидим молча.

— Как ты думаешь, меня на время исключат?

— Думаю, да.

Расс пожимает плечами.

— Для такого дела не жалко.

Ему пора постричься, но я ему об этом говорить не хочу. Небо затянули пепельно-серые тучи; за окном машины свистит сильный ветер, проворно и весело гонит по асфальту хрупкие листья и раздавленные пачки из-под сигарет. Скоро наступят холода.

— Знаешь, — признаюсь я, откидываясь на спинку сиденья, — ты заслужил право на счастье.

Расс задумчиво кивает, глядя перед собой.

— Ты тоже.

— Я знаю.

Мы долго смотрим друг на друга, потом отворачиваемся и снова глядим в окно на капризы погоды. Внезапно я чувствую, как атмосфера вокруг нас заряжается электричеством, словно в последний миг перед началом увертюры. Мы молоды, стройны, печальны и прекрасны. Все может стать.

— Ладно, — говорю я, — вперед.

Мы одновременно открываем двери, и в лицо нам бьет ветер.

Примечания

1

Круглосуточные магазины сети *Seven-Eleven* называются так, потому что раньше работали с 7 до 23 часов. — *Здесь и далее прим. пер.*

2

Капитан Джек — популярный герой комиксов и фильмов; кроме того, это сленговое название виски «Джек Дэниелс», а также героина.

3

В иудаизме шива — семидневный траур по усопшему родственнику.

4

Вера (*исрив*).

5

Одно из названий ибупрофена.

6

Американская ежегодная премия за достижения в театральном искусстве.

7

В Лигу Плюща входят привилегированные университеты северо-востока США.

8

Одна из крупнейших в США сетей универмагов.

9

Популярный фантастический телесериал.

10

Игра слов: *Hailey's comet* — комета Хейли, *Hailey's comet* — комета Галлея.

Глория Свенсон (1899–1983) — знаменитая американская актриса кино, театра и телевидения.

12

«Огни святого Эльма» — мелодрама о студенческой дружбе молодых людей, которые недавно закончили университет и вышли в большой мир.

Парк аттракционов в Джексоне, штат Нью-Джерси.

14

Пластиковая игрушка в виде картофелины, к которой прилагаются разные глаза, носы, рты и уши.

15

Популярная в Америке ведущая кулинарных телепрограмм.

Синдром Туретта — психическое расстройство, при котором больной выкрикивает нецензурные слова, допускает социально неуместные или оскорбительные высказывания.

17

Опра Уинфри, популярная американская ведущая и актриса.

На иврите и на идише — пожелание счастья.

«*Саинфелд*» — популярный американский ситком, впервые транслировавшийся по NBC с 1989 по 1998 год.

Джинджер Роджерс и *Фред* Астер, американские актеры и танцовщики, звезды кино 1930-1940-х годов.

Имеется в виду популярное американское телешоу «Доктор Фил». Ведущим, психолог Фил Макгро, обсуждает с гостями передачи их проблемы.

Британский радиоведущий. Долгие годы жил в США.

В иудаизме — обряд инициации для мальчиков в возрасте 13 лет.

Имеется в виду фильм «Стенфордские жены» (2004) по книге Айры Левина. Стенфордские жены на первый взгляд кажутся идеальными: они приветливы, всегда безупречно выглядят, ведут хозяйство и выполняют все прихоти мужа. На деле же оказывается, что это биороботы с чипом в голове.

Джей Лено — американский комик и телеведущий, участник вечерней программы *The Tonight Show*.

Семейка Брэди — герои одноименного популярного комедийного телесериала и фильма.

Имеются в виду американские актеры Кэтрин Хепберн (1907–2003) и Спенсер Трейси (1900–1967), которые вместе сыграли в таких фильмах, как «Женщина года», «Угадай, кто придет к обеду?», «Ребро Адама».

Table of Contents

[Джонатан Троппер Как общаться с вдовцом](#)

[Благодарности](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

